

Московский Центр Карнеги

Интернет и российское общество

Под редакцией Ильи Семенова

Гендальф • Москва • 2002

УДК 004.738.5(470+571)
ББК 32.973.202
И73

Рецензент кандидат философских наук М. М. Кузнецов

Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2002. — 279 с.
ISBN 5-88044-

Основная задача сборника — описание и анализ социально-культурной трансформации российского общества, вызванной новыми информационными и коммуникационными технологиями. Книга является результатом совместных усилий исследователей, принадлежащих к различным дисциплинарным и теоретико-методологическим направлениям, но объединенных научным вниманием к Интернету как к той совокупности технологий, которая наиболее емко, полно и широко выражает общие тенденции информационной революции. Анализ этих общих тенденций, с одной стороны, дает возможность лучше понять мировые тенденции социальных преобразований и их причины, с другой — описывает специфику протекания этих процессов в России. Сборник подготовлен на основе докладов, сделанных на семинарах Московского Центра Карнеги в рамках рабочей группы «Интернет и российское общество» в 2001—2002 гг.

УДК 004.738.5(470+571)
ББК 32.973.202

The Internet and Russian Society.

Электронная версия: <http://pubs.carnegie.ru/books/2002/08is>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York. В соответствии с условиями предоставления гранта издание распространяется бесплатно.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

ISBN 5-88044-144-X © Carnegie Endowment for International Peace, 2002

Содержание

Об авторах	5
Введение	7
<i>Юрий Перфильев</i> . Территориальная организация российского интернет-пространства	21
<i>Илья Семенов</i> . Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии	48
<i>Григорий Белонучкин, Екатерина Михайловская</i> . Политический сегмент российского Интернета, его развитие и перспективы	70
<i>Артем Шадрин</i> . Информационные технологии и совершенствование социальных институтов	91
<i>Валентин Иванов</i> . Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете (на примере сайта http://www.e-government.ru)	118
<i>Людмила Будникова</i> . Роль российского Интернета в привлечении иностранных инвестиций	138
<i>Евгений Горный, Константин Вигурский</i> . Развитие электронных библиотек: мировой и российский опыт, проблемы, перспективы	158
<i>Николай Митрохин</i> . Интернет — миссионерское поле или зона межконфессионального противостояния? (на примере сайтов Русской православной церкви)	189
<i>Елена Мирская</i> . Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность	211
<i>Александр Войскунский</i> . Исследования Интернета в психологии	235
<i>Людмила Сукина</i> . Интернет-публикации классического и современного искусства и формирование новой культурной среды в российской провинции	251
Summary	269
О Фонде Карнеги	278

Contents

About the Authors	5
Introduction	7
<i>Yurii Perfiliev</i> . The Territorial Organization of Russia's Cyberspace	21
<i>Ilya Semenov</i> . The Longing for Identity: Resistance and the Information Technologies	48
<i>Grigory Belonuchkin, Yekaterina Mikhailovskaya</i> . The Political Segment of Russia's Internet: Its Development and Prospects	70
<i>Artyom Shadrin</i> . Information Technologies and Raising the Effectiveness of Social Institutions	91
<i>Valentin Ivanov</i> . On the Particulars of Realizing the Functions of Social Management in the Internet (Based on the example of the www.e-government.ru website)	118
<i>Ludmila Budnikova</i> . The Role of Russia's Internet in Attracting Foreign Investment	138
<i>Yevgeni Gorny, Konstantin Vigursky</i> . The Development of Electronic Libraries: Russia's and the World's Experience, Problems, and Outlook	158
<i>Nikolai Mitrokhin</i> . The Internet: A Hunting Ground for Missionaries, or a Zone for Interfaith Conflict? (Based on the example of the Russian Orthodox Church's websites)	189
<i>Elena Mirskaya</i> . The Internet and Science: The Technologies of Globalization and Russia's Reality	211
<i>Aleksandr Voiskunsky</i> . Internet Research in Psychology	235
<i>Ludmila Sukina</i> . Internet Publications of Classical and Modern Art and the Formation of a New Cultural Environment in Russia's Regions	251
Summary	269
About the Carnegie Endowment	278

Об авторах

Белонучкин Григорий Владимирович — научный сотрудник Информационно-исследовательского центра «Панорама».

Будникова Людмила Станиславовна — кандидат экономических наук, консультант Фраунгоферского общества по поддержке прикладных исследований (Fraunhofer Society).

Вигурский Константин Владимирович — кандидат технических наук, заведующий отделом Научно-технического центра «Информрегистр» Минсвязи России.

Войскунский Александр Евгеньевич — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией «Психологические проблемы информатизации» факультета психологии Московского государственного университета.

Горный Евгений Алексеевич — независимый эксперт, журналист, специалист в области гуманитарного Интернета.

Иванов Валентин Евгеньевич — сотрудник Департамента правительственной информации аппарата Правительства Российской Федерации.

Мирская Елена Зиновьевна — доктор социологических наук, заведующий сектором «Социология науки» Института истории естествознания и техники РАН.

Митрохин Николай Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Информационно-исследовательского центра «Панорама», научный сотрудник Правозащитного центра «Мемориал».

Михайловская Екатерина Викторовна — вице-президент Информационно-исследовательского центра «Панорама».

Об авторах

Перфильев Юрий Юрьевич — аспирант географического факультета Московского государственного университета.

Семенов Илья Анатольевич — кандидат философских наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, координатор проекта «Этничность и нациестроительство».

Сукина Людмила Борисовна — кандидат культурологии, искусствовед, заведующий кафедрой гуманитарных наук Института программных систем РАН — Университета, Переславль-Залесский.

Шадрин Артем Евгеньевич — научный сотрудник Института экономики переходного периода, координатор Российской сети информационного общества.

Введение

Последнее десятилетие прошлого века было в России бурным и насыщенным. Но в многообразии событий, изменений и переходов можно выделить два мощных импульса, задавших тон социальным трансформациям. Один — распад Советского Союза, другой — революция в области информационных и коммуникационных технологий. В отличие от коллапса социалистической системы масштаб воздействия второго импульса сказывается на России постепенно. Если первое событие было разрушением и обвалом, то второе явилось началом долгого и масштабного созидания.

Разумеется, информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) появились в России не в 90-е годы, а гораздо раньше, ведь к ним относятся и чипы, и компьютеры, и телекоммуникации. Но то, что собственно воплощает их революционное воздействие, осуществилось в нашей стране только в самом начале 90-х годов. Квинтэссенцией информационно-технологической революции, вместе с тем представляющей один из ее аспектов, стал Интернет. Информационно-технологическая революция имеет два аспекта: один связан с прогрессом в области технологий, другой — с ролью и значением информации и знаний в обществе. Если первый из них был в России уже в какой-то мере проявлен, то второй проявился лишь в 1991 г.

Два эти аспекта, взятые по отдельности, лишь характеризуют нынешнюю информационно-технологическую революцию. Сущность же этого явления определяется не

просто многосторонним технологическим прорывом и не просто центральной ролью информации, но тем скачком, который вызван участием знаний и информации в повышении эффективности генерирования и обработки знаний и в усовершенствовании устройств, обрабатывающих информацию и осуществляющих коммуникацию.

Новейшая история России, направляемая указанными импульсами, не может быть прочитана вне мирового контекста. Закономерности глобальных процессов побуждают многих исследователей угадывать за ними более или менее четкие контуры новой цивилизации. Среди ведущих специалистов, отдающих свой аналитический и синтетический талант определению социальных перспектив, могут быть названы Дж. Несбитт¹, Э. Тоффлер², С. Хантингтон³, Дж. Гэлбрейт⁴, Л. Туроу⁵, М. Кастельс⁶, З. Бжезинский⁷, Э. Люттвак⁸, И. Валлерстайн⁹, А. Этциони¹⁰, П. Дракер¹¹, Ф. Фукуяма¹², Э. Гидденс¹³ и др.

Для проблематики настоящего сборника важно учесть несколько глобальных процессов: информационно-технологическую революцию, культурные и социальные движения 60—70-х годов и кризис, явившийся причиной реструктуризации двух существовавших в то время социально-экономических систем — капитализма и этатизма. Эта триада процессов была выделена М. Кастельсом. Безусловно, их вычленение конструирует упрощенную схему. Однако стоит отметить, что эта схема основана на глубоком анализе экономики, политики и культуры современного мира, рассматривающем все происходящие изменения в контексте формирования постиндустриального общества. Причем понятие «постиндустриальное общество» — не очередная утопия, а, по словам одного из отцов постиндустриализма Д. Белла, аналитическая конструкция, парадигма, определяющая новые направления социальной организации и стратификации¹⁴. Глобальные процессы, затронувшие в последнее десятилетие Россию, привлекли внимание ученых еще до наступления 90-х годов. Отдельные постулаты и принципы, развитые в работах упомянутых авторов, мы встречаем уже в работах Д. Белла, А. Турена¹⁵, Э. Тоффлера и др. Таким образом, обсуждаемые в сборнике проблемы имеют глобальный характер и достаточно длительную научную историю.

В свете сказанного Интернет понимается как витрина информационно-технологической революции и глобальных процессов вообще. Это некий «интерфейс» — среда взаимовлияния и обратных связей. Именно здесь, в новой информационной и коммуникацион-

ной среде, происходит трансформация социальных измерений, вызванная не только доступностью новой информации, но и характером той среды, в которой эта доступность реализуется.

Несмотря на то что Интернет — глобальная сеть, он явно сегментирован. Одной из форм сегментации выступает язык представления информации и коммуникации. Поскольку наш сборник посвящен социальным процессам в российском обществе, объектом наиболее пристального внимания исследователей является русскоязычный сегмент Интернета.

Несовпадение этого сегмента с границами российского государства, а также пафос так называемой транспарентности (прозрачности) границ ни в коей мере не уменьшают той значимости, которую имеет «география» как в создании и функционировании телекоммуникационной инфраструктуры (включая «проблему последней мили»), так и в оценке распространения и использования Интернета.

Интернет-пространство — это не некое «виртуальное», мифическое пространство в стиле трехмерных компьютерных игр, а вполне реальная система отношений и связей: индивидов друг с другом и с информационными ресурсами, индивидов с техническими устройствами-посредниками и самих этих устройств. Последнее предполагает ряд специфических технологий передачи данных и многообразие способов передачи.

Статья *Юрия Перфильева* «Территориальная организация российского интернет-пространства» описывает именно это пространство, где территориальность — важная составляющая упомянутых отношений. Автор рассматривает две основы российского Интернета: социальную и телекоммуникационную. Выделяются три главных фактора, препятствующих развитию Интернета в регионах: неразвитость современных телекоммуникационных сетей, низкий уровень доходов населения, низкий уровень инвестиций в развитие интернет-инфраструктуры. Ю. Перфильев говорит о положении различных компаний на рынке межрегиональной связи. В связи с этим затронута и проблема монополизма. Кратко охарактеризован основной потребительский рынок провайдинговых услуг, дана общая схема развития провайдинга в регионах.

Автор не обходит вниманием и информационно-сервисную основу российского Интернета. Развитие информационных ресурсов территориально соответствует развитию Интернета в целом. Все наиболее крупные интернет-проекты созданы в столицах. Ситуация с информационными серверами также проецируется на региональ-

ный уровень — большинство региональных сайтов создано в административных центрах регионов.

Что касается тенденций развития интернет-услуг, то автор выделяет две основные, имеющие системный и территориальный характер: первая — общая диверсификация и специализация отрасли, вторая — проникновение на региональные рынки крупных московских и петербургских компаний в связи с насыщением столичного рынка. На сегодня процесс быстрого роста числа пользователей Интернета в столицах завершился, хотя уровень интернетизации в Москве и С.-Петербурге ниже, чем в Соединенных Штатах и Скандинавии. Причина — низкие доходы россиян. Однако уровень развития российского Интернета уже можно считать привлекательным для ряда крупных западных IT-компаний. В регионах складываются полноценные рынки интернет-услуг. Серьезные изменения произошли и в сфере регионального интернет-провайдинга. Здесь помимо проникновения столичных провайдеров обращают на себя внимание, с одной стороны, рост и развитие «домашних сетей», с другой — выход на рынок предоставления доступа к Интернету корпоративных сетей, что фактически знаменует конец монополии. В целом развитие Интернета в России существенно отстает от Запада. Многие насущные для технологически развитых стран проблемы пока не актуальны для России. Но Интернет развивается, и его развитие, хотя и не свободное от влияния экономических и инфраструктурных особенностей России, довольно динамично.

Несмотря на неравномерность распространения и использования Интернета в мире, актуализация предоставляемых им возможностей имеет общие стратегии и в технологически развитых, и в развивающихся странах. Это касается, в частности, использования Интернета в качестве нового мощного орудия сопротивления универсализирующему влиянию определенной формы западного символического капитала. В современном мире процессы глобализации и локализации тесно переплетены. Многие технологии, служившие поначалу каналами распространения «глобальных» тенденций, стали профессионально использоваться противостоящими этим тенденциям силами. Однако формальное влияние таких технологий на преобразование социальных отношений, вызванное изменением объемов доступной информации, способов доступа к ней, сокращением времени ее получения, а также изменением характера коммуникации, является действительно глобальным и глубоким. Закономерно также и глобальное усиление локального, национального, религиозного и прочего сопротивления, которое приоб-

ретает универсальные черты и использует универсальные технологии, как собственно технические (тот же Интернет), так и социальные (например, политические).

В результате переплетения глобализации и противоположных тенденций появляются новые формы, новые измерения идентичности, призванные преодолеть противоречия и разрешить как индивидуальные, так и социальные конфликты, измерения, ставшие отражением тех тектонических сдвигов (экономических, политических, культурных), которые произошли и происходят на стыке веков.

Описанию и анализу этих явлений посвящена статья *Ильи Семенова* «Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии». Основываясь на конструктивистском подходе к пониманию идентичности, автор демонстрирует смещение акцента идентификации в сторону «сопротивления». Именно «сопротивление» становится центром, организующим процессы идентификации. Российский социальный и информационный контекст — лишь пример проявления глобальных тенденций. Термин «сопротивление», в отличие от понятия «экстремизм», характеризует основание нейтральной оценки, самооценки и классификации и выражает не позицию центров власти, а суть преобладающего способа построения идентичностей. Информационные и коммуникационные технологии формируют ту среду, которая, с одной стороны, предоставляет новые формы воображения, например, такого сообщества, как нация, с другой — дает основание новым «виртуальным» формам воображаемых сообществ.

Российское интернет-пространство и Рунет («Российский (русский) Интернет») — понятия пересекающиеся, но все же разные и по содержанию, и по объему. В первом случае определенность задают политические границы и отношения между индивидами, техническими устройствами и информационными ресурсами, во втором — границы языка либо границы домена .ru. Описание и анализ территориальной организации российского интернет-пространства даны в статье Ю. Перфильева. Рассмотрению же политической составляющей Рунета, понимаемого в данном случае в соответствии с пространственной, но далекой от строгой классификации трактовкой как совокупность русскоязычных сайтов Всемирной паутины, посвящена статья *Григория Белонучкина и Екатерины Михайловской* «Политический сегмент российского Интернета, его развитие и перспективы». Статья насыщена богатым фактическим материалом. Это вызвано как отсутствием систематической истории Рунета, так и за-

дачами работы, одной из которых является классификация ресурсов его политического сегмента. Представив подробную и четкую классификацию, авторы останавливаются на насущном вопросе законодательного регулирования этого сегмента. Указывается ряд важных тенденций его развития, в том числе увеличение возможностей для манипулирования информацией и монополизация политического Рунета. Перспектива обоюдного осуществления этих тенденций вызывает серьезные опасения за свободу и безопасность российского информационного пространства и заставляет более внимательно, практично, без лишних восторгов рассмотреть концепцию «информационного общества» и предложить пути ее реализации исходя из специфики общества российского.

Именно этой задаче посвящена статья *Артема Шадрина* «Информационные технологии и совершенствование социальных институтов». Хотя в России пока не принята официальная программа информационного общества, существуют «Концепция формирования информационного общества в России» и федеральная целевая программа «Электронная Россия». Что касается Концепции, то она носит по большей части декларативный характер, федеральная же программа, несмотря на некоторую неконкретность, вселяет надежды. Чтобы они не остались лишь надеждами, необходимо четко представлять, что нового могут сделать информационные технологии в конкретных условиях и исходя из определенного бюджета, что должны сделать государство и общественные организации, чтобы реальные перспективы использования информационных технологий не остались лишь перспективами, не ограничились просто установкой компьютерной техники, подключением к информационным сетям и «освоением» выделенных средств. Не менее важно остановить дальнейшую мифологизацию и идеологизацию информационного общества. Первое, что необходимо для этого сделать, — описать возможности наиболее эффективного качественного и количественного воздействия информационных и коммуникационных технологий как на индивидуальном, так и на институциональном уровне. Именно это и сделал в своей статье А. Шадрин. Особенно стоит отметить его внимание к возможностям сетевых организаций, способных обеспечить большую эффективность межличностного общения в сравнении с обычными для Интернета механизмами взаимодействия.

Россия отстает от развитых стран в области внедрения и использования Интернета на три-пять лет. Помимо того, что в парадигме соревнования отставание само по себе нежелательно, существует

явная опасность межгосударственного цифрового неравенства (digital divide). Чтобы преодолеть отставание, нужно не совершать ошибок и действовать очень четко и адресно. Только эффективность использования новых технологий позволит грамотно внедрить и использовать ИКТ. Хотя нет худа без добра — в определенном смысле наша страна даже в выгодном положении, у нее есть возможность учесть ошибки идущих впереди. Это, конечно, возможно лишь с учетом того, что Россия представляет собой своеобразный и разнообразный политический, социальный, экономический, культурный и религиозный пейзаж, требующий индивидуальной подгонки опробованных на Западе технических и организационных решений.

Итак, эффективность функционирования информационных технологий относится к числу приоритетных задач России. Но не стоит забывать, что техническая эффективность — не самоцель, а средство. Главное — не техническая, а социальная эффективность. Проявлением социальной эффективности является более рациональное и функциональное управление. Тема социального управления является центральной в статье *Валентина Иванова* «Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете (на примере сайта <http://www.e-government.ru>)». Основная цель проведенного В. Ивановым исследования — поиск оптимальных форм и способов реализации функции социального управления, коммуникации в Интернете. Для достижения этой цели автор прежде всего обращается к анализу существующих моделей социального управления. Среди других он выделяет модель социально ориентированного управления. В ней важная роль отводится диалогу, коммуникации.

Для органов государственной власти управление — центральная функция. Повышение его эффективности — задача, которую призван решать сайт <http://www.e-government.ru>. Создание и функционирование этого сайта входит в рамки более широкого комплекса задач, которые принято обозначать как «электронное правительство». В статье дается представление о структуре и содержании сайта, анализируется и оценивается его функционирование как информационного ресурса и коммуникативной площадки. В этой связи рассматривается одна из коммуникативных стратегий ресурса — создание представительной экспертной группы. Описание и анализ работы сайта <http://www.e-government.ru> приводит автора к выводу о необходимости овладения новыми социально-диагностическими и социально-проективными методиками, без которых использование ИКТ неэффективно. В. Иванов показывает, что Интернет может и

должен быть использован для установления реального диалога правительства с гражданами, что, по его словам, «обернется социальным выигрышем».

Также несомненный выигрыш, но уже в первую очередь экономический, сулит развитие интернет-ресурсов, поставляющих представителям различных сфер бизнеса как в России, так и за рубежом надежную информацию об инвестиционном климате в стране. Описанию и анализу этих ресурсов посвящена статья *Людмилы Будниковой* «Роль российского Интернета в привлечении иностранных инвестиций». Поскольку зарубежные СМИ по преимуществу транслируют негативные сведения о российской экономике, развитие сайтов-порталов, проясняющих экономическую ситуацию в нашей стране, является важным фактором, стимулирующим интерес к сотрудничеству и развитию инвестиционной деятельности в России. Все интернет-ресурсы, направленные на привлечение иностранных инвестиций, автор делит на две группы: чистые интернет-компании, основная часть дохода которых приходится на услуги, предоставляемые онлайн, и ряд консалтинговых, финансовых и юридических учреждений, размещающих соответствующую информацию на своих сайтах. Помимо подробного анализа существующих в России интернет-ресурсов, предлагающих добротную экономическую информацию, Л. Будникова останавливается на таких вопросах, как необходимость и целесообразность интернет-порталов, непосредственно направленных на привлечение иностранных инвестиций, оценка стоимости интернет-компаний в России, роль официальной информации в Интернете, имеющей отношение к привлечению инвестиций. Прояснение этих и многих других вопросов, а также анализ информационно-ресурсов дополняют выявление слабостей этого информационного сектора и предложение решений по их устранению.

Полное и всестороннее представление экономической ситуации (чему призваны способствовать возможности Интернета) — важная задача правильного и эффективного использования национального информационного ресурса России.

Однако помимо своевременного и полного представления и распространения информации эффективное использование информационного ресурса включает сохранение, поиск, учет и т. п. Огромные объемы информации затрудняют эффективную работу с ней. Решение этой проблемы лежит, по словам *Евгения Горного* и *Константина Вигурского*, авторов статьи «Развитие электронных библиотек: мировой и российский опыт, проблемы, перспективы», на пути

использования современных средств вычислительной техники и информационных технологий и теснейшим образом связано с переводом хранимой информации в электронную форму. Информация благодаря кумулятивному эффекту развития ИКТ становится важным ресурсом. Этот ресурс представлен как в традиционной (рукописные и печатные материалы, живопись, скульптура, архитектура, аудиозаписи, фотографии, кино- и видеофильмы и т. п.), так и в электронной форме. Как отмечают авторы, различие между этими формами состоит не только в способе предоставления информации, но и в стратегиях ее хранения, распространения и модификации. В рамках исследования одной из этих стратегий, именуемой «электронная библиотека», Е. Горный и К. Вигурский рассматривают ряд принципиальных вопросов, касающихся создания и развития электронных библиотек. В частности они указывают на специфику электронных библиотек в сравнении с другими информационными системами, разбирают основные определения и термины, анализируют главные подходы к пониманию «электронной библиотеки» и предлагают целостную концепцию ее «функциональной структуры».

Статья *Николая Митрохина* «Интернет — миссионерское поле или зона межконфессионального противостояния?» представляет собой попытку ответить на поставленный в названии вопрос применительно к сайтам Русской православной церкви. В ходе подчиненной этой задаче исследования автор описывает и анализирует ряд православных интернет-ресурсов.

Русскоязычный православный Интернет разнообразен и содержателен, за последние два года он значительно обогатился. Нередко православные ресурсы представляют собой многоцелевые и многофункциональные порталы, выполняющие как информационные, так и коммуникационные задачи. Однако чаще всего приоритет отдается одному направлению, одной задаче. Эти направления, задачи и формируют дифференциацию ресурсов. Одни делают акцент на освещении официальной линии РПЦ и на новостном информационном блоке, другие представляют собой полноценные высокопрофессиональные библиотеки, третьи предоставляют информацию паломникам, четвертые ставят во главу угла миссионерскую задачу — диалог с сочувствующими, интересующимися православием и неверующими. Среди такого обилия ресурсов Н. Митрохин намеренно сужает поле исследования. Это вызвано не столько тем, что многие из них «представляют собой либо лишь несколько страниц устаревшей информации, либо электронные версии офлайновых СМИ», сколь-

ко конкретной и четко сформулированной в названии статьи задаче — выяснить приоритеты в подаче информации на сайтах православной части русскоязычного Интернета. Рассматривая понимание информационной работы Русской православной церковью и ее специфику, автор указывает, что сайты «были созданы для того, чтобы связать церковное “начальство” с церковными же “низами”, а также дать возможность желающим светским гражданам познакомиться с официальной позицией церкви по некоторым вопросам». Однако настоятельность этой задачи и использование для ее реализации Интернета были продиктованы, как справедливо отмечает автор, не только «развалом работы центральных СМИ РПЦ в середине 90-х годов», но и потенциалом сетевых возможностей, предоставляемых интернет-технологиями. Интернет был не только «более дешевым и доступным средством переброса информации из центра церковной жизни в многочисленные провинциальные епархии» (причем утверждение о доступности, на наш взгляд, представляется слишком смелым), но и функционально более мощным и оперативным.

По мнению Н. Митрохина, насколько официальным церковным сайтам удалась работа по распространению информации, настолько вне сферы их внимания осталась реальная миссионерская (т. е. рассказ о вере в среде неверующих) и катехизаторская (обучение основам вероучения и ритуалам) работа. В отличие от официальных неофициальные сайты «православной общественности» не считают миссионерство первоочередной задачей, но все-таки уделяют ему сравнительно большее внимание. Отсутствие планомерной и объемной миссионерской работы в Интернете со стороны официальных церковных сайтов заставляет «рядовых, случайных посетителей» обращаться к сайтам «православной общественности», на которых нередко высказываются достаточно радикальные взгляды. Автор рассматривает содержание и стиль дискуссий на таких сайтах. В связи с этим затронуты и вопросы ксенофобии и экстремизма. Относительно последнего автор справедливо утверждает, что создатели православных сайтов «однозначно считают, что экстремизм неприемлем и что с ним необходимо бороться с помощью цензуры (модерации), но каждый понимает под экстремизмом что-то свое».

Итак, Н. Митрохин, описывая и анализируя православные ресурсы русскоязычного Интернета, выстраивает некую схему, согласно которой именно недостаток официальной миссионерской стратегии в Интернете служит не достаточным, но необходимым основанием радикальных религиозных взглядов. И если все-таки исходить

из того, что указанная информационная политика РПЦ, не отдававшая приоритета миссионерской деятельности, была обусловлена малым количеством русскоязычных пользователей Интернета, то не только рост русскоязычной аудитории, но и указанная автором опасность расстановки радикальных акцентов, не способствующих миру и согласию, должны стать поводом для более внимательного и взвешенного подхода к решению вопроса о действенных стратегиях миссионерства в новой информационно-коммуникационной среде.

Важность миссии в Интернете и «внутрицерковного обмена информацией с использованием в ней современных коммуникационных технологий», о чем заявил патриарх Алексий II на Юбилейном архиерейском соборе РПЦ, состоявшемся 13—16 августа 2000 г., сегодня неоспорима.

Как религия, так и наука невозможны без распространения информации и обмена ею. От эффективности и быстродействия научных коммуникаций существенным образом зависит вся профессиональная деятельность научного сообщества. Однако помимо ускорения информационного обмена новые технологии представляют собой новую информационную и коммуникационную среду. В связи с этим систематического изучения требуют процесс ассимиляции новых информационно-коммуникационных технологий, результаты его воздействия на научное сообщество и динамика возникающих изменений. Этой теме посвящена статья *Елены Мирской* «Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность». Исследование призвано ответить на ряд важных вопросов, сформулированных автором: оказывают ли влияние новые технологии на традиционные показатели научной успешности? зависит ли продуктивность профессиональной деятельности ученого от активного использования современных информационно-коммуникационными технологий? есть ли какие-либо реальные свидетельства о радикальных изменениях механизмов производства научного знания? Е. Мирская отвечает на них, используя данные трех последовательно проведенных эмпирических исследований. Некоторые их результаты служат частным подтверждением актуальности проблемы «цифрового неравенства» (digital divide). Сравнительный анализ данных семилетнего мониторинга позволяет констатировать усиление стратификации национального научного сообщества. Те ученые, которые, по словам Е. Мирской, умело сочетают высокий профессиональный уровень с активным использованием мировой информационно-коммуникационной сети, получают значительное преимущество по срав-

нению с коллегами, не обладающими этими качествами или имеющими в распоряжении только одно из них.

Что касается российской науки в целом, то для нее очень важны следующие два вопроса: являются ли ИКТ инструментом, с помощью которого можно интегрировать национальные фундаментальные исследования в мировую систему? способно ли дальнейшее развитие компьютерных коммуникаций само по себе привести к интеграции национальных исследовательских систем в глобальную научную систему? Полученные автором данные позволяют ответить на первый вопрос положительно, а на второй — отрицательно. ИКТ постоянно совершенствуются и обновляются. Возможность для России занять в мировой науке достойное ее интеллектуальных и научных ресурсов место существенным образом зависит не столько от внедрения новых технологий, сколько от максимальной реализации их информационного и коммуникационного потенциала.

Однако Интернет — не только инструмент, позволяющий сделать научную деятельность эффективной, это еще и объект профессионального интереса ученых. Причем не только естественников, но и гуманитариев. Об одном из направлений гуманитарных исследований Интернета повествует статья *Александра Войскунского «Исследование Интернета в психологии»*. В центре внимания автора — рассмотрение направлений гуманитарных исследований опосредованной Интернетом деятельности в России. Это рассмотрение предваряет задание более широкого мирового контекста психологических исследований, связанных с Интернетом. Что же касается российской «психологии Интернета», то ее достаточно раннее оформление и разработка ставятся в зависимость от фундаментальных положений отечественной психологической науки.

Как уже говорилось, Интернет — это сложная система отношений, формирующая социотехническую среду. Общественные отношения, претерпевающие изменения благодаря новым средствам коммуникации, конструирующим новые или укрепляющим традиционные измерения идентичности, конечно, погружены в культуру. Однако выделение культуры в качестве специфической сферы отношений позволяет обогатить социотехническое понимание интернет-среды. Это утверждение распространяется и на отношение к тем произведениям искусства, которые представлены или описаны в Интернете. Представленность в электронном виде, а также доступность искусствоведческих источников формируют новую культурную среду, которая устраняет различие между «провинцией» и «столицей».

Эти процессы исследованы в завершающей сборник статье *Людмилы Сукиной* «Интернет-публикации классического и современного искусства и формирование новой культурной среды в российской провинции».

Итак, краткая характеристика проблематики представленных в сборнике статей поясняет его общее название («Интернет и российское общество») и выраженную в этом названии идею. Она заключается в описании и анализе социально-культурной трансформации российского общества, вызванной новыми информационными и коммуникационными технологиями.

Книга является результатом совместных усилий исследователей, принадлежащих к различным дисциплинарным и теоретико-методологическим направлениям, но объединенных вниманием к Интернету как к той совокупности технологий, которая наиболее емко, полно и широко выражает общие тенденции информационной революции. Анализ этих тенденций в контексте социальных трансформаций российского общества, с одной стороны, позволяет лучше понять мировые тенденции социальных преобразований и их причины, с другой — описывает специфику протекания этих процессов в России.

Публикация подготовлена на основе докладов, сделанных на семинарах Московского Центра Карнеги в рамках рабочей группы «Интернет и российское общество» в 2001—2002 гг. Исследование усиливающегося влияния информационно-технологической революции на общество продолжается.

Илья Семенов,
кандидат философских наук,
член научного совета Московского Центра Карнеги

Примечания

- ¹ Naisbitt J. *Global Paradox*. — New York, 1995.
- ² Toffler A., Toffler H. *Creating a New Civilization*. — Atlanta, 1995.
- ³ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. — New York, 1996.
- ⁴ Galbraith J. K. *The Good Society: The Human Agenda*. — Boston; New York, 1996.
- ⁵ Thurow L. C. *The Future of Capitalism*. — London, 1996.
- ⁶ Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. — Maiden (Mac); Oxford (UK): Blackwell Publ. — Vol. 1: *The Rise of the Network Society*, 1996; Vol. 2: *The Power of Identity*, 1997; Vol. 3: *End of Millennium*, 1998.
- ⁷ Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. — New York, 1997.

Введение

- ⁸ *Luttwak E.* Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. — London, 1998.
- ⁹ *Wallerstein I.* Utopistics, or Historical Choices of the Twenty First Century. — New York, 1998.
- ¹⁰ *Etzioni A.* The End of Privacy. — New York, 1999.
- ¹¹ *Drucker P. F.* Managing Challenges for the 21st Century. — New York, 1999.
- ¹² *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. — New York, 1999.
- ¹³ On the Edge / A. Giddens, W. Hutton (eds.). — London, 2000.
- ¹⁴ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. — New York: Harper/Collins, 1996. — P. 483.
- ¹⁵ *Touraine A.* The Post-Industrial Society. — New York, 1974.

Территориальная организация российского интернет-пространства

Юрий Перфильев

Социальная основа российского Интернета

За десять лет своего развития российский Интернет в той или иной степени охватил всю страну за исключением разве что наиболее глухих уголков. На середину 2001 г. вся аудитория российского Интернета составила по максимальным оценкам ¹ 12,8 млн человек [Monitoring.ru, 2001] ², или 8,7% населения. По количеству пользователей Интернета Россия входит в первую двадцатку в мире, но по уровню охвата им населения (интернетизации) в 2000 г. она была только на 45-м месте [NUA, 2000].

И даже эта максимальная аудитория в 12,8 млн человек распределена по территории страны крайне неравномерно (табл. 1): больше четверти (26,7%) всех пользователей Интернета на конец 2000 г. проживало в двух крупнейших городах — Москве и С.-Петербурге. Уровень интернетизации двух столиц максимальный в России — 19,6%, что в три-четыре раза больше, чем на всей остальной территории. Но и это примерно вдвое меньше среднего уровня интернетизации в таких странах, как США и Канада.

Москва и С.-Петербург играют роль своего рода инновационных и телекоммуникационных центров, откуда волны инноваций расходятся по другим городам и регионам. Остальные города отстают от столиц по уровню развития Интернета на 2—5 лет, это выражается как в количестве пользователей, так и в степени развития рын-

Распределение интернет-аудитории по территории России, июль 2000 г.
[Monitoring.ru, 2000]

Показатель	Москва и С.-Петер- бург	Европей- ская часть России	Урал и Западная Сибирь	Восточная Сибирь и Дальний Восток
Ядро, %	36,7	41,5	8,6	13,2
Недельная аудитория, %	36,1	38,6	12,2	13,1
Максимальная аудитория, %	26,7	40,3	18,4	14,6
Уровень интернетизации, %	19,61	4,51	5,25	6,7
Все население, %	8,5	56,0	21,9	13,6

Примечание. *Максимальная аудитория* — все посетители Интернета; *недельная аудитория* — все, кто посещает Интернет минимум раз в неделю; *ядро аудитории* — те, кто проводит в Интернете не менее трех часов в неделю.

ков интернет-провайдинга, электронной коммерции и иных направлений интернет-бизнеса. Сам процесс развития Интернета (табл. 2) на территории России представляет собой одну большую инновационную волну, постепенно захватывающую города различных типов — от «миллионеров» до малых. Если в городах-миллионерах Интернет стал довольно обычным явлением уже в 1997—1998 гг. (а в Москве и С.-Петербурге еще раньше), то в города с населением 50—100 тыс. человек он проникает в массовом порядке только в настоящее время (а в сельской местности пока вообще не получил распространения, что объясняется ее весьма слабой телефонизацией, не говоря уже об очень низком уровне доходов населения). Единственным исключением из этого правила стали наукограды, где Интернет в научных и в меньшей степени в академических учреждениях появился одним из первых в России. Примерное распределение российской интернет-аудитории по типам населенных пунктов приведено в табл. 3.

Москва и С.-Петербург выделяются не только общим количеством интернет-пользователей (рис. 1), но и их активностью. Если в общей численности российской интернет-аудитории (максимальной) жители Москвы и С.-Петербурга занимают примерно четверть (см. табл. 1), то их доля в числе наиболее активных и регулярных пользователей гораздо выше — почти 40%. В российских условиях чем

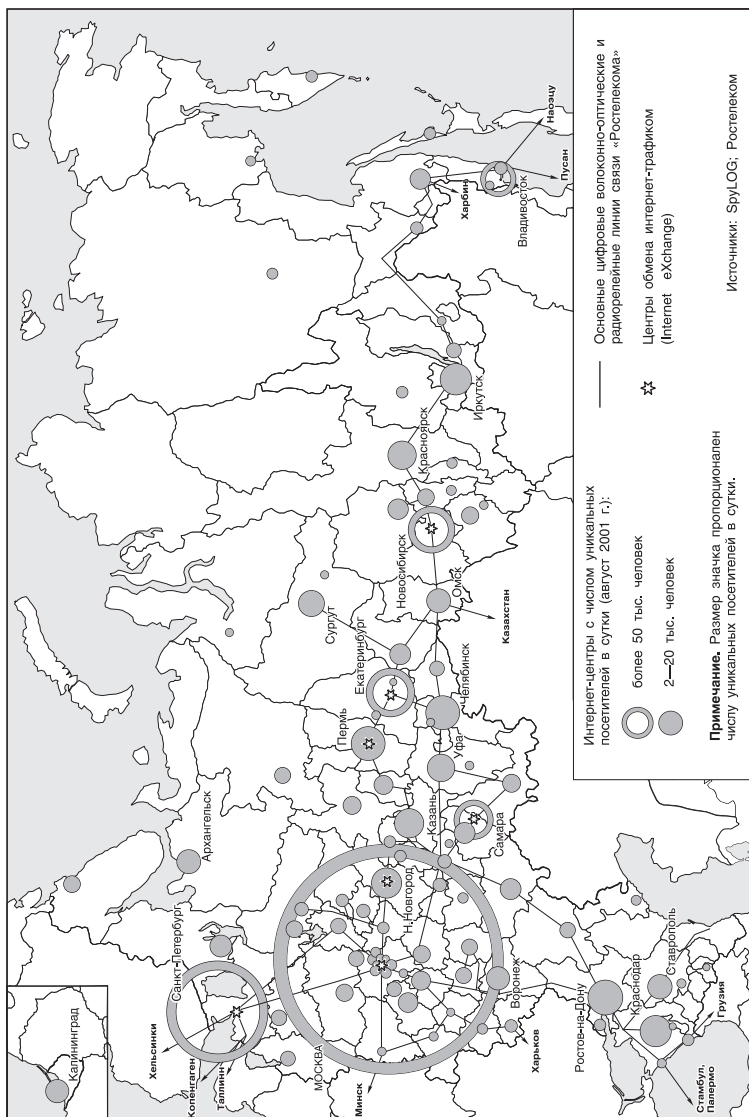

Рис. 1. Основные российские интернет-центры и линии связи

Условная схема развития Интернета

Период	Территориальный охват	Основной рынок пользователей
1991 — 1992 гг.	Москва, С.-Петербург и другие отдельные очаги	Единичные научные и компьютерные организации
1993 — 1994 гг.	Большие города и научные городки (преимущественно Москва и С.-Петербург)	Научные и крупные коммерческие организации (преимущественно инвестиционно-банковские)
1995 — 1996 гг.		Академические, крупные коммерческие организации и отдельные физические лица
1997 — 1998 гг.		
1999 — середина 2000 г.	Большие и средние города (преимущественно города-миллионеры и крупные региональные центры)	Коммерческие и академические организации, массовый пользователь в городах-миллионерах
Середина 2000 — 2002 г.	Все города (преимущественно города-миллионеры и крупные региональные центры)	Различные коммерческие и академические организации, массовые пользователи в городах с населением свыше 500 тыс. человек

на территории России в 1991—2001 гг.

Структурные особенности
Зарождение коммерческих сетей по предоставлению услуг электронной почты, конференций USENET, FIDO
Развертывание по стране сетей «EUnet/Релком», «Демос-Интернет» и «Совам-Телепорт»; формирование региональных сетей передачи данных, входящих преимущественно в сеть «Роспринт» («Global One — Russia»), на базе предприятий электросвязи либо их дочерних компаний
Разворачивание общероссийских академических сетей «RUNNet», «RBNet», «Rellam» и др.; выход на рынок предоставления интернет-услуг региональных операторов электросвязи
Переход региональных провайдеров на преимущественное использование наземных каналов связи «Ростелекома» вместо спутниковых каналов связи; формирование в Москве и С.-Петербурге общероссийских, а в Самаре, Новосибирске, Екатеринбурге и Перми региональных точек обмена интернет-трафиком; развитие в Москве и С.-Петербурге рынка веб-дизайна, формирование первых крупных общероссийских контент-проектов
«Инвестиционный бум» на столичных рынках интернет-контента, интенсивное развитие крупных информационных интернет-проектов (в том числе так называемых порталов); формирование интернет-холдингов
«Инвестиционный кризис» на столичных рынках интернет-контента, интенсивное развитие региональных рынков интернет-контента, формирование различных направлений интернет-бизнеса (электронной коммерции, B2B и др.), внедрение схем аутсорсинга; массовое развитие «домашних сетей» в Москве и С.-Петербурге; выход крупных московских провайдеров на региональные рынки

Примерное распределение интернет-аудитории по территории России, 2000 г.,
% [Monitoring.ru, 2000]

Города с населением, тыс. человек	Доля в интернет-аудитории России, %
Более 3000	25
1000—3000	17
300—1000	27
100—300	19
Менее 100	12

больше город, тем не только выше в нем доля всех интернет-пользователей, но и выше доля регулярных и наиболее активных пользователей. В табл. 4. приведена примерно первая двадцатка городов России по количеству интернет-посетителей в сутки³, которая в целом отражает степень активности интернет-пользователей и размер суточной интернет-аудитории в этих городах.

В целом развитие Интернета в России происходит примерно по тем же сценариям, что и в развитых странах, но со значительным запаздыванием: российский Интернет конца 1990-х — начала 2000 годов представляет собой то, что было в Европе и Северной Америке в середине 90-х. Россия отстает от Запада в той или иной сфере интернет-технологий в среднем на 3—5 лет. Даже современные довольно быстрые темпы роста Сети в России (75—90% в 2000—2001 гг.) подчеркивают это отставание — в Европе и Америке такие же высокие темпы роста наблюдались примерно в 1995—1996 гг., когда там, как и в нашей стране в 1996—2001 гг., происходило быстрое наполнение потенциального рынка пользователей. Но при этом в России происходит рост прежде всего нерегулярной аудитории, т. е. тех, кто выходит в Интернет реже раза в неделю (рис. 2), — таким образом, имеет место количественный, но не качественный рост.

Развитие Интернета в регионах России (ход инновационной волны) определяет несколько основных взаимосвязанных факторов:

уровень доходов населения, определяющий, насколько оформлен потребительский рынок интернет-услуг;

уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения подключения к Интернету;

Города России с наибольшим количеством интернет-посетителей в сутки,
2000—2001 гг. [SpyLOG, 2000—2001]

Город	Август 2001 г.		Ноябрь 2000 г.	
	Количество посетителей в сутки	%	Количество посетителей в сутки	%
Москва	2 200 000	55,2	750 000	52,2
С.-Петербург	400 000	10,6	130 000	9,2
Екатеринбург	95 000	2,4	35 000	2,5
Новосибирск	90 000	2,2	55 000	3,7
Краснодар	80 000	2,0	30 000	2,1
Самара	60 000	1,6	19 000	1,3
Владивосток	50 000	1,3	20 000	1,4
Ростов-на-Дону	48 000	1,2	14 000	1,0
Челябинск	46 000	1,2	20 000	1,4
Пермь	46 000	1,2	15 000	1,0
Иркутск	40 000	1,0	20 000	1,4
Нижний Новгород	37 000	0,9	17 000	1,2
Казань	34 000	0,9	11 000	0,7
Красноярск	31 000	0,8	12 000	0,8
Уфа	30 000	0,8	Н. д.	Н. д.
Сургут	27 000	0,7	9 000	0,7
Ставрополь	24 000	0,6	Н. д.	Н. д.
Омск	23 000	0,6	9 000	0,7
Архангельск	23 000	0,6	Н. д.	Н. д.
Воронеж	21 000	0,5	11 000	0,8
Калининград	21 000	0,5	9 000	0,7
Прочие	500 000	13,3	230 000	16,1

уровень развития инновационного потенциала территории, необходимого для соответствующего обеспечения специалистами и в меньшей степени технологиями;

уровень инвестиционного потенциала территории, который может быть реализован в развитии высокотехнологичных секторов экономики.

Именно поэтому в России уровень развития Интернета в том или ином городе в первую очередь определяется его размером. Ясно, что

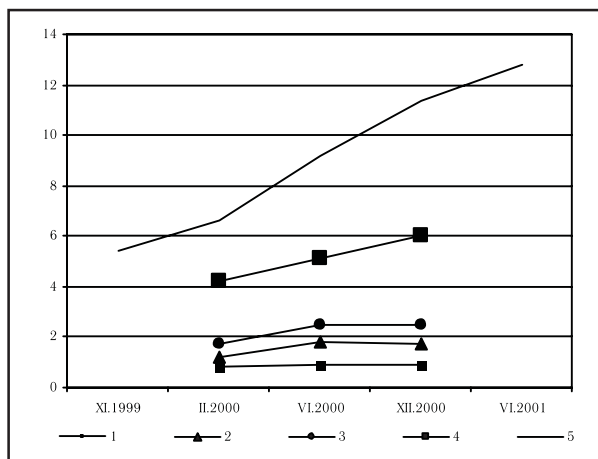

Рис. 2. Динамика изменения количества интернет-пользователей в России в 1999—2001 гг., млн человек. Аудитория: 1 — ядро; 2 — активная; 3 — недельная; 4 — нерегулярная; 5 — максимальная

чем больше город, тем выше там уровень доходов населения, значение инвестиционного потенциала, уровень развития телекоммуникационной и инновационной инфраструктуры. Инновационный потенциал той или иной территории играл очень большую роль в начале развития Интернета, особенно на Западе, где именно инновационные центры научных и академических учреждений были основными (начальными) точками развития интернет-инфраструктуры, но по мере возрастания коммерциализации Интернета, использования его возможностей массовым потребителем возрастает влияние инвестиционного и социального факторов. Если в середине 90-х годов в российских регионах наиболее активно развивались академические сети (более того, во многих местах они стали «пилотными проектами», благодаря которым Интернет там и появился), то в настоящее время лидерство перешло к сетям коммерческих провайдеров, именно они составляют сейчас основу российского Интернета. На Западе Интернет во многом способствовал дальнейшему развитию технополисов, но в России ничего подобного не произошло. По-видимому, у такого положения вещей две причины: недостаточность материальных средств для развития инновационных производств в условиях экономического кризиса и оторванность многих инновационных центров от бизнеса и внедрения технологий в массовое произ-

водство. К тому же во многих городах Интернет появился благодаря научно-исследовательским институтам, ведущим исследования в области физики и особенно ядерной физики, секретность которых никак не способствует развитию региональных рынков информационных технологий.

Как и на протяжении последних десяти лет, дальнейшему развитию Интернета в регионах препятствуют три основных фактора:

неразвитость современных телекоммуникационных сетей (в первую очередь внутригородских);

низкий уровень доходов населения (особенно в малых и средних городах);

низкий уровень инвестиций в развитие интернет-инфраструктуры (за пределами двух столиц).

В качестве иллюстрации ко второму фактору можно привести табл. 5—6. В первой из них указаны различия в техническом оснащении интернет-пользователей в столицах и других регионах, во второй дан социальный состав интернет-аудитории, в которой абсолютное большинство составляют специалисты с высшим образованием

Т а б л и ц а 5

**Техническое оснащение интернет-пользователей, 2000 г.,
% [Monitoring.ru, 2000]**

Характеристика оснащения	Москва и С.-Петербург	Европейская часть России	Урал и Западная Сибирь	Восточная Сибирь и Дальний Восток	Вся максимальная аудитория
Нет компьютера, нет телефона	0	20	17	32	16
Есть телефон	100	73	78	62	80
Есть компьютер	60	38	28	44	43
Есть компьютер, телефон	60	31	23	39	38
Есть компьютер, телефон, модем	35	18	11	24	22
Есть телефон, компьютер, модем и выход в Интернет	26	18	10	24	19

Социальный состав интернет-аудитории, 2000 г., % [Monitoring.ru, 2000]

Категория	Недельная аудитория	Нерегулярная аудитория	Максимальная аудитория
Специалист с высшим образованием	39	35	33
Студент, учащийся	29	28	27
Предприниматель	9	8	7
Руководитель	8	11	7
Рабочий	4	3	5
Военнослужащий, сотрудник МВД	4	4	4
Безработный	3	2	3
Обслуживающий персонал без высшего образования	3	5	7
Домохозяйка	1	2	4
Пенсионер	0	1	2
Другое	0	1	1

и студенты (учащиеся). При этом почти у 80% населения страны использование Интернета не входит даже в отдаленные планы [Monitoring.ru, 2000]. По данным ВЦИОМ (2001 г.), в Москве телефон есть у 97% жителей, а в целом по России — только у 43%, компьютер есть у 20% москвичей, в то время как в целом по стране — только у 5% жителей.

Телекоммуникационная основа российского Интернета

Современную телекоммуникационную основу российского Интернета составляют две неравнозначные части — академические сети (вес которых в интернет-провайдинге был высок в первые годы развития Интернета) и сети коммерческих провайдеров (рис. 3). Схема работы последних в целом проста: крупные «первичные» провайдеры (преимущественно московские и петербургские, а также общероссийские телекоммуникационные компании) имеют каналы связи с зарубежными сетями и сдают эти каналы в аренду более мелким «вторичным» провайдерам, которые и занимаются подключением к Интернету конечных пользователей. В 1996—1997 гг. были созда-

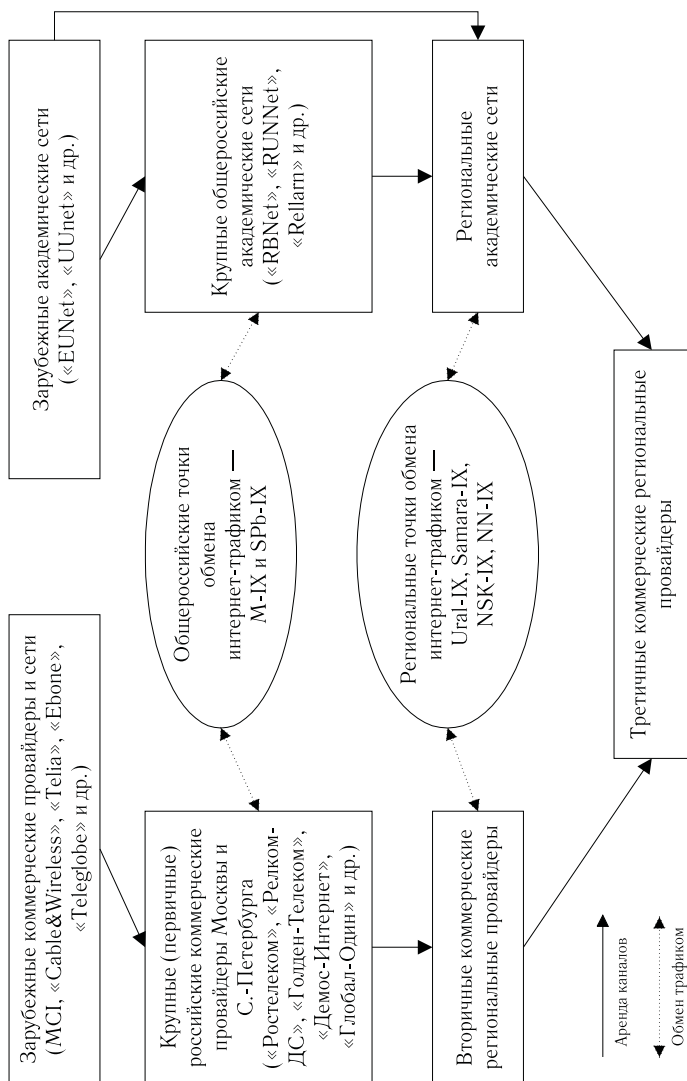

Рис. 3. Общая схема каналов передачи интернет-трафика на территории России

ны специальные точки обмена внутренним трафиком в Москве (М-IX) и С.-Петербурге (SPb-IX). Московский Internet-eXchange (М-IX) по праву считается своего рода сердцем российского Интернета. Кроме того аналогичные точки обмена созданы и на региональном уровне — в Самаре, Новосибирске, Екатеринбурге, Перми и Нижнем Новгороде⁵, т. е. во вторых по значению городах по уровню развития Интернета после Москвы и С.-Петербурга.

Физическую основу российского Интернета составляют различные наземные (оптико-волоконные и радиорелейные) и спутниковые линии связи. Практически все⁶ наземные межрегиональные каналы связи, используемые для передачи интернет-трафика, принадлежат компании «Ростелеком», которая фактически является монопольным межрегиональным оператором связи. Спутниковые каналы довольно дороги, поэтому основная масса провайдеров использует наземные каналы связи (за исключением тех, кто работает в отдаленных частях страны). В первые годы одной из основных проблем развития Интернета в регионах было отсутствие качественных межрегиональных каналов связи с Москвой и С.-Петербургом, но к настоящему времени эта проблема в целом решена в основном за счет создания «Ростелекомом» оптико-волоконных линий «Москва — С.-Петербург — Финляндия», «Москва — Владивосток», «Москва — Новороссийск». Именно эти три магистрали в настоящее время являются физической основой российского Интернета. Если в середине 90-х годов он представлял собой многолучевую «звезду» с основным центром в Москве (и в меньшей степени в С.-Петербурге), откуда преимущественно через спутники каналы связи расходились по другим городам, то затем, после создания наземных каналов связи на концах «лучей», постепенно сформировались своего рода межрегиональные центры Интернета в других крупнейших городах (прежде всего в «миллионерах» Новосибирске, Самаре, Екатеринбурге). Кроме того, в каждом регионе формируется собственный центр развития Интернета, который за редкими исключениями совпадает со столицей территории⁷.

Создание межрегиональных магистральных телекоммуникаций более четко выявило крупную проблему — отсутствие качественных современных внутригородских каналов связи. Существующие телефонные линии (в большинстве своем «медные») не удовлетворяют современным требованиям скорости и надежности передачи данных. Создание же современных оптико-волоконных линий внутри городов требует огромных капиталовложений, так как их нужно

подвести к каждому дому, к каждой квартире — это так называемая проблема последней мили. Здесь в полную силу действует мощный лимитирующий фактор — низкий уровень доходов населения, которое не может служить источником инвестиций для развития телекоммуникаций в городах и тем более в сельской местности.

Монопольное положение «Ростелекома» на рынке межрегиональной связи является в настоящее время дополнительным сдерживающим фактором развития Интернета в России. Но в качестве альтернативы «Ростелекому» создаются компании — операторы магистральных каналов связи, которые являются дочерними структурами других естественных монополий и используют их инфраструктуру для создания собственных линий связи. Это «Энифком» (использует отраслевую телекоммуникационную сеть РАО «ЕЭС России»), «Транстелеком» (действует под эгидой МПС) и «Газком» (под эгидой «Газпрома»). Дальше всех в этом направлении продвинулась компания «Транстелеком», которая фактически завершила создание собственных магистральных оптико-волоконных линий связи вдоль железнодорожной сети в 71 из 89 регионов; уже сейчас отдельные региональные подразделения «Транстелекома» начинают продвигать собственные услуги на телекоммуникационном рынке, в том числе по подключению к Интернету.

Основной потребительский рынок провайдинговых услуг сосредоточен пока в двух столицах, поэтому именно здесь интернет-провайдинг получил наибольшее развитие. В остальных регионах он гораздо ниже. Достаточно отметить, что в Москве и С.-Петербурге рынок провайдеров довольно заметно разбился по различным видам услуг (собственно подключение к Интернету, хостинг и др.), а также в зависимости от того, на каких потребителей (частных или корпоративных) ориентирована та или иная компания. В остальных регионах процесс диверсификации и специализации рынка только начинается. В целом уровень развития провайдингового рынка в том или ином городе четко коррелирует с его величиной: чем крупнее город, тем больше в нем интернет-провайдеров и тем выше сервис (по состоянию на 2001 г.: город с населением свыше 1 млн человек — более 10 провайдеров, уровень сервиса сопоставим с московским; город с населением 500—1000 тыс. человек — 5—7 провайдеров; 100—500 тыс. — в лучшем случае 2—4 провайдера; менее 100 тыс. — как правило, доступ к Интернету предоставляет только местное отделение «Электросвязи», уровень сервиса очень низок).

Развитие провайдинга в отдельных регионах происходило по-разному, но в целом укладывалось в развитие трех независимых блоков, которые были довольно четко выражены в первые годы развития Интернета в России (1993—1998 гг.). Затем эта структура постепенно начала размываться, хотя и теперь она определяет положение в сфере подключения к Интернету за пределами Москвы и С.-Петербурга.

Первый блок сформировали различные региональные организации (поначалу это были преимущественно компьютерные клубы или магазины, из которых выросли региональные провайдеры), вошедшие в сети «Релком/EUnet», «Демос-Интернет» и «Совам-Телепорт» (последний был затем куплен «Голден-Телекомом» и сейчас входит в состав сети «Россия-он-Лайн»). Во многих регионах именно они стали ведущими интернет-провайдерами.

Второй блок составили так называемые центры информационных технологий при ведущих университетах и институтах, входившие в академические сети («RUNNet», «RBNet», «Relarn-IP» и др.). Многие нынешние региональные провайдеры (да и очень многие московские и петербургские) имеют «академические» корни.

Третий блок составили преимущественно региональные операторы электросвязи, входящие в холдинг «Связьинвест». В середине 90-х годов в большинстве регионов страны операторы электросвязи либо их дочерние структуры активно развертывали региональные сети передачи данных при содействии американской компании «Sprint». Эти региональные сети передачи данных образовали сеть «Росспринт» (сейчас «Global One Russia»), которая предоставляла услуги многочисленным и бурно развивавшимся в то время финансовым организациям. Вплоть до 1995—1996 гг. региональные предприятия электросвязи, вошедшие в холдинг «Связьинвест», практически не принимали никакого участия в развитии Интернета в регионах, так как были ориентированы на корпоративных клиентов (в основном на различные финансовые институты). Банки не только первыми стали широко использовать телекоммуникационные услуги, но и были единственными крупными плательщиками. Этот фактор часто становился определяющим при построении региональных сетей передачи данных. Но финансовый кризис середины 90-х годов заставил операторов электросвязи постепенно переключиться на более массовых клиентов, а уже имевшиеся к тому моменту сети передачи данных стали основой для предоставления доступа к Интернету в большинстве провинциальных городов. Фактически до на-

стоящего времени в большинстве относительно небольших и малых городов местная «Электросвязь» остается чуть ли не единственным провайдером — своего рода монополистом по предоставлению услуг доступа в Интернет. Региональные «Электросвязи» имеют развитую инфраструктуру связи в регионах и за счет этого могут с успехом конкурировать с коммерческими провайдерами, которым необходимо создавать подобную инфраструктуру буквально с нуля. Региональные операторы «Электросвязи» владеют и внутригородскими телефонными сетями, через которые в большинстве своем подсоединяются к Интернету частные пользователи. С одной стороны, за использование этих сетей другими провайдерами «Электросвязь» может брать определенную плату, а путем введения повременной оплаты телефонных разговоров фактически вообще в любой момент может вывести с рынка любого провайдера, чьи услуги по подключению к Интернету могут оказаться гораздо менее привлекательными, чем аналогичные услуги, предлагаемые дочерним провайдером «Электросвязи», с которым вопрос оплаты соединения может быть решен «полюбовно». К тому же «Электросвязь» как довольно крупная структура имеет больше финансовых возможностей для расширения модемных пулов и повышения уровня предоставляемого сервиса. Правда, являясь монополистом на региональных рынках связи за пределами крупных городов, «Электросвязь» не очень-то заинтересована в расширении и улучшении сервиса, благодаря чему появляющиеся небольшие коммерческие провайдеры всегда имеют шанс занять свою, хотя и не очень большую нишу на региональном рынке интернет-услуг.

Как правило, территория, на которой действует региональный провайдер, ограничивается всего одним городом, только региональные операторы «Электросвязи» предоставляют услуги по подключению к Интернету сразу во всех городах региона. Случаи, когда другой коммерческий региональный провайдер (не «Электросвязь») предоставляет свои услуги в нескольких городах или даже в нескольких регионах, довольно редки⁸.

По мере увеличения количества потенциальных пользователей Интернета в регионах интерес к местным рынкам начинают проявлять и крупные московские провайдеры. С одной стороны, это связано с некоторым насыщением рынка в Москве и С.-Петербурге, с другой — с необходимостью дальнейшего роста, который возможен и за счет пользователей в регионах. Первым из московских провайдеров этим путем пошел «Голден Телеком», который получил регио-

нальную сеть при покупке «Совам-Телепорта» и «Ситилайна» (последний предоставлял услуги по подключению к Интернету не только в столицах, но и в Тюмени, Калининграде, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге). После покупки «Ситилайна» «Голден Телеком», входящий в состав группы «Альфа», фактически стал первым и на октябрь 2001 г. единственным общероссийским интернет-провайдером под маркой «Россия-он-Лайн» с числом пользователей более 150 тыс. человек. Видимо, в ближайшее время можно ожидать выхода на региональные рынки и других крупных московских провайдеров, например, «МТУ-Интела», особенно после его объединения с «ПТТ-Телепорт». Скорее всего «МТУ-Интел», входящий в состав АФК «Система», будет осуществлять свою региональную экспансию через покупку небольших независимых провайдеров, конкурирующих с региональными «Электросвязями» и нуждающихся в инвестициях. Если это произойдет, на региональных рынках подключения к Интернету основную роль будут играть три крупных игрока — «Россия-он-Лайн», «МТУ-Интел» и региональные провайдеры, созданные на базе местных «Электросвязей» (что в какой-то мере будет напоминать ситуацию на региональных рынках мобильной связи).

Основная масса частных пользователей подключается к Интернету через телефонные сети общего пользования, которые не дают качественного доступа. Подключение по выделенным линиям, используемое многими коммерческими структурами, слишком дорого для частных пользователей, поэтому в 2000—2001 гг. в Москве и С.-Петербурге в качестве альтернативы обычным провайдерам начали развиваться так называемые домашние сети (сети микрорайонов), предоставляющие высококачественный и недорогой доступ в Интернет физическим лицам. В российских условиях на данный момент именно домашние сети являются наиболее успешным решением проблемы последней мили. В других крупных городах⁹ процесс создания домашних сетей находится только фактически в самом зародыше — и то в основном в городах с населением свыше 1 млн человек. Из тех провинциальных домашних сетей, что уже есть к настоящему времени, очень многие представляют собой просто соединенные в одну сеть несколько соседних квартир, которые к Интернету еще фактически не подсоединены. Несмотря на то, что большинство нынешних домашних сетей за пределами Москвы и С.-Петербурга охватывают в среднем пока примерно 5—30 человек (семей), среди них есть уже и целые сети микрорайонов с охва-

том до нескольких сот человек ¹⁰. Крупнейшие домашние сети Москвы (которые домашними уже назвать трудно, так как их созданием занимаются не любители, а крупные провайдеры) по состоянию на 2001 г. уже охватывают до 70—100 домов.

Информационно-сервисная основа российского Интернета

По состоянию на июль 2001 г. в Рунете существует около 360 тыс. различных уникальных серверов (сайтов) [Яндекс, 2001], из которых абсолютное большинство составляют созданные в Москве или относящиеся к ней (либо являющиеся общероссийскими) и в несколько меньшей степени к С.-Петербургу. По данным «SpyLOG», соотношение между С.-Петербургом и другими следующими за ним регионами по количеству сайтов составляет примерно семь раз, при том что соотношение между Москвой и С.-Петербургом также достигает нескольких раз. Как и по размеру интернет-аудитории и рынка провайдинговых услуг, Москва (и в меньшей степени С.-Петербург) является также информационным центром российского интернет-пространства.

В начале 2001 г. компания «SpyLOG» провела небольшое исследование региональных интернет-сайтов, в результате которого были выявлены первые 15 регионов по количеству существовавших там сайтов. Несмотря на упрощенную методику, это исследование позволяет в целом представить соотношение тех или иных регионов по доле их ресурсов в российском Интернете (табл. 7).

Интересы российских пользователей Интернета к тем или иным регионам также различаются в разы. По данным «Апорта» (конец 2000 г.), наибольшим интересом у интернет-аудитории пользуются после двух столиц Новосибирск, Екатеринбург, Красноярск, Владивосток, Краснодар, Иркутск, Омск, Нижний Новгород, Ярославль, Челябинск, Казань и Самара — это и есть примерная десятка лидеров по развитию Интернета вообще и информационных ресурсов в частности.

Ситуация с информационными серверами в России в целом (когда все наиболее крупные интернет-проекты созданы в столицах) фактически проецируется и на региональный уровень: абсолютное большинство всех региональных сайтов созданы в административных центрах, а также в меньшей степени в других больших городах региона (типа Тольятти в Самарской области, Новокузнецка в Кузбассе и Череповца в Вологодской области — т. е. вторых по размеру городов регионов). Интернет-проекты, созданные за пределами

**Первые 15 регионов по количеству собственных интернет-ресурсов,
начало 2001 г. [SpyLOG]**

Регион	Наиболее распространенные домены второго уровня	Всего сайтов *	Из них в «Топ 5000» Рунета	Сово- купное ядро (коли- чество посети- телей)
Новосибирская область	nsk.ru	284	71	29 100
Свердловская область (Екатеринбург)	ural.ru, e-burg.ru	218	59	37 100
Нижегородская область	nnov.ru, nn.ru	174	34	10 800
Краснодарский край	kuban.ru, krasnodar.ru	135	20	9 100
Самарская область	samara.ru	133	29	7 300
Калининградская область	kaliningrad.ru, koenig.ru	119	25	5 000
Приморский край (Владивосток)	primorye.ru	111	19	4 700
Иркутская область	irk.ru, irkutsk.ru	101	24	10 900
Ростовская область	rnd.ru	99	19	4 700
Пермская область	perm.ru	94	15	4 200
Томская область	tomsk.ru	93	18	8 900
Ярославская область	yaroslavl.ru, yar.ru	86	13	3 100
Карелия (Петрозаводск)	karelia.ru	83	16	4 000
Красноярский край	krsk.ru, krasnoyarsk.ru	83	18	4 300
Омская область	omsk.ru, omskreg.ru	76	16	3 500

* При составлении выборок ресурсов по каждому региону использовались два критерия: наличие в названии или описании сайта названия региона или его центрального города (при этом исключались все ресурсы, относящиеся сразу к нескольким регионам, например, общесибирские или общеуральские сайты); принадлежность сайта независимо от его тематики к «региональному» домену второго уровня. Таким образом, в региональную выборку не попали созданные жителями региона сайты, которые при этом обладают собственным доменом второго уровня или находятся на сервере провайдеров (это называется хостингом) в других доменах.

Примечание. Без Москвы и С.-Петербурга.

административного центра в другом городе, обычно не претендуют на общерегиональный уровень, а ограничиваются только этим городом. Как правило, все региональные интернет-проекты охватывают только один регион, но есть и несколько крупных серверов, которые обслуживают целые группы территорий; примером подобных сайтов может служить ряд общеуральских, общесибирских и дальневосточных интернет-проектов.

В зависимости от уровня развития Интернета количество достаточно крупных региональных ресурсов может колебаться в пределах десятка, при этом, как правило, выделяются один-два лидера, которые по посещаемости идут с большим отрывом от конкурентов — это так называемые региональные порталы. Типичная схема развития информационных серверов в регионе такова: сначала появлялась какая-нибудь частная интернет-страница с информацией о родном регионе или городе, затем в середине 90-х годов при развитии в России различных академических сетей (RUNet, RELARN-IP, а также интернет-центров, созданных по программе Д. Сороса при 33 университетах страны) на серверах местных университетов появились многочисленные разделы по региональной истории, географии и культуре, затем возникал сервер регионального предприятия электросвязи с региональным разделом, следом за этим открывала свой сервер региональная администрация. Следующий этап — появление специализированного каталога региональных ресурсов и регионального адресного справочника (вроде «Желтых страниц»), и уже только 2000—2001 гг. ознаменовались открытием настоящих региональных порталов, серверов новостей и более узко специализированных информационных ресурсов (региональных политических сервераов, бизнес-ресурсов и др.), создаваемых различными интернет-компаниями: провайдерами, системными интеграторами, студиями веб-дизайна, информационными агентствами и просто группами частных лиц. Фактически в России в связи с неоднородностью распространения Интернета по ее территории существуют регионы, находящиеся на любом из перечисленных этапов развития интернет-проектов. Самый примитивный вариант — наличие только персональной страницы, посвященной региону, — преобладает на отдаленных окраинах (в ряде автономных округов и в некоторых республиках Северного Кавказа).

Наиболее активными создателями различных региональных интернет-проектов до недавнего времени были региональные провайдеры, создававшие либо крупные региональные разделы на собст-

венных серверах, либо отдельные интернет-проекты. Основная цель таких проектов — обеспечить своих клиентов всеми необходимыми услугами как в плане различных интернет-сервисов, так и с точки зрения информации (региональные справочники, новости, погода и т. д.). Такие достаточно крупные проекты (своеобразные аналоги «России-он-Лайн», точнее, AOL) были созданы в большинстве регионов крупными региональными провайдерами, являющимися в основном лидерами сектора провайдинговых услуг в своих регионах. В течение 2000—2001 гг. роль провайдеров в создании региональных интернет-проектов сильно уменьшилась, так как этим занялись многие специализированные интернет-компании, прежде всего студии веб-дизайна, для которых создание крупного регионального проекта — хороший повод заявить о себе. Собственный сервер такой веб-студии вместе с созданным ею региональным информационным сервером выступают в качестве портфолио студии. Появление специализированных студий веб-дизайна на региональных рынках интернет-контента резко улучшило качество региональных интернет-проектов как в отношении всего дизайна серверов, так и в отношении качества предоставляемых ими сервисов. Других специализированных интернет-агентств, занимающихся созданием интернет-проектов и их дальнейшим продвижением, сетевой рекламой, а тем более интернет-холдингов в регионах почти нет, точнее, они только начали появляться, хотя в Москве именно такие специализированные компании развиваются в настоящее время наиболее активно.

Отдельные направления интернет-бизнеса, например, электронная коммерция, интернет-реклама, интернет-банкинг и др., пока представлены за пределами Москвы и С.-Петербурга очень слабо и в основном только в городах-миллионерах. Из примерно 2 тыс. российских интернет-магазинов [Rambler, 2001] на все региональные интернет-магазины (за пределами двух столиц) в середине 2001 г. приходилось лишь около 15%, из которых примерно по пятой части (или по 3% всех российских интернет-магазинов) находилось на Урале, в Сибири и Поволжье. В таких крупных городах, как Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и Самара, по состоянию на апрель 2001 г. работало по десятку и больше различных интернет-магазинов. В течение 2001 г. интерес к региональным рынкам интернет-коммерции начали проявлять и ведущие московские компании. Это связано с тем, что в ряде наиболее крупных после столиц городов страны (Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Перми, в гораздо меньшей

степени — в других городах) наконец сформировалось то минимально необходимое количество активных и сравнительно состоятельных пользователей (нескольких десятков тысяч человек), которые способны обеспечить региональным интернет-проектам минимальный уровень оборота.

Прогнозы и тенденции дальнейшего развития

2000—2001 гг. стали во многом кризисными для развития высокотехнологических рынков в мире. Кризис рынка информационных технологий в США и Европе, выражавшийся прежде всего в резком снижении капитализации и серии банкротств крупных компаний, в значительной степени затронул и Россию. Влияние этого кризиса в России выразилось прежде всего в уходе с рынка интернет-услуг многих крупных иностранных инвесторов, что повлекло за собой реструктуризацию некоторых довольно крупных российских интернет-холдингов (среди которых оказались как один из лидеров российского рынка интернет-провайдинга компания «Голден Телеком», приобретенная в марте 2000 г. «Альфа-Групп», так и один из лидеров российского рынка интернет-контента компания «Порт.ру», слившаяся с интернет-холдингом «НетБридж»). Но в то же время разговоры о кризисе в сфере онлайн-бизнеса во многом оказались надуманными, так как от кризиса NASDAQ пострадали преимущественно различные венчурные инвестиционные компании, которые были заинтересованы только во вложении средств в тот или иной интернет-проект с последующей его продажей. На российский рынок интернет-услуг, пострадавший от кризиса вследствие собственного меньшего уровня развития не столь сильно по сравнению с США и Европой, он оказал скорее оздоровительное воздействие. Это прежде всего выражается в смене общей тенденции вложения инвестиций в этот сектор — с кратковременных на долговременные проекты, рассчитанные на многие годы.

В настоящее время в российской отрасли интернет-услуг в целом преобладают две общие тенденции развития, имеющие системный и территориальный характер:

диверсификация и специализация отрасли, выражающаяся в более четком разделении компаний по предоставляемому ими профилю услуг (для провайдеров, например, это не просто разделение на первичных и вторичных, что довольно условно, а на специализирующихся на коммутируемом доступе физических лиц, на подклю-

чении организаций по выделенным линиям, на развитии домашних сетей, хостинге или IP-телефонии; еще масштабнее этот процесс в сфере контент-услуг, где в рамках сектора по веб-дизайну и веб-программированию, который и сам не так давно выделился из отделов провайдеров, происходит разделение компаний в зависимости от размера занимаемых ими рынков (обслуживающих мелкий, средний или крупный бизнес) и более узкого профиля (рекламные агентства, агентства по электронной коммерции, другие более узкие IT-решения для бизнеса);

проникновение на региональные рынки интернет-услуг различных крупных российских и петербургских компаний в связи с определенной степенью «перенасыщенности» столичных рынков (в области коммутируемого доступа это выражается, например, в наращивании присутствия в различных регионах компаний «Голден Телеком», СИТЕК, потенциальном выходе на региональные рынки «МТУ-Интел» и др.; на рынке хостинга — в попытке продвижения своих услуг в Уральском регионе одной из крупнейших хостинговых компании С.-Петербурга «Вэб Хостинг», ориентированной на мелких клиентов) ¹¹.

Источником обеих тенденций во многом является достижение отраслью определенного уровня, при котором дальнейшее развитие возможно только при улучшении предоставляемого сервиса (что и толкает компании к более узкой специализации, часто выражающейся в формировании холдинга специализированных компаний). Кроме того, в столицах этап быстрого роста числа пользователей Интернета закончен, т. е. почти исчерпан тот потенциал, на основе которого происходило развитие отрасли. И это несмотря на то, что уровень интернетизации в Москве и С.-Петербурге заметно ниже средних, например, для США и Скандинавии значений (где в больших городах соответственно уровень интернетизации еще выше). Причина здесь одна — уровень доходов среднего россиянина (даже если он москвич) довольно низок. Дальнейшее развитие возможно в основном только за счет расширения собственно сервиса. Это во многом толкает московские компании на региональные рынки, менее развитые, но в то же время и менее платежеспособные.

Помимо этих во многом общих тенденций внутри отрасли имеет место целый ряд более мелких, но не менее важных структурных изменений. Например, уровень развития российского Интернета уже достаточен для того, чтобы он оказался привлекательным для отдельных крупных западных IT-компаний. 2001 г. был отмечен тем, что на

российский рынок интернет-контента пришел один из мировых лидеров — американская компания «Лайкос», открывшая в России одноименный портал. Другой пример: в ноябре 2001 г. компания «Ростовская сотовая связь», работавшая под маркой «Ростов-Билайн» и также предоставляющая услуги интернет-провайдинга, вошла в общеевропейский телекоммуникационный холдинг TELE2. Примечательно, что TELE2 пришел не на уже насыщенные рынки Москвы и С.-Петербурга, а на менее развитый рынок Ростова-на-Дону. И скорее всего эта первая ласточка не будет единственной.

Кроме того, помимо проникновения крупных московских компаний в регионы в 2001 г. были отмечены и первые примеры обратного процесса — т. е. попытки проникновения региональных компаний на рынки Москвы и С.-Петербурга. В этом были замечены некоторые региональные веб-студии (например, ростовская компания «Болотов.ru», сделавшая дизайн для одного из крупнейших информационных серверов России Mail.ru, или один из лидеров российского рынка веб-дизайна ярославская компания «Individ») ¹². Услуги региональных компаний для столичных рынков предоставляются в основном на основе так называемого аутсорсинга, который в течение последнего времени активно внедряется в России, и сфера его применения будет только расширяться, что должно в определенной степени способствовать именно развитию региональных рынков интернет-услуг. Происходящее в последние два года увеличение в регионах количества интернет-пользователей и информационных ресурсов приводит к постепенному формированию полноценных региональных рынков интернет-услуг. Это заметно даже на таком специфическом примере, как окончательно оформившаяся тенденция собственного наименования некоторых региональных частей российского Интернета (по аналогии со всем российским Интернетом, который часто называют Рунетом): Новосибирский Интернет — Новонет, брянский Интернет — Брянет, томский Интернет — Тонет, приморский Интернет — Примнет, иркутский Интернет — Ирнет, красноярский Интернет — Краснет. Во многих регионах в настоящее время внутри отрасли наблюдаются те же тенденции, что и в столицах, хотя с некоторым отставанием и в меньших размерах. В первую очередь это относится к тенденции диверсификации и более узкой специализации компаний отрасли и формирования на основе этого региональных интернет-холдингов. Кроме того, происходит своего рода бум создания региональных порталов (что было характерно и для столиц в 2000 г.), но скорее всего уже в ближайшее вре-

мя региональные рынки интернет-контента переориентируются на более специализированные и профессиональные проекты (как это наблюдается в передовых по развитию Интернета регионах и как это было в Москве; своего рода типичный пример постепенного распространения инновационной волны Интернета по России).

Наблюдаются и довольно серьезные изменения в сфере интернет-провайдинга, где помимо проникновения крупных московских провайдеров на региональные рынки наблюдаются еще две существенные тенденции. Во-первых, это набирающий силу процесс развития домашних сетей, прерогатива создания которых от энтузиастов постепенно перешла к специализированным компаниям, причем не только в Москве или С.-Петербурге, но и в целом ряде других городов — как в крупных (Екатеринбурге, Самаре, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Владивостоке), так и в более мелких (Гатчине, Сосновом Бору, Братске, Сертолове, Орске и др.). Особенно бурно развитие домашних сетей идет в Екатеринбурге. Вторая существенная тенденция — массовый выход на рынок предоставления доступа к Интернету различных корпоративных сетей — как в сфере межрегионального провайдинга, так и в сфере «последней мили». Под эгидой МПС компания «Транстелеком» в 2001 г. фактически завершила создание собственной магистральной сети и уже во многих регионах предоставляет те услуги, которые раньше предоставлял только «Ростелеком», причем в некоторых регионах на сеть «Транстелекома» переходят не только частные провайдеры, но и местные предприятия электросвязи, входящие в холдинг «Связьинвест». Фактически это означает конец монополии «Ростелекома» на межрегиональную связь в России. В отношении же предоставления доступа к Интернету частных лиц в последнее время большой интерес стали проявлять провайдеры, создаваемые на основе корпоративных телекоммуникационных сетей нефтяных компаний (например, компания «Связьтранснефть», филиалы которой разбросаны по всей стране, а также компания «Татнефть») ¹³. Нельзя также не отметить осуществляемую в 2002 г. реформу холдинга «Связьинвест», в результате которой должны быть образованы семь крупных межрегиональных компаний электросвязи. Можно ожидать определенной координации усилий региональных компаний электросвязи по предоставлению интернет-услуг.

Происходит и постепенное дальнейшее развитие академических сетей, которое фактически привело к тому, что в России не осталось практически ни одного высшего учебного заведения или научного

института, не подключенного к Интернету. Во многом это достигнуто благодаря созданию национальной сети компьютерных телекоммуникаций для науки и высшей школы RNet, примерно десять узлов которой вводится ежегодно. Конечно, полная интернетизация вузов и НИИ еще не достигнута, но теперь для российского образования скорее гораздо актуальнее вопрос подключения к Сети школ, осуществляемого пока только в рамках сети RELARN-IP. Важный вклад в интернетизацию российского школьного образования должна внести специальная программа «Поколение.ру», осуществляемая Федерацией интернет-образования (ФИО) при финансовой поддержке ЮКОСа, — по ней до 2005 г. в 50 городах России должны быть открыты центры ФИО, в которых 250 тыс. учителей смогут получить навыки преподавания с помощью Интернета и затем использовать их в своей практической деятельности.

Говоря о перспективах и тенденциях развития Интернета в России, надо помнить, что развитие информационных технологий также не стоит на месте, тем более что сам Интернет возник относительно не так давно. Существующие в настоящее время на Западе довольно фантастические проекты по развитию Сети (например, «Интернет-2» или «Семантическая сеть») могут существенно изменить будущее Интернета, как и развитие мобильных сетей третьего поколения, в которых Интернет является неотъемлемой частью. Но пока ни одна лицензия на подобные сети в России не выдана, и все это довольно отдаленная перспектива, которую тем не менее надо иметь в виду. Как и то, что на Западе в настоящее время больше обсуждают внедрение повсеместного широкополосного доступа к Интернету — т. е. подключение конечных пользователей по таким каналам связи, которые сейчас используются только для межрегиональных передач данных. Но пока подобных услуг, которые кардинальным образом изменят все развитие отрасли интернет-услуг, в России, как говорится, даже «на горизонте не видно». И это еще один пример отставания нашей страны в развитии современных информационных технологий, хотя и то, что уже достигнуто в сфере развития Интернета, несколько лет назад тоже казалось почти нереальным.

Примечания

- ¹ Включая всех жителей России, которые хотя бы один раз пользовались Интернетом. Следует отметить, что оценки размеров интернет-аудиторий вследствие применения различных методик довольно сильно различаются.

- 2 Использовались следующие обозначения источников статистической информации:

Monitoring.ru — исследования «Мониторинг российского Интернета», проводимые исследовательской группой «Monitoring.ru» (<http://www.monitoring.ru>);

NUA — «Nua Internet surveys» (ComputerScope Ltd.) (<http://www.nua.com>);

SpyLOG — система интернет-статистики «SpyLOG», компания «SpyLOG» (<http://www.spylog.ru>);

Yandex — поисковая машина «Яндекс» («Числа» Яндекса) (<http://www.yandex.ru>);

Rambler — рейтинг-каталог «Rambler's TopShop», входящий в состав портала «Rambler» (<http://www.rambler.ru>).
- 3 Размер количества уникальных посетителей российского Интернета в каждом городе определялся как количество определенных системой интернет-статистики «SpyLOG» уникальных браузеров, установленных на компьютерах и иных устройствах, откуда осуществляется выход пользователей в Интернет. Число уникальных посетителей не точно равно количеству пользователей Интернета в каждом городе, так как один пользователь может выходить в Интернет в нескольких местах, а один и тот же компьютер может служить для работы в Интернете нескольким пользователям.
- 4 Активная аудитория — те, кто проводит в Интернете не менее часа в неделю.
- 5 В Самаре, Новосибирске, Перми и Нижнем Новгороде точки обмена изначально были созданы в рамках обмена интернет-трафиком между региональными академическими сетями, но затем к ним присоединились и коммерческие сети. В Екатеринбурге и Перми это единая точка обмена Ural-IX.
- 6 Из коммерческих провайдеров только компания «Раском» владеет собственным оптико-волоконным каналом связи «Москва — С.-Петербург — Финляндия» с ответвлением на Новгород.
- 7 Примером такого исключения в той или иной степени является Сургут в Ханты-Мансийском АО.
- 8 Например, архангельская компания «Интернет-Архангельск» работает не только в Архангельской области (Архангельск, Северодвинск, Онега, Вельск и Котлас), но и в Иванове, Ярославле, Костроме и Вологде; череповецкий провайдер «Метаком» (партнер «России-он-Лайн») работает сразу и в Череповце, и в Вологде; рязанский филиал компании «СвязьТрансНефть» предоставляет услуги по подключению к Интернету еще и в Нижнем Новгороде, Йошкар-Оле и Брянске, где у этой по основному профилю телекоммуникационной компании есть филиалы.
- 9 Необходимые условия для развития домашних сетей (т. е. высокий уровень интернетизации, выражающийся в большой концентрации потенциальных пользователей в пределах одного микрорайона, близлежащих домов) пока фактически сложились только в Москве и С.-Петербурге.
- 10 Пример — екатеринбургские сети «Инфотек» или «Урал.Орг». Есть в регионах и более масштабные проекты, чем просто создание небольшой локальной домашней сети. Например, проект «Электронный город Екатеринбург», раз-

вертывание которого началось в феврале 2001 г., предусматривает создание в микрорайонах Екатеринбурга высококачественной информационной системы, обеспечивающей пользователям (как частным лицам, так и организациям) целый набор услуг: высококачественный доступ к Интернету, обмен текстовыми сообщениями, аудио и видеoinформацией, цифровая телефония, интерактивное телевидение (т. е. ТВ по заказу), интерактивный видеопрокат (т. е. видеофильмы по заказу), охранная и пожарная сигнализация (система жизнеобеспечения) — довольно большой объем услуг «в одном флаконе» с использованием современных информационных технологий. Таким образом, в пределах отдельного микрорайона действительно может появиться самый настоящий «электронный город», и если проект окажется удачным, можно не сомневаться, что довольно быстро «электронные города» появятся и в других местах.

- ¹¹ Наиболее крупные российские интернет-магазины также стремятся заполучить региональных пользователей, для чего стараются обеспечить доставку в крупных городах страны (например, интернет-магазин «Болеро» в апреле 2001 г. обеспечивал доставку в более чем 50 городах). Крупнейших российский интернет-магазин по продаже книг и видео «Озон» в 2000 г. для экспансии в регионы также рассматривал вариант создания в некоторых крупных городах специальных терминалов-складов, чтобы обеспечить запросы региональных клиентов.
- ¹² Еще одним ярким примером подобного рода является челябинская студия веб-дизайна «Мировая паутина», которая в настоящий момент занимается созданием целой серии региональных порталов по всей стране.
- ¹³ Примерами использования корпоративных сетей для подключения к Интернету являются норильский провайдер «Норком» (фактически создан на основе корпоративной сети управления связи «Норильского никеля») и якутская компания «Якутавиа» (точнее, ее вычислительный центр с сетью обеспечения полетов, разбросанной по всей Якутии).

Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии

Илья Семенов

В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений.

М. Кастельс

Представления о себе и других — основа и вражды, и мира. Масштабы столкновения этих представлений различны — от межличностных до цивилизационных. Конструируются и транслируются они в ходе социальных интеракций, благодаря общению людей друг с другом. Общение может быть как непосредственным, лицом к лицу, так и опосредованным. Уже многие века, если не тысячелетия, влияние посредников коммуникации на формирование самооценок, самопрезентаций и восприятия других становится все сильнее: от символических даров до каналов вещания и электронной почты. Именно в этой связи вопрос об идентичности в контексте социальных изменений, вызванных информационной революцией и в частности появлением новых средств информирования и коммуникации, представляется крайне актуальным.

Внимание к этой проблематике продиктовано, с одной стороны, распространением цифровых форм представления информации и быстрым развитием технически опосредствованной коммуникации, с другой — всплеском реактивных общественных движений, направленных на

охранение традиционных форм национальной, этнической, конфессиональной и других форм идентичности. В основании этого всплеска лежат как психологические мотивы, так и политические цели. Усиление реактивных общественных движений характерно и для Европы, и для США, и для России. Успехи Ж.-М. Ле Пена во Франции, движений «Сапатистов» и «Американской милиции» в США иллюстрируют сопротивление ¹ так называемой глобальной глобализации. В России в силу обстоятельств, связанных с распадом Советского Союза, реактивные процессы конструирования идентичности выражены также чрезвычайно ярко.

Сегодня наиболее содержательно и функционально богатым средством информационного действия и коммуникативного взаимодействия является Интернет. Применительно к Интернету и его ресурсам говорить об идентичности можно в нескольких смыслах. Прежде всего стоит указать на информационную составляющую интернет-ресурсов, в этом они родственны СМИ. Соответственно, как и другие СМИ, они могут по-разному формировать установки и вкусы потребителей информации. Специфика интернет-СМИ в сравнении с другими (бумажными, радио или телевизионными) состоит в комплексности. Интернет-технологии позволяют объединить текстуальное воздействие с воздействием посредством звука и динамичных образов. Часто эти возможности сочетаются в интернет-ресурсах мозаически и лишь суммируют воздействие, но они позволяют создавать и новые формы подачи материала, не сводимые к простой сумме воздействий. Речь идет о взаимодополнительности и взаимоподкреплении различных знаковых систем и способов восприятия. Здесь возникает новая форма: новая форма СМИ, новая форма подачи информации и, как следствие, новая форма воображения. Специфика интернет-ресурса как СМИ заключается еще и в его взаимодействии с аудиторией, в том, как, когда, где и кому этот информационный ресурс может быть доступен.

Поскольку СМИ являются мощным инструментом формирования мнений, а мнения не в последнюю очередь включают представления о себе и других, то своеобразие информационных средств влияет на характер воображения идентичности. Таким образом, стоит отметить возможность изменения идентичности у тех, кто все меньше является читателем газет и зрителем телевизионных программ и все больше пользуется ресурсами Интернета. Естественно, это только возможность изменения, причем изменения, разумеется, не однозначного. Зависимость здесь не линейная. Но она есть, также как

есть зависимость между такими «новыми» для XVIII в. средствами информации, как газеты и романы, и изменением представления людей о себе и других. Вспомним Б. Андерсона ²: эти две формы воображения, т. е. газета и роман, привели к возникновению представления о нации, а в перспективе и национализма, определив тем самым стратегическое направление трансформации идентичности.

Помимо информационной функции Интернет предоставляет новые коммуникационные возможности. Они разнообразны. Нас в данном случае интересует не весь Интернет, т. е. не все многообразие информационных и коммуникационных возможностей, которые могут быть реализованы благодаря семейству протоколов TCP/IP, а интернет-ресурсы, основанные на таком инструменте, как World Wide Web. Многие из них, руководствуясь различными целями, пытаются организовать коммуникативный процесс. Коммуникация в данном случае может представлять и интерактивный ответ на размещаемые информационные материалы, и завязанное на информационном содержании ресурса взаимодействие между его пользователями. Общее для предпринимаемых в этом направлении усилий — стремление создать вокруг информационного ресурса сообщество.

Воображаемый характер виртуальных сообществ

Сообщество — питательная среда для идентичности, поскольку идентификация происходит в ходе коммуникации. Благодаря коммуникации выясняются и определяются общность и различие. Сообщество — это некая целостность, некий предмет, безусловно являющийся продуктом воображения, чьи образы организуются благодаря множественным процессам отождествления и различения, которые первоначально имеют своими объектами индивидуумов, впоследствии же подключают к операциям воображения и виды, представляющие собой образы сообществ или, по терминологии Б. Андерсона, воображаемые сообщества ³. Эти виды суть продукт коммуникации между индивидами, продукт отождествления и различения. Это, собственно говоря, и есть сообщества — сообщества как представления. Представление принадлежит субъекту и есть предмет или объект сознания. После Б. Андерсона стало терминологически ясно: сообщества — это продукт воображения, вымышленные объекты. Но вокруг чего создаются подобного рода вымыслы, вокруг каких коммуникативных актов и какими коммуникативными актами? Именно коммуникация между индивидами на смысловом

поле конкретного информационного ресурса является тем основанием представления сообщества, которое существует как воображаемое.

Таким образом, сообщество — это и форма представления, форма воображения, и коммуникативная сеть, представляющая собой сплетение личной коммуникативной активности индивидов, способов и инструментов их взаимодействия, а также того символического капитала, который циркулирует и накапливается в ходе коммуникативного обмена.

Итак, Интернет и как новая форма СМИ, и как новая форма коммуникации преобразует представления индивидов. Здесь не идет речь о том содержательном богатстве, которое позволяет формировать разнообразные представления. Разумеется, само это богатство благодаря расширению объема доступной информации является одним из признаков той новой формы, которую дает Интернет. Но не содержание этого богатства, а сам факт существования новой информационно-коммуникационной формы является одним из тех общих формальных факторов, которые преобразуют представления индивида о себе и других. Благодаря Интернету локальная ограниченность «традиционной библиотеки» и зависимость от времени вещания электронных СМИ и времени выхода печатных изданий максимально смягчены. Все это проявление более фундаментального влияния Интернета на сферу воображаемого, а именно ослабление значимости пространства и времени для получения знания, распространения информации и общения. Снижению значимости или влиятельности этих важнейших измерений любых социальных представлений и актов сопутствуют, с одной стороны, изменение социального коммуникативного ландшафта, с другой — скорость протекания социальных процессов. Эти перемены очень важны для процессов идентификации и для поддержания измерений идентичности, поскольку создают новые социальные пространства, новые пространства социального взаимодействия и определяют динамику существования на (или в) этих пространствах.

Увеличение скорости социальных процессов, основанных на коммуникации, определяется прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий. Преобразование же социального ландшафта происходит благодаря как работе технических устройств, реализующих коммуникативные потребности и потребности доступа к информации, так и работе воображения и вербального конструирования. Важность дополнения воображения вербальным кон-

струированием вызвана значительной ролью последнего в создании и поддержании картины мира, частью которой, безусловно, является многомерная идентичность. Сознание индивида, принадлежащего к тому или иному сообществу или просто осознающего себя тем-то и тем-то, не является лишь совокупностью представлений, а предполагает вербальное оформление, которое вовсе не обязательно должно быть рациональным. Например, формулировка «лицо кавказской национальности», естественно, не является каким-то родовым или видовым понятием, но охотно используется для определения Другого. Также и «пользователь Интернета» — выражение, лишенное терминологической точности и требующее для осмысленного оперирования им дополнительных уточнений. Поскольку Интернет представляет собой интегрированную среду, где слова сосуществуют с образами и на словесное выражение в отличие, например, от телевидения приходится бóльшая смысловая нагрузка, конструирование идентичности в этой среде приобретает характерную специфику. Пример с «пользователем Интернета» приведен не случайно. Он указывает на «возникновение» (не без помощи вербальных конструктов, связанных с описанием и анализом) некой социальной формы взаимодействия, техническим основанием которого является Интернет.

Отношения между индивидами, так же как и отношения между техническими устройствами, являются той средой, определение которой порождает большое количество мифологем, закреплённых словесными выражениями. Настороженное отношение вызывают столь любимые русскоязычными авторами выражения: «реальное социальное бытие», «бытие информационное», «социальный мир», «информационный мир», «виртуальное пространство», «информационное пространство», не говоря уже о таких оборотах, как «замена социального взаимодействия сетевыми формами связи» и т. д. За всем этим лежат следующие необоснованные положения:

во-первых, представление о социальном мире как о некой «жесткой объективной и структурированной» реальности;

во-вторых, противопоставление «социального бытия» и «бытия информационного»;

в-третьих, понятия «информационное пространство» и «виртуальное пространство», уводящие от анализа новой системы социальных отношений и влияний;

в-четвертых, грубое деление на «реальную идентичность» и «виртуальную идентичность».

В определенной мере все это связано с огрублением западных определений. Например, выражение «электронный фронт», получившее распространение на Западе с легкой руки Х. Рейнголда ⁴, не может служить указанием на существование некоего не завоеванного «информационного» пространства, оно обозначает особое психологическое настроение и социальную устремленность «людей фронта».

Многие из перечисленных выражений являются следствием реификации и объективации. Грамматическая форма существительного употребляется сознательно или бессознательно с целью упрощения объяснения социальных феноменов. Очень часто забывают то, о чем говорил в книге «Конструирование социальной реальности» Дж. Р. Серл ⁵, — о первичности социальных действий над социальными объектами. Применительно к «информационному миру», «информационному пространству» и «сетевому обществу» это забвение того, что рассматриваемые феномены конструируются работой воображения и социальными действиями, а их объективность — лишь возможность действия.

Сетевое общество — ускорение динамики идентичности

Социально-культурные движения 60—70-х годов, информационно-технологическая революция, реструктуризация капитализма и этатизма стали основанием изменения общества, появилась его новая форма — сетевое общество ⁶. Это «общество, в котором значительная часть информационных взаимодействий производится с помощью электронных сетей»⁷. В основании этого общества, что, собственно, и определяет его название, лежит сетевой принцип организации. «Сеть — это множество взаимосвязанных узлов. Узлы — это точки, в которых петли взаимно пересекаются. Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями»⁸. Сетевой принцип организует и новую экономику, и деловое общение, и глобальный обмен информацией — как вербальной, так и аудиовизуальной. Интернет, аккумулируя этот принцип, выступает в качестве горизонтальной среды всемирной коммуникации ⁹.

В приведенном выше определении сетевое общество понимается в русле классической социологической теории как способ организации, структурный принцип, как функциональное понятие, а не как локализованный в пространстве и времени объект ¹⁰. Сетевое

общество структурируется в силовом поле, создаваемом напряжением между глобализацией и локализацией, причем локализацией, понимаемой расширенно и вовсе не только в смысле географии места, хотя последняя, безусловно, играет важную роль. Глобализация — тема сложная и обширная. Здесь важно то, что она «не сводится к экономико-технологическому измерению»¹¹. Этот феномен имеет не менее важные культурные и политические измерения. Противопоставление глобализации и идентичности, например, у М. Кастельса¹², ограничивает понимание глобализации финансово-экономической сферой, однако идентичность является как процессом, так и набором характеристик и маркеров, определяющих глобализацию в социально-психологическом смысле.

Изменения, лежащие в основании новой сетевой общественной организации, создали ситуацию, в которой динамика идентичности получает ускорение. Можно констатировать явную реакцию на технологическую революцию, проявившуюся в изменении социальной организации. Эта реакция выражается, во-первых, во всплеске потребности в реконструкции идентичности, во-вторых, в ускорении темпа преобразования идентичности, в-третьих, в появлении новых глобальных черт идентичности, в-четвертых, в усилении внимания к локальным, специфическим чертам идентичности (последнее ярко проявляется в росте антиглобалистских движений и инициатив и в целом в усилении роли идентичности сопротивления).

Стоит сразу обратить внимание на тот факт, что глобальная или всеобщая форма идентичности, часто противопоставляемая специфическим ее формам, имеет не меньше специфических черт и есть во многом продукт определенной культуры и определенной социальной организации.

Сделаем терминологическое пояснение. Обобщая множество определений¹³, правомерно сказать, что идентичность — это и социально-психологический процесс, через который индивид узнает себя и конструирует смыслы, и совокупность представлений как результат этого процесса. Для социальных акторов идентичности — это источники значений и основания социальных действий.

Новые измерения идентичности: между конструктивизмом и примордиализмом

М. Кастельс пишет: легко согласиться с тем, что все идентичности сконструированы¹⁴. Однако, соглашаясь, стоит отметить, что

подобная легкость есть продукт эволюции научной парадигмы, а не результат ясности и естественности конструктивистского подхода к идентичности. Спор между конструктивизмом¹⁵ и примордиализмом¹⁶ как противоположными научными подходами не является борьбой прогрессивного учения с архаичными взглядами. Соглашаясь с критикой примордиализма, стоит обратить внимание на тот факт, что несоответствие некоторых установок этого научного подхода историческим и социальным реалиям не дает повода безответственно и недобросовестно относиться к категориям, его обосновывающим и критикующим. Это касается главным образом такого понятия, как «сущность». Примордиалистские основания трактовки национализма привели к его негативно-му и обедненному восприятию, но то же происходит сейчас в рамках антиэссенциалистского подхода с понятием «сущность», смысл которого теряет строгость и научность и утрачивает всякую связь с традицией. Использование этой категории российскими этнологами и социологами часто носит инструментальный, внешний по отношению к ее внутреннему содержанию смысл. Детальный анализ конструктивистской аргументации, в частности связанной с критикой эссенциализма, показывает, что к самим основаниям антиэссенциализма могут быть адресованы многие из тех критических аргументов, которые сторонники последнего выдвигают против эссенциализма.

Акцент на примордиалистском подходе здесь не случаен. Рассмотрение идентичности, будь то идентичность этническая, национальная или какая-нибудь иная, предполагает определение этого социально-психологического явления. После выхода книги Э. Геллнера «Нации и национализм»¹⁷ эти определения стали очень непохожими, если не сказать полярными.

Поскольку идентичность является энергией (как психической, в форме воображения, так и физической, в форме социального действия), поддерживающей существование сообществ, то различное понимание ее природы приводит и к разному пониманию природы сообщества. В связи с этим любое рассмотрение не только феномена идентичности и его частных проявлений, но и сообщества подразумевает описание и анализ в рамках либо примордиалистской, либо конструктивистской научной парадигмы¹⁸.

Таким образом, указание на тот или иной из рассмотренных выше теоретических подходов в статьях, посвященных виртуальным сообществам и коммуникации в сетевой информационной среде, может пролить свет на понимание самого феномена сообщества, его генезиса, структуры и механизмов функционирования.

Специфика сетевых или виртуальных сообществ, функционирующих благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям, вроде бы предполагает применение конструктивистских объяснительных формул. Но, присмотревшись, можно заметить основания и для другого подхода. Ярким примером последнего является работа С. Тэлбота «Не просчитываемое будущее»¹⁹. В ней говорится об общей тенденции замещения размышлениями о технологиях размышлений о действительных условиях изменений человеческого бытия. По словам С. Тэлбота, благодаря этому замещению сообщества не являются теперь группами людей, связанных общими интересами, деятельностью или организацией (которые действительно могут находить свое выражение благодаря техническим или нетехническим подручным средствам). Это справедливое мнение можно дополнить: подобное замещение средством цели является общей тенденцией, характерной для последнего десятилетия XX — начала XXI в. Достаточно вспомнить распространенные маркетинговые модели и рекламные объяснительные формулы. Итак, указанная С. Тэлботом тенденция выявляет положительную ценность «сообщества» и размывание феномена «сообщества», о чем свидетельствуют утрата четкости понятия и упомянутое выше замещение.

Примордиалистское понимание С. Тэлботом идентичности выражается в том, что сущностными характеристиками любого сообщества вне зависимости от его формы являются душевные качества. Понимаемое таким образом сообщество возникает и функционирует благодаря природным качествам человека. Любая субстанциалистская теория, а таковой, без сомнения, является и концепция С. Тэлбота, должна по необходимости основываться на сознательно или неосознанно принимаемой антропологии. По справедливому замечанию П. Бергера и Т. Лукмана, «теории идентичности всегда включаются в более широкие теории реальности»²⁰. В данном случае теоретические социально-антропологические предпосылки анализа, проделанного С. Тэлботом, оставляют за пределами его исследовательского горизонта воздействие поведенческих и коммуникативных практик на образование новых измерений идентичности, которые, собственно, и лежат в основании образования и функционирования новых сообществ. Позиция, артикулированная С. Тэлботом, интересна в силу чистоты и крайности выраженного в ней подхода, поскольку примордиализм имеет здесь явную социобиологическую направленность. Эта позиция основана на представлении об участвующих в сетевой коммуникации индивидах как о независимых ак-

торах, коммуникация между которыми осуществляется в силу общих антропологических свойств, в частности душевных качеств, а средства и способы этой коммуникации, будь то технологии-посредники или особенности выразительных средств коммуникации, считаются второстепенными.

Альтернативой изложенному может служить подход, смещающий исследовательский фокус на отношения между индивидами, в ходе которых формируется их представление как о себе индивидуально, так и о себе социально. Теоретические предпосылки этого подхода содержатся в антропологической теории коммуникации Дж. Мида²¹, с помощью которой он, по словам Х. Абельса, пытался охарактеризовать основные черты человеческой социальности²². Согласно Дж. Миду высшие человеческие природные качества, способности и характеристики, например ум (mind), не являются сначала индивидуальными, а затем социальными. Ум, понимаемый индивидуально, возникает только в ходе общения. Общение — это взаимообмен символами, причем последние, приобретая характер значений, не статичны. Значения представляют собой продукт постоянного процесса интерпретаций. В связи с этим изучение поведения людей, вступающих в компьютерно-опосредованную коммуникацию, открывает новые способы «интерпретативного процесса» и показывает их влияние на диалектику индивидуального я и институционального порядка.

Вообще с конца XIX в. представление о самосознании в рамках социологических теорий постепенно смещалось от индивидуального тела к взаимоотношениям индивидов между собой и с обществом (неким «обобщенным другим»). Подобное смещение заставляет по-новому взглянуть и на идентичность, и на ее зависимость от коммуникации. Конструирование идентичности, а следовательно, вкусов, целей, ценностей, происходит в ходе взаимоотношений, в ходе символического обмена. То, как и посредством чего происходит общение, определяет и символы, и формы интерпретации, и коды и способы декодирования. В связи с этим внимание к появлению технически опосредованных способов коммуникации и к их влиянию на процессы идентичности, на образование и функционирование сообществ продиктовано отчасти и теоретическими основаниями символического интеракционизма.

Все эти рассуждения не сугубо теоретичны, а имеют весьма конкретные практические основания и задачи. Например, 17 мая 2002 г., выступая с речью по случаю Дня телекоммуникации, генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал «цифровое неравенство» (digital divide)

проблемой текущего года. Основным доводом была статистика. Действительно, тот аргумент, что количество пользователей Интернета в мире не превышает 5%, многое проясняет и является необходимым, но можно уверенно утверждать, что достаточным он не является. Для понимания серьезности проблемы необходимо указать как на то, что эти 5% генерируют и перераспределяют основные потоки «глобального» символического капитала, так и на то, что характер коммуникации, в ходе которой осуществляется это генерирование и транслирование, создает новые сообщества вокруг новых измерений идентичности и тем самым приводит к новому социальному расслоению. Происходит образование новой социальной реальности, доступ в которую (и даже доступ к пониманию которой) прегражден посредничеством информационных и коммуникационных технологий. Осознание того, что характер коммуникаций во многом определяет то, какими являются со-общество и индивид, показывает основание актуальной для «информационного общества» проблемы цифрового неравенства.

Примордиальность применительно к рассматриваемым нами вопросам упрощенно может быть представлена как преобладание факторов, действие которых не предполагает индивидуальных ментальных усилий. Хотя, безусловно, эти факторы вполне могут быть результатом предшествующих усилий подобного рода, как индивидуальных, так и коллективных, но обязательно принявших интерсубъективную форму. В их числе природа, символический капитал (облекающийся в многообразие форм, среди которых язык, история, культура), материальные носители и способы передачи символического капитала, территория и т. д.

Различие между примордиализмом и конструктивизмом заключается в том, что в первом случае общее, лежащее в основании и идентичности, и сообщества, понимается как ряд объективно существующих признаков, которые усматриваются в ходе сравнительного анализа, а во втором это общее понимается как субъективно задаваемый конструкт, некая парадигма восприятия и оценки. В первом случае исходят из данности, во втором создают ее.

Что касается сложившейся в последние несколько лет социально-психологической ситуации, в которой немаловажную роль стали играть информационно-коммуникационные технологии, то здесь можно наблюдать как изменение характеристик или объективных общих признаков, так и изменение характера воображения некоторых фрагментов социальной реальности. Не вдаваясь в подробности, эти изменения можно проиллюстрировать следующим образом.

Во-первых, фактор территориальности утратил центральное значение для определения сообщества. А, как известно, в социологической традиции теоретизирования территориальность является фундаментальной характеристикой человеческого поведения. Именно через территориальность и основанное на ней понятие «опорного пункта» (*bases of operations*) Т. Парсонс задавал понимание сообщества. По его словам, именно «требование “опорного пункта” действия лежит в основании той группировки, которую мы называем “сообществом” (*community*)». Сообщество — это коллектив, члены которого имеют общую территориальную область в качестве опорного пункта действия»²³. Его добавление, что «“коммутация” через механические средства существенно расширила территориальную область», не меняет категоричности заявления. Изменение представления о сообществе, лежащее в основе такого выражения, как «виртуальное сообщество», основано на утрате территориальностью, которая прежде была важнейшей характеристикой человеческого поведения, своей фундаментальности.

Во-вторых, произошло изменение формы коммуникации, а также генерации, трансляции и представления информации в связи с массовым распространением цифровых информационных и коммуникационных технологий. Многообразие этого технического посредничества (здесь и «железо», и программное обеспечение, и технологии организации) легло в основание сетевого способа организации, которое во многих областях демонстрирует свою эффективность.

В-третьих, появились новые воображаемые сообщества, в основе которых лежит общность, основанная на общем, а не на общении, но специфичность этой общности во многом зависит от средств общения, от новых технологий. Одна из определяющих черт новых воображаемых сообществ — это идентичность сопротивления. Именно сопротивление в данном случае является наиболее общим определяющим фактором идентификации, а не угнетение, как утверждает А. Юнг²⁴.

Экстремизм и сопротивление

Хотя, по словам М. Кастельса, идентичности и могут брать свое начало в доминирующих институтах, но идентичностями они становятся только тогда, когда будут подвергнуты интернализации со стороны социальных акторов и когда последние сконструируют их значения вокруг этой интернализации. Под значением здесь пони-

мается символическая идентификация социальными акторами цели действия.

Общая модель классификации способов построения идентичностей, сформулированная М. Кастельсом и предлагающая деление на узаконивающую идентичность (*legitimizing identity*), идентичность сопротивления (*resistance identity*) и проективную идентичность (*identity for resistance*), вполне подходит для описания и анализа процессов конструирования идентичности в новой информационно-коммуникационной среде. Согласно этой классификации:

узаконивающая идентичность проводится доминирующими общественными институтами для расширения и рационализации своего доминирования;

идентичность сопротивления «производится» теми социальными акторами, которые находятся в положении или в условиях, обесцененных или стигматизированных логикой и характером узаконенного в данном обществе доминирования;

проективная же идентичность представляет собой конструирование социальными акторами на основе доступного им культурного материала новых идентичностей, которые переопределяют их общественные позиции и положение в обществе и благодаря этому способствуют изменению всей социальной структуры.

М. Кастельс утверждает, что в отличие от эпохи модерна, когда проективная идентичность аккумулировалась деятельностью гражданского общества, сегодня ее многообразные формы определяются стратегиями сопротивления. То есть если раньше основанием и питательной средой для проективных идентичностей были главным образом узаконивающие идентичности, то теперь эту функцию выполняют идентичности сопротивления.

Одной из причин смены оснований для проективных стратегий построения идентичностей является усиление глобалистских тенденций. Именно эти тенденции, вызывая локальное сопротивление (причем, естественно, не только в географическом смысле, но и в культурном и психологическом, как мы уже упоминали), структурируют сетевое общество.

Как же выражаются в русскоязычном сегменте Интернета стратегии и тактики сопротивления? Перед тем как перейти к описанию их выражения, стоит сказать несколько слов о способах их внешнего описания или, проще говоря, посмотреть, как эти способы выражения описываются и оцениваются извне по отношению к движениям, продуцирующим подобного рода стратегии. Внешнее описание

чаще всего исходит от защитников доминирующих социальных институтов. Поскольку такие описания обусловлены определенной социальной позицией и исходят из приоритета узаконенных идентичностей, они являются относительными. Чтобы завуалировать эту относительность, технологии описаний включают приемы, представляющие некоторую позицию как абсолютную.

Абсолютность может иметь своим основанием законодательство или нравственные постулаты, т. е. критерии сами по себе относительные. Одной из ярких и крайне нечетких форм такого рода описания социальных явлений служит термин «экстремизм». Его яркость вызвана не обычностью и не нормальностью формулировок и действий. Понятно, что «обычность» и «нормальность» — термины относительные и выражают лишь общее мнение и общее согласие, причем даже не всегда это мнение и согласие большинства. Что же касается неясности или нечеткости «экстремизма», о чем свидетельствуют и его определения, и его классификации, то главная причина кроется в относительности этого термина. Никакое социальное явление, будь то идеология или социальное действие, не может быть раз и навсегда диагностировано как экстремистское. Впрочем, и идентичность, с точки зрения социальной теории, не может быть сущностью, не может *per se* оцениваться как прогрессивная или регрессивная вне исторического контекста²⁵.

Несмотря на терминологическую неопределенность, выражение «экстремизм» употребляется довольно регулярно. Вызвано это не только прагматическими интересами идеологов и политических технологий, но и так называемой дискурсивной инерцией. Применительно к Интернету этот термин, присутствующий на информационных сайтах аналогично тому, как он присутствует в других средствах информации, стал употребляться и как определение ресурсов. Это определение легло в основание каталогизации и классификации. Наиболее организованная и полная классификация размещена на сайте информационно-экспертной группы «Панорама» (<http://www.panorama.ru:8101>). Однако сами составители называют ее условной. К отрицательным чертам этого списка можно отнести не случайное и уже из названия («Экстремисты и радикалы в русской сети») следующее объединение экстремистов и радикалов, а также наличие ссылок на уже не существующие сайты²⁶. Все ресурсы разделены на принадлежащие: коммунистам, анархистам, русским националистам, скинхедам, политизированным неоязычникам, православным фундаменталистам, мусульманским фундаменталистам, национал-

большевикам, просто радикальным антизападникам, всяким «вообще экстремистам», либеральным экстремистам, политизированным футбольным фанатам и частным лицам.

Других альтернативных или сходных, но более полных списков ресурсов экстремистского толка в русскоязычном Интернете нет. Существуют не классифицированные списки, например на сайте Zhurnal.ru (http://www.orlenok.msk.ru/5/zakladki_extremism.htm#extremism). Представленные здесь «Закладки» разделены на «терроризм», «экстремизм» и «русское». С «русским» разделом «экстремистского» списка, даже, по словам самих его составителей, приходится труднее всего. Эти трудности возникают, с одной стороны, из-за нечеткости определения «экстремизма», с другой — из-за вызванного этой нечеткостью большого объема понятия.

Среди русскоязычных определений наиболее популярно следующее относительное указание: «экстремизм (лат. *extremus* — крайний) — приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)»²⁷. На английском языке регулярнее всего прибегают к определению, емко выраженному в «Словаре политической мысли»²⁸. Например, Дж. Гарднер в работе «Век экстремизма» пишет: «Экстремизм характеризуется крайней или умеренной формой догматической нетерпимости и склонностью к безоговорочному подчинению авторитету в форме идеологии или чувства группового единства»²⁹.

Экстремизм — не научное и не правовое понятие, а маркер и идеологическое клеймо, призванное обозначить «неправильность» и «вредность» позиции, теоретическую и практическую. Классификация организаций как институтов и действий в качестве экстремистских помимо сущностной относительности высвечивает некий центр «правды» и «правильности», которому какие-то взгляды и действия могут нанести «вред». «Экстремизм» — идеологическое оружие власти в борьбе с оппозицией. В России это оружие может стать очень опасным. 30 апреля 2002 г. президент внес в Госдуму проект закона «О противодействии экстремистской деятельности». В нем под «экстремизмом» и «экстремистской деятельностью» подразумеваются: «противоправные действия организаций и (или) физических лиц по насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти, насильственному изменению конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, осуществлению террористической деятельности, возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды, воспрепятствованию законной деятельности федеральных органов государственной вла-

сти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления». Не требует никаких комментариев то, что согласно законопроекту в случае «осуществления общественным объединением экстремистской деятельности» его функционирование может быть приостановлено до рассмотрения судом заявления о его ликвидации. Учитывая описанную выше «четкость» и «ясность» термина «экстремизм», произвол (сознательный или неосознанный) при этом обеспечен.

«Экстремизм» — понятие по существу относительное. Это можно проиллюстрировать на примере размещения одних и тех же ресурсов как под рубрикой «Экстремизм»³⁰, так и под рубрикой «Патриотизм»³¹. Понятно, что в этих названиях заложены прямо противоположные оценочные суждения. Среди таких сайтов — «Русское национальное единство»³², «Союз русского национального возрождения»³³, «Черная сотня»³⁴, «Народное коммунистическое движение»³⁵, «Воскресенское православное братство»³⁶ и т. д.

Итак, экстремизм, формальное и наиболее общее определение которого может быть основано на противопоставлении общепринятому, характеризует некие воззрения или действия, маргинальные по отношению к другим, главным образом легитимным воззрениям и действиям. Существенно и то, что оно изначально проникнуто идеями и настроениями сопротивления.

В связи с этим более подходящим, нейтральным и сущностным признаком, который мог бы лечь в основание классификации ресурсов и отразить стратегии трансформации идентичности или идентичностей в России, является не экстремизм, а сопротивление. Нейтральность, но вместе с тем активность «сопротивления» отражают социальную динамику как на уровне текстов, так и на уровне идеологии и политики интернет-ресурсов. Сопротивление — это вторичное действие, это реакция. Внешний наступательный характер сопротивления скрывает его основную охранительную функцию.

Преимущество определения «сопротивление» над определением «экстремизм» в том, что первое может быть общим критерием анализа и классификации как для представителей движений сопротивления, так и для тех, кто описывает эти движения извне.

Иллюстрации сопротивления

Сама по себе классификация ресурсов по признаку «сопротивления» не входит в нашу задачу. Она не соответствует ни замыс-

лу, ни форме статьи. Мы только проиллюстрируем стратегии и тактики сопротивления на примере некоторых русскоязычных веб-сайтов.

Сайт Islam.ru (<http://www.islam.ru>) или «Ислам в России» позиционируется как независимый («независимый, по словам команды “Islam.ru”, от светско-клерикальных политиков, интриганов власти и олигархов») исламский информационный канал. В разделе «О проекте» явно выражено настроение сопротивления. Основательность заявлений говорит о реактивной форме конструирования идентичности у потенциальных пользователей рассматриваемого ресурса. «...Нет никого хуже глупцов и невежд, призывающих людей идти за ними, одурманивая их разум и наполняя их сердца черной желчью ненависти и разврата. Но сколько же таких сегодня! И сколько же у них последователей! Они преступно искажают Ислам и зарождают в людях страх и неприязнь к последователям Единобожия. Они идут к людям через журналы и книги, через политиков и СМИ, через Интернет и лжеучителей. И разве нет в нас силы остановить их или, по крайней мере, противопоставить им истинную правду об Исламе?!». Ресурс создан при духовном попечительстве Духовного управления мусульман Дагестана, Благотворительного фонда им. Сайид-Мухаммада Абубакарова, Благотворительного фонда «Ансар». Среди разделов есть «Чайхана», представляющая собой интернет-форум. Некоторые записи, даже если предположить, что они являются установочными и помещены модераторами, открыто указывают на мобилизационную функцию ресурса. Для примера можно привести несколько подобного рода записей: «Благодаря Интернету я принял для себя решение принять ислам и воспитать всю семью в исламских традициях. Хвала Аллаху» (подписана *Вячеслав*, опубликована 5 марта 2002 г.); «Завтра еду на семинар, посвященный суфизму. Первую информацию получил здесь» (подписана *Иоганн Бэр*, опубликована 1 марта 2002 г.).

Более явную стратегию сопротивления демонстрирует сайт «Радио Ислам» (<http://abbc.com/russ>). Во «вступительном слове русской редакции» главной задачей ресурса объявляется сплочение братских народов в борьбе с «чумой XX века» — сионизмом, который, по мнению авторов, определяет сегодняшнюю политику «нового мирового порядка». Несмотря на то, что главным оружием в этой борьбе признаются «Вера и Знание», «вступительное слово» оформлено анимированными картинками: капающей красной жидкостью, очень напоминающей кровь, и взрывающимися динамитны-

ми шашками. Развивают тему «Веры и Знания» изображение автомата Калашникова на фоне Корана и уже вовсе не запрятанные в символическую визуальную оболочку чеканные формулировки наподобие «Смерть “Золотому” и “Красному” Интернационалу». Сервер расположен в Швеции, основатель ресурса «Радио Ислам» — Ахмед Рами. Лейтмотив собранных статей, интервью и комментариев — ненависть к евреям и борьба против сионизма. Идейная направленность ресурса еще больше проясняется благодаря ссылкам на «родственные» ресурсы, среди которых: Islam.ru (<http://www.islam.ru>), KavkazCenter (<http://www.kavkaz.org/russ>) и Палестинский информационный центр (<http://66.70.152.169/index.htm>). Конференций или чатов ресурс не предлагает.

Одним из емких ресурсов является сайт «Арктогея» (<http://www.arctogaia.com>). Уже с главной страницы сайта сквозит дух сопротивления. Вообще если говорить о сопротивлении, которое является структурирующим проявлением ряда форм идентичности в современной России, то оно понимается как установка сознания и как форма действия. В их основе — отношение, в котором Другой является той наковальней, на которой и выковывается идентичность сопротивления. Отрицание — основная эмоциональная и логическая форма этого отношения. Несмотря на относительность, а может быть, и благодаря ей, собственная позиция оценивается как абсолютная. Мотивацией к действию является стремление к тотальному распространению собственных взглядов. Итак, на сайте «Арктогея» дух сопротивления, сразу указывающий на Другого, оформлен в виде динамической картинке с обгазированной кровью надписью «Американская война»³⁷, под которой цитата из экспресс-опроса ВЦИОМ: «По мнению 71 % опрошенных россиян, Россия принадлежит к особой — “евроазиатской”, или православной, — цивилизации, поэтому ей не подходит западный путь развития. Только 13% считают Россию частью западной цивилизации». Самопрезентация, которую мы встречаем на страницах «Манифеста»³⁸ «Арктогеи», дает четкое представление о социальных акторах, находящихся в положении, обесцененном логикой узаконенного цивилизационного доминирования «либерального Запада». «Люди Арктогеи, — читаем на страницах «Манифеста», — предельно малочисленные, непонятые, совершенно неуместные в современном мире, обособленные, дифференцированные, тотально отрицают все апокалипсическое царство сегодняшнего дня и столь же тотально утверждают альтернативный мир, мир Традиции, мир Полюса, мир Бытия, мир Арктогеи». Имен-

но эти «стигматизированные» представления и порождают дискурс сопротивления. На страницах того же «Манифеста» читаем: «Противостояние... власти атлантической “империи зла”, США и либерально-капиталистической модели следует приветствовать во всех формах и в любых сочетаниях». Специфика интернет-ресурсов в том, что они, как уже было сказано, имеют возможность использовать не только различные формы информационного воздействия, но и разные способы коммуникативного взаимодействия. В случае исследуемых нами ресурсов, объединенных идеей сопротивления, эти возможности в каждом случае используются по-разному. Что касается конкретно сайта «Арктогея», то здесь проведена большая работа. Это не просто некий информационный листок, а портал, представляющий и газету, и библиотеку, и форумы с большим разнообразием обсуждаемых тем и неплохой посещаемостью, и демонстрацию географии движения (на сайте представлены филиалы «Арктоген», среди которых филиалы в Италии и Финляндии).

Интернет-ресурсы, организованные вокруг идеи сопротивления, очень разные. Они различаются как по форме, так и по содержанию. По форме это может быть и перенесенный в Интернет печатный партийный орган ³⁹, и официальный сайт политической партии ⁴⁰, общественного ⁴¹, национального или религиозного движения, и личный сайт активного, технически продвинутого участника движения или члена партии ⁴², и масштабный портал, активно выполняющий не только информативные, но и коммуникативные задачи ⁴³. Содержание же в данном случае определяет, кто, кому и какими методами оказывает сопротивление. То общее, что позволяет объединить эти очень разные ресурсы, — это идентичность сопротивления, понимаемая как специфический процесс построения идентичности вокруг измерения сопротивления.

Можно привести огромное количество примеров интернет-ресурсов, с одной стороны, организованных вокруг идентичности сопротивления, с другой — занимающихся конструированием ее оттенков и выстраиванием стратегий мобилизации. Анализ этих ресурсов, безусловно, позволит дать классификацию различных видов сопротивления в Рунете. Но это отдельная задача, решение которой должно облечься в самостоятельную и специфическую форму. Нам хотелось лишь показать непреходящую важность социально-психологических процессов идентичности, их все большую зависимость от новых форм распространения и потребления информации и от новых форм коммуникации.

Несмотря на неравномерность распространения и использования Интернета в мире, актуализация предоставляемых им возможностей имеет общие стратегии и в технологически развитых, и в развивающихся странах. Это касается и использования Интернета в качестве нового мощного орудия сопротивления универсализирующему влиянию определенной формы западного символического капитала. В современном мире процессы глобализации и локализации сильно переплетены. Многие технологии, служившие поначалу каналами распространения «глобальных» тенденций, стали профессионально использоваться противостоящими этим тенденциям силами. Однако формальное влияние этих технологий на преобразование социальных отношений, вызванное изменением объемов доступной информации, способов доступа к ней, сокращением времени ее получения, а также изменением характера коммуникации, является действительно глобальным и глубоким. Закономерно также глобальное усиление локального, национального, религиозного и иного сопротивления, которое приобретает универсальные черты и использует универсальные технологии, как собственно технические (Интернет), так и социальные (например, политические).

Результатом переплетения глобализации и противоположных тенденций является появление новых форм, новых измерений идентичности, призванных преодолеть противоречия и разрешить как индивидуальные, так и социальные конфликты, — измерений, ставших отражением тех тектонических сдвигов (экономических, политических, культурных), которые произошли и происходят на стыке тысячелетий.

Примечания

- ¹ См.: *Castells M., Yazava S., Kiselyova E.* Insurgents Against the Global Order: A Comparative Analysis of Zapatistas in Mexico, the American Militia and Japan's Aum Shinrikyo // *Berkley J. of Sociology.* — 1995. — № 40. — P. 21—60.
- ² *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London, 1983 (рус. пер.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001).
- ³ Ibid.
- ⁴ <http://www.rheingold.com/vc/book>.
- ⁵ <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/searle.htm>.
- ⁶ См.: *Кастельс М., Киселева Е.* Россия и сетевое общество: Аналитическое исследование // *Мир России.* — 2000. — № 1 (<http://www.socio.ru/wr/00-1/Castells.htm>).

- 7 Глоссарий по информационному обществу (<http://www.iis.ru/glossary>).
- 8 *Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society // *Brit. J. of Soc.* — 2000. — № 51. — P. 5—24. Перевод выполнен Ю. Кимелевым и Н. Поляковой (<http://rc.mssex.ru/rc/Kast.htm>).
- 9 *Ibid.*
- 10 См.: *Девятко И. Ф.* Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // *Глобализация и постсоветское общество*. — М.: Изд-во ООО «Стови», 2001. — С. 8.
- 11 Там же. — С. 28.
- 12 *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 44.
- 13 *Texts of Identity* / Ed. by J. Shotter, K. J. Gergen. — London; New York, 1989.
- 14 *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. — Maiden (Mac); Oxford (UK): Blackwell Publ., 1997. — Vol. 2: The Power of Identity. — P. 7.
- 15 Известными учеными, работающими в русле конструктивизма, являются на Западе Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, в нашей стране — В. Тишков.
- 16 Примордиализм понимается здесь более широко, чем в рамках этнологии, — это подход к определению любых форм идентичности, стремящийся найти объективную основу ее существования в природе (как физической, так и метафизической — например, как трансцендентное основание этики, а следовательно, и нравственности), общественной жизни или культуре. Среди известных ученых признавали себя примордиалистами К. Гирц (*Geertz Cl.* *Ethos, World-View and the Analysis of Sacred Symbols* // *Hamme E. A., Simmons W. S.* *Man Makes Sense*. — Boston: Little, Brown and Company, 1970) и Э. Шилз (*Shils E.* *Political Development in the New States*. — The Hague: Mouton, 1962; *Shils E.* *Centre and Periphery* // *The Logic of Personal Knowledge: Essays* / *M. Polanyi* (ed.). — London: Ronthedge and Kegen Paul, 1961).
- 17 *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. — Ithaca: Cornell Univ. Press, 1983.
- 18 Некоторые ученые выделяют в качестве самостоятельного «инструменталистский подход», однако для круга вопросов, рассматриваемых в настоящей статье, это выделение кажется нецелесообразным.
- 19 *Talbott S. L.* *The Future Does Not Compute — Transcending the Machines in Our Midst*. — Sebastopol CA: O'Reilly & Associates, 1995 (<http://www.ora.com/people/staff/stevet/idnc>).
- 20 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М., 1995. — С. 282.
- 21 *Mead G.* *Geist, Identität und Gesellschaft*. — Frankfurt am Main, 1973.
- 22 *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 16.
- 23 *Parsons T.* *The Social System*. — New York: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1964. — P. 91.
- 24 *Young I. M.* *Difference as a Resource for Communication* // *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics* / *W. Rehg and J. Bohman*, eds. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. — P. 389.

- ²⁵ См.: *Castells M.* The Information Age... — P. 8.
- ²⁶ Например, неактуальны ссылки на следующие сайты: Советская Зона — Soviet Zone (<http://www.sovietzone.com>); газета «Бумбараш-2017» (<http://postman.ru/~bumbarsh/>) и т. д.
- ²⁷ Большой словарь иностранных слов. — М., 1999. — С. 745.
- ²⁸ Dictionary Of Political Thought. — New York, Hill & Wang, 1982.
- ²⁹ *Gardner J.* The Age of Extremism. — Toronto: Birch Lane Press, 1997.
- ³⁰ <http://www.panorama.ru:8101>.
- ³¹ <http://www.patriotca.boom.ru/c8.htm>.
- ³² <http://www.rne.org/vopd/index3.shtml>.
- ³³ http://srnv.narod.ru/main/celi_zadachi.htm.
- ³⁴ <http://sotnia.8m.com>.
- ³⁵ <http://www.df.ru/~petrovsc>.
- ³⁶ <http://www.vernost.ru>.
- ³⁷ Это оформление временное и зафиксировано в апреле 2002 г.
- ³⁸ <http://www.arctogaia.com/public/index1.htm>.
- ³⁹ Например: газета «Лимонка» (<http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/5336>), газета «Русский вестник» (<http://www.rv.ru>), газета «Завтра» (<http://zavtra.ru/cgi/veil/zavtra/index.html>).
- ⁴⁰ Например, сайт Коммунистической партии Российской Федерации (<http://www.cprf.ru>), сайт Российской коммунистической рабочей партии — Революционной партии коммунистов (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.html>).
- ⁴¹ Например, сайт общественно-политического объединения «Белый мир» (<http://belmir.ruweb.info>).
- ⁴² Например, персональный сайт А. Меллера «Движение сопротивления» (<http://www.postman.ru/~ameller/indexr.htm>).
- ⁴³ Например, сайт православного общества (братства) «Радонеж» (<http://www.radrad.ru/index.asp>) и уже кратко охарактеризованный сайт «Арктогея» (<http://www.arctogaia.com>).

Политический сегмент российского Интернета, его развитие и перспективы

*Григорий Белонучкин,
Екатерина Михайловская*

Российский сегмент Интернета, формально возникший в начале 90-х годов (создание доменов .su и .ru), к 1997—1998 гг. в соответствии с мировой тенденцией выстроился вокруг гипертекстовой технологии World Wide Web. Другие сервисы Интернета (почта, FTP, конференции) носят почти исключительно вспомогательный характер, так что понятие «Рунет» традиционно означает совокупность русскоязычных, но не обязательно находящихся в России сайтов Всемирной паутины. Зарегистрировавшись в поисковых системах Рунета (или попав туда усилиями индексирующих роботов), частью Рунета де-факто стали и русскоязычные сайты зарубежья (прежде всего постсоветских государств и Израиля), хотя при описании политического Рунета (Политрунета) мы их из рассмотрения исключаем, так же как российские региональные сайты, влияние которых к настоящему времени не распространяется за пределы соответствующих территорий.

Границы политического сегмента Рунета мы определяем, ориентируясь на интерес широких кругов политизированной аудитории. При этом мы отделяем политический Рунет от политологического. «Политологический» Рунет, с нашей точки зрения, не является инструментом политического влияния и по типу организации примыкает либо к «бизнес-Рунету» (сайты-витрины политологических фирм), либо к «академическому» Рунету.

Первый политический проект в Рунете — «Либертариум» А. Левенчука — появился в августе 1994 г. Таким

образом, история политического сегмента Рунета насчитывает более семи лет. За это время сложились определенные классы сайтов, которые мы и постарались описать. Акцент на фактографическом типе наррации связан с тем, что ввиду небольшой отдаленности горизонта история Рунета не написана, а об истории политического Рунета и говорить нечего. Из-за того, что связное изложение того, как развивался за прошедшие семь лет политический Рунет, отсутствует, мы были вынуждены смешивать диахронический и синхронический аспекты.

В разделе о перспективах развития Политрунета мы рассматривали *рациональные* перспективы, т. е. такие, которые предполагают некоторые последовательные изменения, вытекающие из наличных тенденций. Катастрофические варианты (включая вариант смерти Интернета в результате появления принципиально иных средств коммуникации) мы не рассматривали. Мы сознательно не учитывали в рассуждениях о будущем политсегмента Рунета глобальный интернет-контекст и не проводили сравнений с политсегментами других локальных (в языковом отношении) «интернетов», поскольку считаем, что эта тема должна являться предметом специального изучения.

Классификация

Данная классификация является эклектической, с преобладанием функционального принципа. Именно по функциональному принципу выделены в особую категорию форумы, которые «физически» не являются отдельными сайтами. Мы не стремились приводить исчерпывающий перечень сайтов того или иного типа в каждом из пунктов, однако надеемся, что в перечисления попали все сайты-лидеры или во всяком случае их большинство. В категорию «новостные сайты» естественным образом попали и те ресурсы, которые не являются исключительно политическими (к таковым относятся практически все СМИ: как чисто онлайн-овые, так и онлайн-овые версии бумажных изданий), но в контенте которых политическая составляющая является ведущей или по крайней мере одной из ведущих. Мы относим деятельность органов государственной власти к сфере политики и в соответствии с этим представлением рассматриваем сайты министерств и ведомств как часть политического сегмента Интернета.

В русском Интернете представлены следующие типы политических сайтов.

1. Сайты органов власти. Официальное представительство российской власти в Сети — Russian Government Internet Network (RGIN) (<http://www.gov.ru>) появилось к началу 1995 г. Изначально полупустой сайт (содержавший только ведомственную инструкцию по применению Интернета для нужд правительственного аппарата) постепенно превратился в портал «Официальная Россия», содержащий ссылки на самостоятельные проекты отдельных органов власти, наполненные информацией в зависимости от степени «продвинутости» соответствующих информационно-технических отделов: сайты пресс-службы правительства (1996—1997 гг.), Совета безопасности, двух-трех министерств (а к настоящему моменту — уже около половины министерств и до трети остальных правительственных ведомств), Центризбиркома. В 1995—1996 гг. усилиями Фонда развития парламентаризма в России был создан сервер для Госдумы (<http://www.duma.ru>, впоследствии <http://www.duma.gov.ru>), затем появился сервер и у Совета Федерации (<http://www.council.gov.ru>).

Дебют правительственного Интернета состоялся в декабре 1999 г. Накануне открытия сервера <http://www.pravitelstvo.gov.ru> произошла историческая встреча премьера В. Путина с известными деятелями Рунета [2], впервые продемонстрировавшая интерес власти к Интернету и его «вождям». Сервер президента (изначально — и. о. президента) <http://president.kremlin.ru> появился лишь в 2000 г.

К настоящему моменту большинство государственных сайтов — это скорее рекламные витрины органов власти с элементами пресс-служб. Лишь немногие ориентированы на снабжение населения и специалистов правовой и справочной информацией (счастливые исключения — сайты Центризбиркома и немногих министерств). На общем бюрократическом фоне выделяется сайт Минэкономразвития: на нем оперативно вывешиваются законодательные и программные инициативы министерства, причем в виде проектов, предлагаемых к обсуждению.

Осенью 2001 г. премьер М. Касьянов потребовал от всех подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти создания полноценных сайтов, высказавшись в том смысле, что если министерство за день ничего нового не сообщило в Интернете, то оно, наверно, и не работало.

Информационная наполненность сайта того или иного федерального ведомства в значительной степени определяется личностью руководителя и степенью его знакомства с сетевыми реалиями; иногда смена руководства приводит к сокращению затрат средств и че-

любеко-часов на поддержание сайта. Достаточно сравнить сайт Министерства по налогам и сборам при А. Починке и его преемниках.

В проект федерального бюджета на 2002 г. заложено финансирование масштабной программы «Электронная Россия», подготовленной Минэкономразвития и предусматривающей, в частности, информатизацию государственного документооборота и внедрения Интернета в сельских школах.

2. Независимые проекты. «Московский Либертариум» (<http://www.libertarium.ru>) был первым политическим сайтом в Рунете, он появился 4 августа 1994 г. на сервере Института коммерческой инженерии [1; 4]. Основная цель «Либертариума» — пропаганда либеральных и ультралиберальных идей в русскоязычном пространстве, для чего в Сети были размещены тексты зарубежных и отечественных классиков либеральной мысли. В конце 1995 г. «Либертариум» освещал выборы в Госдуму, публикуя в больших количествах электоральные мониторинги Института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ).

Куличкинский политцентр (<http://polit.kulichki.net>) был создан на раннем этапе развития Рунета как место политических дебатов для широких кругов неполитизированной публики. Довольно долго на сайте поддерживались онлайн-интервью видных деятелей «Яблока» А. Мельникова, «Демократического выбора России» С. Юшенкова и «Демократического союза» В. Новодворской, пока они не были перенесены на собственные сайты соответствующих политических группировок. На сайте поддерживаются эпизодические новости и обзоры и несколько тематических и нетематических дискуссий, открытых для всех.

Сайт «Политика» (<http://www.cityline.ru/politika>) не может быть подробно описан в данной статье, так как поддерживается одним из ее авторов в меру наличия времени.

Характерная черта подобных проектов состоит в том, что держатся они, как правило, на голом энтузиазме создателей и не могут рассчитывать на серьезные и длительные инвестиции до тех пор, пока стремятся соблюсти независимость от чьих-либо политических и коммерческих интересов.

3. Сайты политических партий и лидеров. Первыми (уже к 1995 г.) вышли в Сеть незарегистрированные политические организации, которые принято считать маргинальными, — «Демократический союз», «Память», «Транснациональные радикалы», несколько позже — «Русское национальное единство». Отдельные

сторонники коммунистов (в основном радикального незюгановского толка) и аграриев создали неформальные сайты в поддержку соответствующих партий.

Первым серьезным проектом действующего политика стал сервер вице-премьера Б. Немцова (<http://www.nemtsov.ru>), созданный Фондом эффективной политики (ФЭП) Г. Павловского в марте 1998 г. Помимо ежедневного расписания рабочих встреч, заседаний и поездок с оперативными отчетами об их результатах на сайте можно было познакомиться с высказываниями Б. Немцова по актуальным политико-экономическим проблемам, выстроенными в тематическом и хронологическом разрезах. Вторым персональным проектом ФЭП был сервер С. Кириенко (<http://www.kirienko.ru>), появившийся в декабре 1998 г. К лету 2001 г. персональными серверами обзавелись уже около сотни федеральных политиков (если считать таковыми, в частности, три десятка депутатов Госдумы). Их список можно найти, например, по адресу <http://www.cityline.ru/politika/igogo/politika.html>.

Из двух известных авторам попыток создать политические организации посредством Интернета одна закончилась относительным успехом — речь идет о «России молодой» Б. Немцова (<http://www.gosmol.ru>) (хотя нельзя с определенностью сказать, какой из факторов сыграл большую роль в достижении партией необходимой численности — посещаемость немцовских сайтов или помощь региональных ячеек Республиканской партии). Вторая — попытка владельца достаточно посещаемого «Либертариума» А. Левенчука создать из завсегдатаев и симпатизантов сайта Партию свободы — так и не завершилась, так как количество желающих вступить в партию не достигло цифры, заявленной А. Левенчуком как порог, начиная с которого имеет смысл предпринимать какие-либо организационные действия вне Сети.

Если во время выборов 1995 и 1996 гг. собственных сайтов у ведущих политических сил не было (их заменяли подробные подборки программных и агитационных материалов на сервере Национальной службы новостей — НСН), то в период работы Госдумы второго созыва (1995—1999 гг.) своими серверами обзавелись все парламентские партии — не только четыре победивших партийных списка (КПРФ, ЛДПР, «Наш дом — Россия», «Яблоко»), но и партии, составляющие основу депутатских групп одномандатников — Аграрная партия и Российский общенародный союз. К выборам-99 серверы появились у новообразований — фаворитов кампании («Отечество», «Вся Россия», «Медведь»).

Во время президентской кампании 1996 г. освещение выборов было в значительной мере уделом любителей — англоязычная аудитория предпочитала сайт американского студента Д. Гусева, который перевел и отреферировал много русскоязычных источников информации о кандидатах. Во время выборов-2000 свои сайты имела уже добрая половина кандидатов включая всю первую пятерку. Кандидаты по-разному истолковали норму избирательного закона о запрете агитации в день выборов и накануне. Команда самого законопослушного из них, В. Путина, оставив на заглавной странице упоминание об этой норме закона, перенесла на всякий случай оглавление сайта на страницу под названием «архив». Незадолго до выборов на сервере издательства «Вагриус» была выставлена книга интервью с В. Путиным «От первого лица» — успех был настолько ошеломительным, что сервер рухнул.

Наиболее содержательный список ссылок на сайты политических партий и организаций можно найти на сайте агентства «Партиформ» (<http://www.partinform.ru>).

4. Новостные политические сайты. Долгое время монополистом на рынке политических новостей оставалась сводка Национальной службы новостей — <http://www.nns.ru> (с 1995 г.). Небольшую конкуренцию ей составляли политические вкрапления в ленту новостей «Росбизнесконсалтинга» (появился в том же 1995 г.). Крупные информационные агентства (ИТАР-ТАСС, РИАИ, «Интерфакс») давали исключительно избранные заголовки новостей, причем только по-английски и преимущественно на сайтах зарубежных партнеров.

Расцвет политических новостных лент случился после кризиса августа 1998 г. С осени 1998 г. в такую ленту превратился проект Полит.ру (<http://www.polit.ru>), существовавший с февраля 1998 г. (первоначально — в виде ежедневного эссе А. Левкина на околополитические темы вплоть до светской хроники). Правда, в то время лента Полит.ру составлялась преимущественно на основе офлайновых сводок традиционных информационных агентств. Остальные три кита политновостей, появившиеся в 1999 г., созданы на средства ФЭП командой А. Носика. Это Газета.ру (<http://www.gazeta.ru>) — февраль 1999 г., Лента.ру (<http://www.lenta.ru>) — сентябрь 1999 г. и Вести.ру (<http://www.vesti.ru>) — октябрь 1999 г. После года-полтора «раскрутки» два из трех проектов были Фондом эффективной политики проданы: «Газета» — ЮКОСу, «Лента» — «Русским инвесторам».

Отдельно стоит упомянуть созданное группой журналистов «на голом месте» в начале 2000 г. и добившееся высокого рейтинга (в

основном за счет профессионального умения придавать любой новости привкус скандальности) Агентство политических новостей (<http://www.apn.ru>).

Практически с самого начала своего существования большинство новостных сайтов прежде всего воспринималось как издания с собственной ярко выраженной идеологической позицией. Например, Вести.ру позиционировали себя как праволиберальное издание, а созданный тем же ФЭП аналитический сайт СМИ.ру (<http://www.smi.ru>) — как государственническое. В 2000 г. ФЭП презентовал новый амбициозный проект «национальной информационной службы» Страна.ру (<http://www.strana.ru>), призванный совместить «выражение государственной позиции» с привлечением частных инвестиций. По последним данным проекту, несмотря на высокий рейтинг, не удалось добиться самоокупаемости, на которую рассчитывали его создатели.

Оказавшиеся в оппозиции офлайновые медиаолигархи с конца 1999 г. приступили к выстраиванию своих империй. В декабре 1999 г. «Медиа-Мост» купил у частных акционеров группу сайтов «Нет-скейт» и создал на ее основе свое сетевое подразделение «МеМо-нет», в которое в 2000 г. вошли, в частности, проекты НТВ.ру (<http://www.ntv.ru>, ныне <http://www.ntvru.com>) и Инопресса.ру (<http://www.inopressa.ru>). Б. Березовский начал осенью 2000 г. с построения объединенного новостного портала Постфактум.ру (<http://www.postfactum.ru>) на основе сетевых версий ОРТ и «Коммерсанта», а также сводок АПН. Уже в эмиграции в 2001 г. он создал собственную интернет-газету Грани.ру (<http://www.grani.ru>), находящуюся в жесткой оппозиции к президенту В. Путину.

Офлайновые информационные агентства большой тройки — ИТАР-ТАСС, РИАИ, «Интерфакс» ориентируются на платный доступ, почему и стоят на невысоких местах в сетевых рейтингах.

Электронные версии газет в лице «Известий» (полный текст) и «Независимой газеты» (только первая страница) появились в бесплатном доступе в сети в порядке эксперимента уже в 1995 г., однако эксперимент этот не дал желаемого результата, и бесплатный доступ был вскоре закрыт. В 1997—1998 гг. платный доступ к онлайновым версиям открыли «Коммерсантъ», «Русский телеграф», «Известия». К нынешнему времени большинство ежедневных газет открыли бесплатный доступ к своему архиву или хотя бы к последнему номеру.

Радио «Эхо Москвы» (<http://www.echo.msk.ru>) и Радио «Свобода» (<http://www.svoboda.org>) с 1998—1999 гг. размещают в Сети

новости и транскрипты множества своих передач. Радиовещание и телевещание в Интернете ведут уже несколько десятков российских телерадиокомпаний, однако лишь в 2001 г. — с массовым появлением Интернет-салонов со скоростным доступом — они стали теоретически доступны рядовой публике.

Некоторые популярные телеведущие (С. Доренко, М. Соколов, М. Леонтьев) с помощью идейно близких инвесторов и бескорыстных хостинг-провайдеров смогли выйти к своей пастве напрямую, разместив транскрипты передач в Интернете. Пример С. Доренко показывает, что лишение телеэфира пагубно сказывается и на онлайн-версии. Энтузиасты национал-патриотического спектра несколько раз пытались создать онлайн-версии передач А. Невзорова.

История новостного Рунета подробно описана в брошюре «Интернет для журналиста» [3] под редакцией С. Кузнецова и А. Носика, выпущенной Интернет-гильдией «Медиа-союза» (председатель — М. Гельман) в октябре 2001 г.

5. Политологические, аналитические и имиджмейкерские сайты. Несколько десятков политологических контор России имеют свои сайты. Нынешние российские реалии таковы, что грань между политологами, социологами и имиджмейкерами провести трудно, а подчас и невозможно. Большинство сайтов этой категории рассчитаны на обмен информацией с коллегами и потенциальными клиентами и на массового посетителя не ориентированы.

Те из них, которые размещают аналитическую и справочную информацию о российских политических партиях и деятелях (например, nns.ru, elections.ru, elections99.com, democracy.ru, rapogama.ru, vvr.ru), привлекают внимание посетителей Сети в основном в периоды выборов и политических кризисов. В «мирное» же время на эти сайты ходят в основном специалисты. Массовый посетитель в эти периоды «клюет» только на специфическую информацию из этой области — скандалы, «компромат» и т. п. См. об этом также [5].

Сайт «Политология в России» (<http://www.polit.spb.ru>) представляет собой одну из немногих попыток создать ресурс о политологическом образовании в традиционных вузах России, а также выставить политологические тексты разных времен и подробные аннотации к современным политологическим пособиям и исследованиям. Как и другие независимые проекты (см. п. 2), он сильно зависит от личных обстоятельств своего создателя, который в данный момент, как явствует из заголовков сайта, ищет работу по специальности.

6. Региональные проекты. Региональный политический Интернет — это особая тема, подробное освещение которой не входит в задачи статьи. Ограничимся несколькими замечаниями.

Региональные сегменты Рунета («Самарский Интернет», «Нижегородский Интернет» и т. п.) устроены по образу и подобию «большого» Рунета. Отдельно взятый региональный сегмент может включать сайты органов власти, онлайн-версии газет, пару-тройку сетевых СМИ, региональные форумы, опросы и т. п.

Развитый регионально-политический Интернет существует в С.-Петербурге (в Москве городские события по-прежнему не выделяются из потока федеральных), в Новосибирской, Свердловской областях, Красноярском крае.

В 2000 г. наблюдался бурный рост числа сайтов региональных администраций. Отчасти это связано с настоятельной рекомендацией администрации президента осваивать новые информационные технологии.

В том же году Рунет впервые начал активно использоваться на губернаторских выборах. Однако и раньше периоды бурного роста «региональных Рунетов» совпадали с электоральным циклом. Перед выборами появлялись сайты кандидатов, сайты с «бэкграундом» и форумами по обсуждению кандидатов, сводки выборных новостей, сайты компромата. Затем авторы сайтов обычно их бросали, и еще много месяцев там можно было прочитать, что «продолжается подсчет голосов», пока они не исчезали в связи с неуплатой или пока не включались в какую-нибудь новую кампанию.

Создание семи федеральных округов привело к появлению окружных сайтов, патронируемых полномочными представителями президента, и семи окружных серверов проправительственной информационной службы Страна.ру. Кроме того, нередко полпреды заводят персональные именные сайты, обновляемые с той же (или большей) активностью, что и официальные сайты округов.

Самой заметной попыткой интегрировать региональные новости в Центре стал проект regions.ru М. Колерова. Осенью 2000 г. к освещению провинциальной жизни приступила Страна.ру Г. Павловского.

7. Сайты — инструменты информационных войн. Первый масштабный выброс «компромата», замеченный в том числе и офлайн-СМИ, состоялся 27 ноября 1998 г.: в Сети появился анонимный сайт под названием «Коготь, раздирающий завесу скрытности и лжи», содержавший расшифровки частных переговоров извест-

ных российских политиков и досье на них, составленные некоей (по всей видимости, частной) охранной службой. Сайт просуществовал один день, но информация с него широко расплзлась по Сети, и ее можно до сих пор найти во множестве копий с помощью контекстного поиска.

К 1999 г. в Интернете были размещены постоянно действующие сайты расследований и «сливов»: Компромат.ру (<http://www.compromat.ru>), Агентство федеральных расследований (ФЛБ) (<http://www.flb.ru>), агентство «Стрингер» (<http://www.stringer-agency.ru>).

Наиболее серьезной информационной войной, идущей с участием правительства, является противостояние сайта чеченских сепаратистов (<http://www.kavkaz.org>) и правительственного Росинформцентра (<http://www.infocentre.ru>).

В сентябре 2000 г. на анонимном сайте появился секретный договор В. Гусинского с «Газпром-медиа», каковое событие «Медиа-Мост» использовал как повод для расторжения договора, хотя ни одна из сторон так и не взяла на себя ответственность за утечку.

В 2001 г. появился сайт <http://www.promps.ru>, созданный специально для разоблачения Министерства путей сообщения и его руководителя Н. Аксененко. Судя по множеству рекламных объявлений в бумажной прессе, в этот «выброс компромата» были вложены немалые деньги.

В «наземной прессе» (причем не только в желтой) в последние годы нередко наблюдается тенденция публиковать разного рода слухи и сплетни с указанием «получено по каналам Интернета», как бы снимающим с автора статьи всякую ответственность за достоверность информации и в то же время демонстрирующим, что сведения эти исходят из авторитетного источника (с тем же успехом можно сказать «по сведениям из Вашингтона», имея в виду надпись на каком-нибудь заборе в упомянутом городе).

8. Форумы и опросы. Русскоязычные политические форумы появились почти одновременно в 1997 г. на сайтах «Русского журнала» (<http://www.russ.ru>) и Национальной службы новостей (<http://www.nns.ru>).

Политический форум НСН был закрыт во время кризиса августа 1998 г. из-за перегрузки сервера: в условиях отсутствия в сети сводок информационных агентств (не считая самой НСН) форум использовался посетителями для пересказа новостей из офлайновых источников и стал своего рода самодельным и очень посещаемым новостным ресурсом.

Посещаемые форумы: «Кулички», «Яблоко» и «Либеральный форум» — в «правой» части спектра; форумы газет «Завтра» и «Дуэль» — в «левой». Относительная популярность форума «Яблока» объясняется возможностью получить информацию из первых рук — от депутата А. Мельникова, частого гостя форума. А форум ныне покойной партии ДВР заглох после того, как на нем перестал появляться местный ньюсмейкер — депутат С. Юшенков.

Иногда действующие политики выходят в онлайн для встреч с публикой. Первым был В. Жириновский, пресс-конференция которого на сайте Журнал.ру состоялась еще в 1996 г. Давали интернет-пресс-конференции С. Кириенко (1998 г.), президенты Б. Ельцин (1999 г.) и В. Путин (2001 г.). Однако на практике в большинстве случаев на таких пресс-конференциях интервьюируемый даже не смотрит на экран и уж тем более не сидит за клавиатурой, общаясь с Сетью устно через помощника.

Опросы общественного мнения в Сети показывают относительное (в сравнении с офлайном) численное преимущество сторонников «Яблока» и русских националистов. «Независимая газета» перед президентскими выборами 2000 г. регулярно публиковала результаты опросов посетителей своего сайта. В октябре 2000 г. это издание впервые составило рейтинг российских экспертов по сетевому опросу. В сравнении с рейтингом, составленным по опросам самих экспертов, сетевой рейтинг дал высокие места представителям левого и националистического спектра — С. Глазьеву, С. Кургиняну, А. Дугину.

9. Баннерные кампании и вебринги. В Рунете сложилось несколько развитых сетей обмена баннерами: от чисто рекламных до «межновостных». Забавная ситуация возникла во время раскола либерального лагеря по поводу конфликта вокруг НТВ весной 2001 г.: во главе сайта НТВ.ру, отстаивавшего права киселевского трудового коллектива, можно было увидеть баннер Газеты.ру, озаглавленный «Ложь в эфире НТВ» или что-то в этом роде.

Собственно политические баннерные кампании общим числом меньше десятка регистрируются одним из авторов этой статьи по адресу <http://www.cityline.ru/politika/media/kampanii.html>. За шесть лет существования Рунета две кампании были вызваны чеченскими войнами 1994—1996 и 2000—2001 гг., четыре — разными формами прямого и косвенного контроля над Интернетом (введением повременной оплаты телефона, лицензирования звуковых сайтов и перлюстрации электронной почты), две — конфликтом вокруг НТВ.

В российском киберпространстве существуют как минимум два веб-ринга — либеральный и анархистский. В свое время они широкого распространения не получили, а сейчас уже скорее могут рассматриваться как отмирающий реликт.

Таким образом, за недолгую историю Политрунета практически каждый год приносил серьезные изменения в его развитии. В 1994 г. возник «Либертариум», первый политический сайт. В 1995 г. в Сети появились первые новостные ресурсы: НСН и «Известия». В 1996 г. НСН впервые публиковала результаты президентских выборов во время подсчета голосов. В 1997 г. возникли первые профессиональные партийные проекты (парламентские партии ДВР, КПРФ и ЛДПР). В 1998 г. открылись первый персональный сайт заметного политика (Немцов.ру) и первый специализированный новостной ресурс Полит.ру. В 1999 г. были запущены ленты новостей (Газета.ру, Лента.ру), а к выборам-99 появились политико-аналитические сайты, рассчитанные на массовую публику (elections.ru) и специализирующиеся на скандалах ресурсы (АПН, Компромат.ру). В 2000 г. с Политрунетом стали считаться в офлайне: разразился конфликт Рунета с Центризбиркомом (кампания «против всех», публикация exit polls). 2001 г. заметных новостей не принес, если не считать таковой декабрьское заявление ФЭП о выходе из всех проектов сетевых СМИ (Страна.Ру, СМИ.Ру, Вести.Ру и др.).

Законодательное регулирование

К моменту зарождения российского Интернета в нынешнем виде, т. е. в 1994—1997 гг., деятельность провайдеров и в меньшей степени пользователей Интернета подпадала под следующие законы: «О связи» от 16 февраля 1995 г. № 15-ФЗ, «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ, «Об участии в международном информационном обмене» от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ, в некоторой степени — «О рекламе» от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ, «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. № 5351-1, «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1.

В Госдуме первого созыва (1994—1995 гг.) подкомитет по связи и информатике Комитета по информационной политике и связи возглавлял Ю. Нисневич («Выбор России»), однако в этот период законодатели еще не обращали внимания на Интернет. В Госдуме

второго созыва (1996—1999 гг.) над темами Интернета работали Комитет по информационной политике и связи (председатель — О. Финько, ЛДПР, председатель подкомитета по информатике — Ю. Нестеров, «Яблоко», председатель подкомитета по связи — Г. Волков, НДР) и Комитет по безопасности (председатель — В. Илюхин, КПРФ, председатель подкомитета по законодательству в сфере информационной безопасности — В. Лопатин, «Российские регионы»). В Госдуме третьего созыва (работает с 2000 г.) вопросы связи были выведены из компетенции Комитета по информационной политике и переведены в новосозданный Комитет по энергетике, транспорту и связи. Таким образом, комитетов, имеющих отношение к интернет-законодательству, стало три: Комитет по информационной политике (председатель — К. Ветров, ЛДПР, председатель подкомитета по информатизации — А. Шубин, СПС), Комитет по энергетике, транспорту и связи (председатель — В. Катренко, «Единство», председатель подкомитета по связи — Л. Маевский, КПРФ), Комитет по безопасности (председатель — А. Гуров, «Единство», куратор вопросов информационной безопасности — С. Юшенков, СПС). Как правило, законопроекты, связанные с Интернетом, вносятся подкомитетом А. Шубина.

С 1994 г. инициативная группа во главе с руководителем Института коммерческой инженерии (<http://www.ice.ru>) и «Московского Либертариума» (<http://www.libertarium.ru>) А. Левенчуком добивается принятия законов и иных нормативных актов, необходимых для развития Интернета. Особенно успешным было сотрудничество А. Левенчука с Федеральной комиссией по ценным бумагам (ФКЦБ), которая приняла решение о раскрытии в Интернете информации обо всех зарегистрированных в России акционерных обществах и поручила ведение реестра Институту коммерческой инженерии (сейчас этот реестр переведен непосредственно на сайт ФКЦБ). Добиться же рассмотрения законов «Об электронной подписи» и «Об электронной торговле» не удавалось более пяти лет.

В 2000 г. к разработке интернет-законодательства подключилась инициативная группа А. Давыдова, сформированная вокруг сайта <http://www.futura.ru>. Два законопроекта, подготовленных этой группой, внес в начале 2000 г. депутат С. Глазьев (КПРФ).

В июле 2001 г. произошло знаменательное событие: вступил в силу первый федеральный закон, содержащий слово «сайт». Речь идет о законе «О политических партиях», обязывающем федеральный регистрирующий орган (Минюст) завести сайт «в информаци-

онно-телекоммуникационной сети общего пользования» для размещения на нем реестра политических партий. Понятие «информационно-коммуникационной сети общего пользования» появилось в законодательстве уже в 1999 г. — с принятием действующей версии закона «О выборах депутатов Государственной Думы», обязывающего Центризбирком обеспечить доступность списков кандидатов абонентам этой сети.

За исключением двух упомянутых норм (характерно, что в обоих случаях законодателями установлены лишь обязанности государства по отношению к абонентам Интернета, а не обязанности абонентов) особого «сетевого законодательства» в России не существует.

Попытки распространить на Интернет право СМИ пока не принимались, точнее, пресекались на дальних подступах. Действующий закон о СМИ формально распространяет нормы, касающиеся телерадиовещания, на любое периодическое распространение массовой информации через телекоммуникационные сети, а в случае, когда сеть имеет более десяти (!) абонентов, требует обязательной регистрации СМИ. Поправками к закону о СМИ, принятыми в первом чтении в январе 1998 г. [8], предполагалось внести термин «компьютерная информация», что создало бы для Минпечати еще большее искушение применить нормы закона к Интернету, однако при подготовке ко второму чтению этот термин был изъят. Нынешнее руководство Минпечати в лице заместителя министра А. Романченко считает, что сайты следует относить к категории СМИ по критериям, установленным для регистрации бумажной прессы (наличие наименования, обновление не реже раза в год и доступность более чем тысяче пользователей), — эти критерии А. Романченко приводил на парламентских слушаниях «О правовом регулировании использования сети Интернет в РФ» 18 мая 2000 г.

В мае 1998 г. коллегия Федеральной службы по телевидению и радиовещанию (ФСТР) обсуждала проект введения обязательного лицензирования распространения теле- и радиосигнала через Интернет. Причем, учитывая трансграничную природу Интернета, чиновники ФСТР предлагали согласовывать лицензионные требования не только с комиссиями по вещанию, но и с МИДом. Проект вызвал резкую реакцию в Интернете (вплоть до баннерной кампании) и был на коллегии ФСТР отвергнут (см. <http://www.slovo.rinet.ru>).

В день думских выборов 19 декабря 1999 г. большой скандал возник вокруг опубликования сайтом Г. Павловского elections99.com

с середины дня exit polls — результатов опроса избирателей на выходе с участков. В 20 часов по московскому времени, когда в Калининградской области участки были еще открыты, результаты с сайта elections99.com процитировал обозреватель государственного телеканала Н. Сванидзе (позже он оправдывался тем, что трансляция на Калининград была отключена). Резкую критику председателя Центризбиркома А. Вешнякова вызвали действия не Г. Павловского, а Н. Сванидзе. А. Вешняков не рискнул возразить стройному хору интернетчиков, которые, используя тавтологическую норму закона, вводящую в день выборов мораторий на «опубликование (обнародование) *в средствах массовой информации*» результатов социологических опросов, заявляли: «Интернет — не СМИ, а значит, в нем можно публиковать все что угодно». В докладе об избирательной реформе (октябрь 2000 г.) Центризбирком предлагал уточнить соответствующую норму, запретив «любую (а не только в СМИ) публикацию опросов общественного мнения за неделю до выборов и в день выборов».

Приблизительно во времена встречи В. Путина с Рунетом конца 1999 г. из недр Минсвязи вышел проект постановления правительства, по которому все юридические лица обязывались завести сайты в Интернете с уникальными адресами в кратчайшие сроки [7]. Дальнейшего развития эта инициатива не получила. Кстати, участников той встречи более всего волновала проблема распределения доменных имен, которое к тому моменту являлось исторически сложившейся монополией частной организации — Российского института развития общественных сетей (РосНИИРОС, <http://www.ripn.net>). Подвергнутый разгромной критике за произвольные отказы в присвоении популярных или перспективных имен типа ivanov.ru или internet.ru, РосНИИРОС вскоре отменил всякие ограничения на выдачу доменов, в том числе и совпадающих с зарегистрированными товарными знаками. В ноябре 2001 г. Госдума по инициативе Роспатента приняла в первом чтении поправку к ст. 4 закона «О товарных знаках» следующего содержания: «Нарушением прав владельца товарного знака также признается несанкционированное использование товарного знака во всемирной компьютерной сети Интернет, в том числе в наименовании домена, если вследствие этого лицо, нарушившее право, получило или могло получить доходы, приобрело или могло приобрести какие-либо преимущества в деловом обороте».

Законодательные инициативы правительства (в последнее время — Минэкономразвития), интернет-общественности (прежде все-

го в лице А. Левенчука) и отдельных депутатов по принятию законов о цифровой подписи, об электронной торговле и т. п. долго вязли в Госдуме, которая не считала эти законы приоритетными и даже в тех случаях, когда они попадали в повестку дня, ставила их в конец списка и хронически не успевала рассмотреть. 6 июня 2001 г. Дума наконец приняла в первом чтении законопроекты «Об электронной цифровой подписи» (внесен правительством) и «Об электронной торговле» (внесен депутатами В. Волковским, Л. Маевским, О. Финько и В. Шубиным). Возможность использования электронной цифровой подписи предусмотрена действующим законом «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 5) и Гражданским кодексом (ст. 160), но, по мнению правительства, эти нормы не могут в полной мере применяться непосредственно, а лишь после принятия соответствующего закона. Правительство разработало свой проект закона об электронной цифровой подписи с учетом директивы Евросоюза 1999 г. и модельного закона СНГ об электронной цифровой подписи, принятого Межпарламентской ассамблеей СНГ в декабре 2000 г., а также опираясь на аналогичные законопроекты, ранее внесенные В. Комиссаровым («Единство») и тандемом В. Тарачев («Единство») — А. Шохин («Народный депутат»). При обсуждении авторы альтернативных проектов отзывали их, высказав ряд замечаний ко второму чтению по правительственному проекту. Законопроект принят в первом чтении 349 голосами при 4 против. Спорный вопрос о принадлежности удостоверяющих центров решен в правительственном проекте либеральным образом: центры могут быть как государственными, так и коммерческими при обязательном государственном лицензировании. Законопроект «Об электронной торговле» разработан на основе типового закона, одобренного ООН в 1997 г. Автор альтернативного проекта В. Комиссаров согласился снять свой вариант, однако предложил при втором чтении учесть положение своего законопроекта, по которому субъектом электронной торговли может быть не только юридическое лицо или зарегистрированный предприниматель, но и любое физическое лицо. Проект А. Шубина принят 346 голосами при 1 против и 2 воздержавшихся. Оба проекта приняты во втором чтении в ноябре 2001 г. без каких-либо концептуальных поправок.

Кроме того, на рассмотрении Госдумы находится поправка А. Шубина к закону «О международном информационном обмене», которая вводит в девять абзацев, перечисляющих способы такого обмена, термин «глобальные информационные сети».

Существует идея некоего «рамочного закона» об Интернете в целом — за его принятие чаще всего выступают депутаты, далекие от интернетовских реалий, но считающие, что раз в природе есть некое явление, то и закон о нем должен быть. Отвечая чаяниям таких депутатов, сотрудники аппарата думского Комитета по информационной политике во главе с Б. Кристалным разработали весной 2000 г. 3,5-страничный законопроект «О государственной политике Российской Федерации по развитию и использованию сети Интернет». Руководствуясь принципами «не навреди» и «овцы целы — волки сыты», авторы проекта составили его преимущественно из декларативных норм типа «Органы государственной власти РФ обязаны принимать меры, обеспечивающие доступ к сети российским гражданам... содействие развитию свободного рынка услуг» и т. п. Единственным, пожалуй, юридически значимым моментом в проекте является следующий заложенный в него принцип: «нераспространение методов правового регулирования на организационные и технологические аспекты развития и функционирования сети Интернет, не затрагивающие установленные законодательством Российской Федерации права и интересы личности, общества и государства».

В начале 2000 г. с оригинальной законодательной инициативой выступил депутат С. Глазьев (КПРФ). В действующий закон «Об информации, информатизации и защите информации» он предложил внести статью следующего содержания:

«Статья 3¹. Особенности регулирования деятельности физических и юридических лиц в глобальной сети Интернет

Деятельность в глобальной сети Интернет физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации, регулируется исключительно и непосредственно федеральными законами и нормами международного права».

Таким образом, С. Глазьев предлагает запретить правительству и ведомствам принимать какие-либо акты, регулирующие деятельность в Интернете. Закон за прошедшие полтора года не был рассмотрен, однако усилиями С. Глазьева удалось провести другой крайне важный для российских абонентов Интернета законопроект — о недопустимости безальтернативного введения повременной оплаты местных телефонных звонков (аналогичный закон был принят Госдумой в первом чтении 23 мая 2001 г.). За прохождением закона внимательно следили абоненты Интернета и особенно ФИДО, для которых введение «повременки» сделало бы доступ к сети недоступной роскошью.

Судя по действиям правоохранительных органов, государство исходит из того, что на Рунет полностью распространяется уголовное и административное законодательство. Решения судов по делам об авторском праве пока носят противоречивый характер.

Свыше десятка проектов законов и нормативных актов, затрагивающих Интернет, как официально внесенных, так и «черновых», опубликовано на сайте «Московского Либертариума» на странице http://www.libertarium.ru/libertarium/gov_regul. Кроме того, некоторые проекты можно найти на сайте председателя подкомитета Госдумы А. Шубина <http://www.shubin.ru>.

Тенденции и перспективы

Пока у политической деятельности в Интернете есть перспективы только в той мере, в какой ее замечают и ретранслируют офлайновые СМИ. А они чаще всего замечают исключительно «сливы компромата». Правда, по мере распространения Интернета в России улучшается ситуация с цитированием. Если раньше даже уважаемые СМИ не брезговали ссылками на «Интернет вообще», то теперь все чаще ссылаются на конкретное издание. Для политических партий Интернет — всего лишь модная игрушка. Специфические возможности Интернета (интерактивность, гипертекст, отсутствие пространственно-временных ограничений) практически не используются. Зато такая особенность Интернета, как анонимность, весьма бурно эксплуатируется мастерами политических провокаций и специалистами по «черному пиару».

С приходом к власти команды В. Путина присутствие государства (государственных органов) в Рунете растет взрывообразно. Если до 2000 г. государство в Политрунете «догоняло» общество (напомним, что независимые политические проекты «старше» серверов исполнительной власти), то в последние полтора года власть перехватила инициативу. С принятием программы «Электронная Россия», рассчитанной на 2002—2010 гг., государство получит финансовую возможность отстроить и поддерживать интегрированный портал органов власти (по типу существующего в США) [9]. Последствия этого в основном благотворные. Увеличится прозрачность и открытость власти, возникнет еще один канал для диалога с гражданами. В то же время, естественно, неизбежно увеличатся возможности для манипулирования информацией.

Другая текущая тенденция — это монополизация политического Рунета. Задача, насколько можно судить, состоит в огосударст-

влении политического Интернета и приведении его к той модели, которая сложилась в результате изменения ситуации на общенациональном телевидении (вытеснение Б. Березовского с ОРТ и В. Гусинского с НТВ, попытки ликвидации ТВ-6). Инструментом, претендующим на выполнение этой задачи, его идеологом и мотором является ФЭП, конкретно — Г. Павловский и М. Литвинович (см. манифест на Стране.ру [6]). Физическое воплощение — Страна.ру и ее региональные клоны, имеющие несопоставимый с конкурентами бюджет и привилегированный доступ к источникам. Задачу вытеснения конкурентов облегчает тот факт, что исторически подавляющее большинство значительных политических сайтов русского Интернета созданы, а большинство из них до сих пор управляется ФЭП. С другой стороны, природа Интернета как медиума (относительно невысокая стоимость проектов, специфическая аудитория, возможность быстро перестраивать проекты, принципиальная невозможность осуществлять цензуру и т. п.) такова, что государство в принципе не сможет стать единственным игроком на информационно-политическом поле и оппозиционные точки зрения всегда будут представлены.

Сегодня главным оппозиционером Рунета является Б. Березовский (grani.ru, kolokol.org). Продолжают существовать политресурсы В. Гусинского (в первую очередь сетевая версия «Эха Москвы» и inopressa.ru). Свои политические проекты есть у неполитических сетевых гигантов — Гарант-парка (deadline.ru) и «Росбизнесконсалтинга» (utro.ru), сохраняет влияние старейший политический ресурс Полит.ру. Создание мощного оппозиционного пула в ближайшее время маловероятно, но политический плюрализм в Рунете сохранится.

В данный момент политический Рунет находится в спячке, поскольку интерес к текущей политике невелик. Правда, в статистических отчетах о сфере интересов российских интернетчиков политика (точнее, политические новости) занимает высокое место в сравнении с Америкой, а во время избирательных кампаний — даже второе после анекдотов. Тем не менее в условиях равнодушия к тематике со стороны аудитории единственный агент, который может себе позволить вкладывать существенные средства в развитие политресурсов, — это государство. Кризис инвестиций в Рунете также не способствует расцвету политических сайтов. Наблюдается и кризис идей. Мода на строительство порталов прошла, но на смену ей не пришло ничего принципиально нового.

С учетом того, что Рунет — небольшой мирок, а политический сегмент — это небольшая часть Интернета, следует признать, что приход нового сильного игрока способен перевернуть ситуацию. Представим себе, что одна из крупных корпораций (ЮКОС, «Русский алюминий») решает создать политический холдинг в Рунете. Этого вполне достаточно, чтобы резко изменить всю конфигурацию сектора. Правда, как показывает опыт Обозрения.ру или Страны.ру, одних денег недостаточно — нужны еще и инновации.

Логика наблюдателя политического процесса подсказывает, что очередного оживления в политическом Рунете можно ждать не раньше следующих «больших» выборов (вариант — наступление очередного дефолта). Поскольку следующий выборный цикл начинается в декабре 2003 г., то «раскрутка» новых крупных проектов будет происходить, вероятно, не ранее осени 2003 г. Строительство новых (относительно массовых и имеющих разветвленную сеть региональных организаций) политических партий тоже может подтолкнуть развитие — при условии, что в партийных аппаратах окажутся люди, способные оценить эффективность использования Интернета. Сейчас даже такие «технологически продвинутые» партии, как СПС и «Яблоко», воспринимают интернет-сайт как аналог стенгазеты или библиотеки.

Нужно заметить, с другой стороны, что развитие Политрунета синхронизировано не только с развитием «невиртуального» политического процесса, но и с развитием Рунета как такового. Считается, что критический порог интернетизации составляет примерно 20% активного населения. Соответственно для России это 15—20 млн человек. Речь идет не о тех, кто когда-либо был в Сети (таких Мониторинг.ру уже сейчас насчитывает до 19 млн человек), а о так называемом «ядре» пользователей. Как только этот порог достигается, происходит взрыв инвестиций, который благотворно отражается на всех сегментах рынка. Если исходить из этих весьма грубых предположений, следующий качественный скачок в развитии русского политического Интернета находится от нас на расстоянии двух-трех лет.

Источники

1. Горный Е. Летопись русского Интернета: 1990—1999 (http://www.zhurnal.ru/staff/gornyy/texts/ru_let).
2. Зотов А. Встреча Путина с представителями Рунета (<http://www.rocit.ru/public/index.php3?path=putin>).
3. Интернет для журналиста. — М.: Изд. дом «Галерея», 2001.
4. Книга рекордов Н.Ж.М.Д. (<http://www.tema.ru/rrr/first>).
5. Левкин А. Elections99 и другие99 (<http://www.smi.ru/net/1999-12-27-1.html>).
6. Манифест нового Медиа — Страны.RU (<http://www.strana.ru/special/ideology/2000/09/28/970131900.html>).
7. Проект положения «О порядке выделения и использования доменных имен в российском сегменте сети «Интернет» (<http://lenta.ru/internet/1999/12/28/domains/proect.htm>).
8. Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (<http://www.cityline.ru/politika/media/zpsmi1.html>).
9. Проект федеральной целевой программы «Электронная Россия» (<http://www.economy.gov.ru/erus.html>).

Информационные технологии и совершенствование социальных институтов

Артём Шадрин

Традиционно с момента возникновения в конце 60-х — начале 70-х годов этого понятия ¹ информационное общество рассматривалось как футурологическая концепция, описывающая «будущее» общество, наделявшая его во многом утопическими чертами — постепенной заменой рутинного труда творческим, ведущей ролью знания, гуманизацией государства.

В работах И. Масуды, Э. Тоффлера, Д. Белла информационное общество практически синонимично постиндустриальному обществу ². При этом в качестве фактора, определяющего направление общественной трансформации, еще в конце 70-х — начале 80-х годов большое значение придавалось «конвергенции электронно-вычислительной техники с техникой средств связи», т. е. фактически еще не изобретенному в то время Интернету.

С учетом тенденций опережающего развития четвертичного сектора экономики, связанного с производством, распространением и передачей информации, делались выводы об изменении структуры экономического производства. Сокращение издержек электронных коммуникаций позволяло прогнозировать развитие новых форм занятости и политической активности, а также изменения в сфере средств массовой информации и досуга.

С массовым распространением технологий электронной почты, а затем и Интернета прогнозы, носящие несколько отвлеченный, «футурологический» характер, перешли в плоскость предельно практического приложе-

ния — на уровень политического и экономического планирования и программирования.

Идея справедливого, гуманного и свободного «информационного общества», естественно, дала название многочисленным правительственным программам информатизации и развития социально-экономических приложений интернет-технологий. Качественный характер изменений, связанных с массовым внедрением новых информационных технологий, их влиянием на социальную структуру общества, по-видимому, действительно позволяет оправдать такое наименование ³.

Программы информатизации

Государственные органы ведущих стран заняли чрезвычайно активную позицию в деле формирования информационного общества. На сегодня все ведущие страны мира сформулировали свою политику и стратегию его построения и развития.

Так, принятый в 1993 г. «План действий администрации США в области Национальной информационной инфраструктуры» (The National Information Infrastructure: Agenda for action) стал наиболее важной инициативой администрации Б. Клинтона — А. Гора. В июле 1994 г. комиссией Европейского сообщества был принят план действий «Европейский путь в информационное общество» (Europe's Way to the Information Society. An action plan) ⁴. В 1995 г. Финляндия разработала свою программу «Финский путь в информационное общество» (Finland's Way to the Information Society. The national strategy), в феврале 1996 г. в правительство ФРГ была представлена программа действий «Путь Германии в информационное общество» («Deutschlands Weg in die Informationsgesellschaft») ⁵.

В течение 90-х годов аналогичные программы были приняты большинством наиболее развитых государств, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и целым рядом развивающихся стран. К 2002 г. во многих государствах действовало уже второе или даже третье поколение подобных программ: после реализации первоначальных задач в области построения информационного общества в повестку дня ставились новые, более амбициозные.

Так, в 1999 г. был принят «Стратегический план Национальной администрации по телекоммуникации и информации США» ⁶, в 2000 г. — очередная масштабная программа Европейского сообщества «eEurope» ⁷, и процесс информатизации стал составным эле-

ментом всех стратегических программ развития систем образования, здравоохранения, транспорта, инновационного сектора экономики, модернизации государственного управления, структурной политики государства в области экономики.

Был создан ряд международных организаций, призванных содействовать построению информационного общества: Information Society Forum⁸, European Survey of the Information Society (ESIS)⁹, UNESCO Observatory of the Information Society¹⁰, The Digital Opportunity Task Force (DOT Force)¹¹ и др. В июне 2000 г. на встрече «большой восьмерки» была принята Окинавская хартия глобального информационного общества, закрепившая на высоком политическом уровне приоритет развития социально-экономических, политических и культурных приложений информационных технологий¹². Из Окинавской декларации информационного общества: «Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы *информационные технологии* служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, международного мира и стабильности».

В России до сих пор не принято «официальной» программы информационного общества, хотя существует сформулированная в 1999 г. «Концепция формирования информационного общества в России»¹³, носящая достаточно декларативный характер. В 2002 г. правительством была утверждена федеральная целевая программа «Электронная Россия», ставящая своей задачей реализацию ряда предметных проектов по информатизации страны¹⁴: «Целью программы является создание условий для развития демократии, повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения и массового распространения информационных и коммуникационных технологий, обеспечения прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, расширения подготовки специалистов по информационным и коммуникационным технологиям и квалифицированных пользователей».

Не претендуя на полный охват всей проблематики информационного общества, программа должна обеспечить реализацию при-

оритетных направлений: формирование системы пунктов общественного доступа к Интернету, подключение к информационным сетям органов государственного управления и организаций бюджетного сектора, подготовку специалистов в области информационных и коммуникационных технологий, совершенствование законодательства, создание механизмов, обеспечивающих координацию и эффективность всех бюджетных программ в области информатизации, и др. Предполагается, что результатом реализации «Электронной России» станет формирование инфраструктуры, обеспечивающей эффективность целого комплекса смежных отраслевых и территориальных программ в сфере информатизации.

В этой связи все более актуальным становится вопрос: что действительно нового могут принести информационные технологии? Что должны сделать государство и общественные организации, чтобы интуитивно ощущаемые перспективы использования информационных технологий не были выхолены, не ограничились простой установкой компьютерной техники и подключением к информационным сетям и тривиальным «освоением» выделенных средств?

На наш взгляд, можно выделить два принципиальных направления анализа влияния информационных технологий: влияние на личность и влияние на социальные институты, организации, рынки, социальные сети, связанное в первую очередь с изменениями системы коммуникаций.

Личностный аспект

Для описания возможностей качественного и количественного воздействия информационных технологий на личностном уровне перспективным представляется использование методологии современной теории «человеческого капитала», рассматриваемого как совокупность производственных возможностей работников и формируемого путем инвестиций (долгосрочных вложений капитала) в человека, его здоровье и, в первую очередь, образование.

Вклад информационных технологий в развитие системы образования и воспитания

Современные теории эндогенного экономического роста¹⁵ отмечают высокий, более того, растущий вклад развития системы образования в увеличение объемов производства товаров и услуг в

постиндустриальной экономике¹⁶. Главным результатом экономической отдачи образования в теории человеческого капитала, вошедшей в «мейнстрим» экономической науки, считается прирост дохода (заработной платы) работника благодаря повышению его образовательного и профессионального уровня¹⁷.

«Денежный доход от образования» выявляется как разность в пожизненных заработках тех, кто имеет разный уровень образования. При этом величина накопленного человеческого капитала может быть определена как сумма прямых издержек на образование и «недополученного дохода» человека в период, когда он учился, а не работал¹⁸. Очевидно, что такой подход к расчету объема человеческого капитала — *по затратам* — не учитывает *эффективности* обучения, однако само по себе признание инвестиционного характера расходов на образование является ключевым¹⁹.

Существует и другой подход к определению человеческого капитала, который описывается не через издержки, а через реально существующий запас знаний, способностей и, что представляется особенно важным, *мотиваций* человека²⁰.

Использование информационных технологий наряду с количественным эффектом снижения издержек на тиражирование образовательных программ (а значит, и с существенным подъемом минимального стандарта образования) в результате развития института дистанционного образования способствует многократному ускорению процесса разработки и внедрения инноваций в образовательные (и воспитательные) программы, а следовательно, росту их эффективности²¹.

С учетом крайне низких предельных издержек распространения информации рост эффективности образовательной системы способен стать важнейшим элементом «догоняющей» стратегии постиндустриальной модернизации развивающихся и среднеразвитых стран²², направленной на построение инновационно ориентированной модели экономики, получившей название «экономики, базирующейся на знаниях» (knowledge-based economy)²³.

Крайне интересным как с точки зрения перспектив экономического роста, так и решения более фундаментальных проблем развития общества представляется использование информационных технологий с целью повышения качества воспитания, которое можно интерпретировать как рост эндогенной, внутренней мотивации человека к общественно-полезной творческой и производительной

деятельности, инструментом которой является эффективная педагогика²⁴.

В частности, перспективной представляется активизация в рамках системы школьного и внешкольного образования эффективной педагогической и воспитательной функции, например, с использованием опыта психологических групп²⁵, способной активизировать мотивационную структуру личности²⁶.

В настоящее время роль мотивации в экономическом процессе обычно анализируется путем изучения эффективности системы организационного управления. Поскольку эволюция теории и практики внутрифирменного менеджмента — крайне важный элемент экономического роста²⁷, представляется приоритетной необходимостью качественного развития системы воспитания как с прагматической точки зрения ускорения экономического роста и снижения издержек асоциального поведения (преступности, наркомании и др.), так и прежде всего с учетом надэкономических, общегуманистических приоритетов. Развитие ИКТ, ни в коем случае не предопределяя совершенствование системы воспитания, тем не менее уже предоставляет возможность использовать такие эффективнейшие инструменты коммуникации, как стандартные технологии тематических интернет-порталов, веб-форумов и списков рассылки, для ускорения информационного взаимообмена, синтеза и распространения инновационных педагогических практик. Резюмируя, можно представить воздействие информационных технологий на рост человеческого капитала в виде следующих приоритетов:

рост соотношения цена — качество услуг образования за счет использования технологий дистанционного образования;

формирование на базе дистанционного образования системы непрерывного послевузовского образования²⁸;

повышение эффективности воспитательных элементов образования, способствующих развитию позитивных мотиваций человека.

Вклад информационных технологий в расширение когнитивных способностей человека

Современной институциональной экономической теорией достаточно подробно изучена роль издержек на получение информации в качестве фактора недостаточной эффективности работы экономических рынков²⁹. Современные технологии электронной торговли в полном соответствии с экономической теорией

обеспечивают рост эффективности экономических рынков за счет минимизации издержек потребителей на информацию о ценовых и качественных характеристиках интересующих их товаров.

Более того, за счет расширения инструментов поиска несистематизированной информации (сайты интернет-поиска и интернет-каталоги), принципиального упрощения доступа к персонализированной экспертной информации (нюс-группы, веб-форумы) обеспечивается упрощение доступа людей к информации о различных *возможностях*: вакансиях, предложениях о сотрудничестве, участии в различного рода организациях, которые раньше распространялись преимущественно по непубличным, неформальным каналам, что дополнительно ограничивало социальную мобильность и усиливало степень социальной дифференциации. Таким образом, информационные технологии вносят прямой вклад в повышение качества жизни человека.

Методология измерения качества, которую разработали американские ученые А. Сен и М. Нуссбаум, основывается на двух базисных понятиях: возможность (*capability*) и функционирование (*functioning*). Вектор функционирования — это то, чего человеку удается достичь в обществе (образование, доход, здоровье, виды досуга), а возможность — это множество альтернативных векторов функционирований, из которых индивид может производить выбор. Последний индикатор отражает свободу выбора, которой обладает человек. Оба индикатора в совокупности определяют качество жизни в стране и могут являться критериями развития социального рыночного хозяйства³⁰.

Представляется очевидным, что вектор возможностей зависит не только от материального благосостояния, но и от интеллектуального и психологического потенциала каждого человека, его способности осознать, оценить, взвесить все богатство имеющихся перед ним альтернатив, и здесь Интернет позволяет осуществить качественный прорыв.

Таким образом, благодаря открываемому Интернетом упрощению доступа к информации, установлению новых контактов (нюс-группы, веб-форумы), появлению возможностей включения и восприятия подходов различных субкультур человеку удастся значительно расширить перечень воспринимаемых альтернатив (и более того — значительно расширить выбор стратегий оценки имеющихся альтернатив), расширить поле возможностей собственной идентичности и самопрезентации, что позволяет в максимальной степе-

ни вырваться из-под пресса статусных, возрастных и прочих барьеров и ограничений³¹. Этот эффект хорошо соотносится с современными постмодернистскими теориями³².

Содействие реализации основных психологических потребностей человека

В настоящее время исследователи подтверждают переход граждан современных развитых государств к постиндустриальной, точнее, постэкономической³³ системе ценностей, которая может быть представлена как сдвиг вверх в иерархии потребностей по А. Маслоу³⁴: рост значимости потребностей в принадлежности, признании и самоактуализации по мере удовлетворения первичных материальных потребностей. Этот фактор проявляется не только в росте объемов неоплачиваемой или частично оплачиваемой «волонтерской» деятельности в негосударственных некоммерческих организациях, но даже в таком коммерциализированном секторе экономики, как производство программного обеспечения³⁵.

Долгосрочная тенденция перехода к постэкономической системе ценностей позволяет говорить о перспективах повышения значимости Интернета в качестве инструмента установления эффективной коммуникации: во-первых, в качестве удобной среды как профессионального, так и неформального общения (потребность в принадлежности и признании), во-вторых, как образовательной среды и среды проявления общественной и социальной активности (потребность в самоактуализации). В обоих качествах Интернет проявляет себя как уникальное по эффективности средство и среда коммуникации.

Перечисленными направлениями (образование, познание, реализация психологических потребностей) воздействие новых информационных технологий на сознание человека не исчерпывается, однако именно они представляются наиболее значимыми для оценки перспектив общественной трансформации³⁶.

Непосредственное воздействие новых информационных технологий на сознание человека проявляется в первую очередь в значительном расширении его когнитивных и коммуникативных возможностей, создании новых возможностей для роста образования и самообразования, ускорения процессов самоактуализации и личностного роста. В экономическом смысле это воздействие можно интерпретировать как фактор ускоренного роста «че-

ловческого капитала», а в психологическом и философском — как фактор, создающий новые возможности для саморазвития личности, повышения объективности воспринимаемой человеком картины мира.

Социальный аспект

Развитие новых информационных технологий и прежде всего Интернета приводит к росту «плотности» межличностных и межгрупповых коммуникаций, но что еще более важно — создает возможность изменения направлений потока этих коммуникаций, способного тем самым реально трансформировать социальную структуру общества. Подтверждением этого тезиса является плодотворность подходов современной социологической теории, рассматривающей общество как структуру, воспроизводящую себя через непрерывно возобновляемые коммуникации ³⁷.

Для анализа социальных последствий распространения современных информационных технологий эффективным представляется использование современных экономических и социологических теорий «социального капитала»³⁸, определяемого как «особенности социальной организации, такие, как доверие, социальные нормы, и сети, которые повышают эффективность общества через облегчение координации действий»³⁹. Близка к этому определению социального капитала, сформулированному Р. Патнэмом, и дефиниция Ф. Фукуямы, определившего социальный капитал как «подтвержденные неформальные нормы, которые способствуют сотрудничеству между двумя или большим числом индивидумов».

Анализ воздействий накопления социального капитала на общество традиционно проводится по двум направлениям. С одной стороны, акцент может делаться на влияние социального капитала на эффективность «коллективного действия», т. е. повышение эффективности выработки решений в области производства и распределения общественных благ ⁴⁰. Так, в соответствии с определением М. Вулкока социальный капитал может рассматриваться по четырем основным показателям:

- степени развития горизонтальных ассоциаций;
- характеру социальных связей в пределах объединений;
- характеру взаимодействия между гражданским обществом и государством;
- качеству управления государственных учреждений ⁴¹.

С другой стороны, социальный капитал может рассматриваться с позиций повышения эффективности *деятельности отдельных лиц* (например, рост прибыли отдельного предпринимателя от установления коммуникации, предусматривающий высокий уровень доверия между контрагентами, вне связи с коллективными благами)⁴².

Таким образом, социальный капитал составляет культурный компонент современных обществ, который в различных формах накапливался начиная с эпохи Просвещения благодаря учреждению институтов, установлению норм и принятию законов. Социальный капитал рассматривается как важный фактор эффективного функционирования современной экономики и условие стабильности либеральной демократии, а его построение, таким образом, становится задачей «второго поколения» социально-экономических реформ.

Был предложен ряд подходов для количественного анализа социального капитала. Р. Патнэм предложил измерять социальный капитал путем подсчета и суммирования групп в гражданском обществе, используя величину, которая изменяется во времени и характеризует членство в спортивных клубах, лигах, литературных обществах, политических клубах и т. п. Учитывая, что каждая группа характеризуется различным уровнем «внутреннего единства и коллективного действия», возникает необходимость в добавлении некоторого качественного коэффициента, позволяющего обеспечить «меру единства» и внутренние связи групп.

Ф. Фукуяма⁴³ рассматривал различные проявления социального капитала через призму концепции, известной как «радиус доверия». Ф. Фукуяма разделяет все группы, воплощающие социальный капитал, в соответствии с некоторым радиусом доверия, т. е. кругом людей, среди которых действуют совместные (кооперативные) нормы. Если социальный капитал группы производит «положительное впечатление» на окружающую среду, то радиус доверия может быть больше, чем сама группа. Возможно также, что радиус доверия будет меньше, чем членство в группе, как это происходит в больших организациях, которые способствуют выполнению совместных (кооперативных) норм только среди лидеров группы или постоянного штата. «Радиусы доверия могут присутствовать начиная от отношений между друзьями до неправительственных организаций и религиозных групп»⁴⁴.

При изучении возможных направлений воздействия на социальный капитал современных технологий нами были выделены четыре ключевых направления:

расширение социальных возможностей личности по установлению и поддержанию коммуникаций;

упрощение формирования новых организаций и трансформация общества за счет роста их количества и масштабов в тех или иных секторах экономики и социальной жизни;

трансформация действующих организаций, связанная с расширением горизонтальной, сетевой системы коммуникации в противовес коммуникации иерархичной;

распространение сетевой формы организации, альтернативной как фирме, так и рынку.

*Расширение возможностей социальной
коммуникации личности*

При исследовании социальных возможностей, открывающихся в связи с распространением интернет-технологий, эффективным является использование подходов анализа социальных сетей (social network analysis), активно развивающегося направления современной социологии.

Сеть социальных взаимодействий состоит из социальных акторов и взаимосвязей между ними. Она может быть проанализирована различными методами теории графов, теории информации, математической статистики. В отличие от классических методов анализа, которые исследуют индивидуальные свойства объектов, основная цель анализа сетей — исследование взаимодействий между социальными объектами (акторами) и выявление условий возникновения этих взаимодействий⁴⁵.

Впервые концепция социальной сети была введена в научный оборот как аналитическое понятие в 1954 г. Д. Барнесом⁴⁶. В своей работе он характеризует социальную сеть следующим образом: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья, в свою очередь, имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом»⁴⁷.

Необходимость измерения насыщенности сети связями привела к разработке К. Митчелом и Д. Барнесом понятия «плотности» (density). Плотность сети определяется соотношением всех возможных

прямых связей и фактически существующих, т. е. показывает, в какой мере люди, связанные с неким лицом *A*, поддерживают контакты между собой.

Развитие интернет-технологий значительно расширяет за счет снижения издержек и изменения характера коммуникаций зону контактов практически каждого пользователя, тем самым повышая его «личный» социальный капитал. Такие технологии, как ньюс-группы, веб-форумы, чаты, уже сейчас эффективно обеспечивают стремительное повышение плотности связей там, где ранее наблюдался дефицит каналов коммуникации, — в некоммерческих, досуговых, спортивных организациях. С другой стороны, новые информационные технологии до минимума снижают «порог входа» для установления новых коммуникаций, расширения числа друзей и знакомых, эффективно способствуя преодолению эффекта отчужденности, характерного для современных урбанизированных городов.

Распространение «отраслевых» интернет-ресурсов способствует также расширению неформальных контактов, значимым следствием которого становится более демократичная процедура распространения информации о вакансиях, не попадающей обычно на открытый рынок рабочей силы.

Формирование новых организаций

Снижение издержек формирования новых организаций, связанное с распространением Интернета и накоплением опыта работы с ним, станет фактором наращивания числа новых некоммерческих организаций. Вместе с тем очевидно, что целенаправленными усилиями этот процесс может быть ускорен, например, за счет оказания соответствующих консультационных услуг⁴⁸. Это позволит эффективно влиять на формирование новых организаций с заранее заданными свойствами, увеличивая социальный капитал общества.

Интернет, позволяя через удешевление коммуникаций принципиально упростить процесс формирования организаций самых разнообразных масштабов и направленности, максимально децентрализует возможности социального проектирования. Наиболее очевидные инструменты социального проектирования — интернет-сайты и интернет-форумы, позволяющие проектировать социальные сообщества с практически любыми заданными характеристиками (образовательными, возрастными, профессиональными и т. д.).

Создание интернет-ресурсов часто носит коммерческий характер, предположительно окупаясь за счет размещаемой на сайтах баннерной или иной рекламы. При этом формирование устойчивых сообществ пользователей («комьюнити») вокруг тематически четко очерченного сайта получило наибольшее развитие в сфере маркетинга (идеальная сегментация рынка)⁴⁹.

Однако не меньший интерес представляет формирование «комьюнити» вокруг некоммерческих ресурсов — научных, образовательных, политических, правозащитных, досуговых. Фактически они уже стали ядрами кристаллизации и развития реально работающих институтов гражданского общества. Создание интернет-ресурсов оказывается значительно более эффективным инструментом формирования географически распределенных организаций по сравнению с традиционными СМИ: минимальные издержки на создание и поддержку, а также на рекламу при максимальной обратной связи⁵⁰.

В политическом аспекте снижение издержек формирования и поддержания деятельности новых организаций фактически снижает издержки участия в политической деятельности, упрощая создание «групп политического действия» и увеличивая их число, а также демократизируя участие в лоббистской деятельности (политическом процессе) для самых широких кругов избирателей⁵¹.

Трансформация организаций

В отличие от большинства рынков, где существующая конкуренция обеспечивает выживание наиболее эффективных фирм, для организаций, которые действуют в монополистическом секторе или, скажем, в сфере государственного управления, такие стимулы отсутствуют. Поэтому если большинство фирм рыночного сектора вынуждено воспринимать наиболее эффективные модели и методы менеджмента, то для организаций, лишенных конкурентного давления, таких стимулов может и не быть.

Как показывают экономические исследования, резерв организационных инноваций в качестве источника повышения эффективности предприятий высок. В соответствии с расчетами эффект преодоления «Х-неэффективности» (потери от неиспользования резервов повышения эффективности менеджмента) оказывается очень значительным, существенно превышая, например, потери от протекционистской тарифной политики, проводимой на макроуровне⁵².

В настоящее время именно рост эффективности факторов, связанных с повышением эффективности управления (мотивационных и коммуникационных), оказывается одним из основных рычагов продолжающегося роста производительности труда, который не может быть объяснен исключительно технологическими нововведениями, связанными с материальным производством, что, в частности, косвенно отражается в высокой рыночной капитализации современных предприятий в странах ОЭСР, значительно превышающей стоимость их материальных активов.

За счет обеспечиваемой корпоративными информационными системами гибкости коммуникационных контактов создаются предпосылки для максимально полного использования возможностей, навыков, знаний, контактов, информации сотрудников, во многом берущих на себя функции «предпринимателей-инноваторов». В связи с этим удастся значительно повысить конкурентные преимущества фирм. Фактически речь идет об очередном этапе эволюционной перестройки «базовой» модели корпоративного менеджмента⁵³.

В этой связи целесообразно изучить опыт наиболее передовых изменений в менеджменте, связанный с использованием информационных технологий, таких, например, как технологии управления знаниями (knowledge management). Целенаправленное внедрение этих изменений в неконкурентный сектор экономики и госуправление находит отражение в проводимых реформах государственной службы и административных реформах большинства развитых стран.

Информатизация органов власти — один из основных элементов реформы госуправления, проводимой в 80—90-х годах и начале XXI в. в большинстве развитых стран и стран с переходной экономикой⁵⁴.

Основная цель осуществляемых административных реформ — повысить эффективность государственного аппарата до уровня коммерческих фирм, обеспечив переход *от государственного администрирования к государственному менеджменту*⁵⁵. На первый план выходят организационная гибкость, управление инновациями, децентрализация, значительная свобода действий персонала⁵⁶. На смену традиционной бюрократической зависимости и иерархической подчиненности приходит принцип автономии и ответственности за выполнение основной миссии, возложенной на государственные структуры. Характеризуя основные направления реформы административного управления, можно выделить⁵⁷, во-первых, *повышение эффективности работы госаппарата* и предоставление на-

селению более качественных услуг, во-вторых, *налаживание многосторонних связей между государством и гражданским обществом*, привлечение населения к управлению общественными делами.

Эти задачи взаимосвязаны. Действительно, для контроля за эффективностью государственных услуг требуется обеспечение обратной связи с их пользователями — населением. При этом наиболее результативным инструментом осуществления такой связи является интерактивность — использование интернет-технологий.

Использование новых информационных технологий оказывается эффективным инструментом обеспечения прозрачности, транспарентности, а значит, и снижения стоимости государственных закупок, сокращения издержек предоставления ряда государственных услуг населению. Их применение эффективно для повышения результативности взаимодействия органов государственного управления как между собой (система электронного документооборота, интранет), так и с частными фирмами и общественными организациями⁵⁸.

В настоящее время внедрение этих технологий по-прежнему сдерживается проблемой стимулов — недостаточной заинтересованностью органов управления в их использовании. Подобно тому, как несовершенство административной системы управления тормозит экономический рост, так и вызванный этим несовершенством дефицит стимулов к использованию информационных технологий увеличивает «цифровой разрыв».

Бессмысленно рассматривать широкое внедрение элементов «электронного правительства» без учета пакета административных реформ и реформы государственной службы, столь же неэффективно планировать реализацию таких реформ без учета подтвержденных зарубежной практикой широких возможностей современных информационных технологий. С другой стороны, только в общем контексте проблемы модернизации системы государственного управления и следует рассматривать перспективы реализации концепции «электронного правительства» — «*e-government*»⁵⁹ в современных условиях.

Сетевые организации

Эффективность и сама возможность активной совместной деятельности между членами интернет-комьюнити зависит от уровня доверия между участниками сети, от этого же зависит в конечном счете и величина общественного социального капитала.

В этих условиях перспективным является целенаправленное конструирование специальных *сетевых организаций*, призванных обеспечить принципиально большую эффективность межличностного общения по сравнению с обычными для Интернета более или менее стихийными механизмами взаимодействия — онлайн-конференциями, чатами, списками рассылки, веб-форумами и др.

Основные характеристики сетевой (не обязательно онлайн-овой) организации можно найти в работах М. Чучкевича⁶⁰. Учитывая принципиальную важность рассмотрения структуры сетевой организации, изложим ее концепцию максимально подробно.

За основание примем следующее определение: сетевая организация — это объединение независимых индивидов, социальных групп и/или организаций, действующих скоординировано и продолжительно для достижения согласованных целей и имеющих общие корпоративный имидж и корпоративную инфраструктуру. Можно выделить пять основных характеристик сетевой организации (сети).

1. Независимость членов сети. Признаком перехода от вертикально или горизонтально интегрированной бюрократии к сетевой организации является то, что члены организации имеют степень свободы, достаточную для возможности определить приоритеты по характеру и направленности собственной деятельности и нести ответственность за конечный результат.

При этом в отличие от членов организации, действующих в рамках иерархии и несущих ответственность перед вышестоящей инстанцией за достижение результата, заданного целью, поставленной извне, в организациях сетевого типа характерен преимущественно тип ответственности «перед самим собой» за собственный успех и результат достижения самостоятельно поставленной цели.

2. Множественность лидеров. Понятие лидерства в сети не совпадает с лидерством в организациях иерархического типа. Лидер в сетевой организации — любой человек или компания, являющаяся носителем финансового, производственного, коммуникативного, экспертного или иного ресурса, актуального и важного для работы сети в данное конкретное время. Вторым необходимым условием лидерства является готовность члена сети к использованию своего ресурса для достижения общих целей сети (параллельно с реализацией собственных целей).

Такое определение в сетевой организации обеспечивает реальную множественность лидеров, отличая ее от организации иерархического типа. В организациях сетевого типа система лидерства но-

сит изменяющийся характер, что определяется изменяющимся сочетанием ресурсов, используемых сетевой организацией.

3. Объединяющая цель. В сетевых организациях объединяющая цель строится на индивидуальном интересе каждого члена сети, недостижимом вне сети. Как правило, объединяющая цель основана на заинтересованности членов сети в использовании совместных статусных, маркетинговых и информационных ресурсов. Объединяющая цель сетевой организации должна подразумевать механизм удовлетворения потребностей.

4. Добровольность связей. Принцип добровольности связей логически вытекает из принципа независимости членов сети и делает возможным гибкое изменение структуры и состава сети, быстрое изменение объема ресурсов в сети.

5. Множественность уровней взаимодействия. В сети взаимодействие возникает непосредственно по линиям актуальной потребности во взаимодействии — каждый может взаимодействовать с каждым напрямую, что обеспечивает максимальную эффективность взаимодействия в рамках сети по сравнению с административными организациями.

Функциональную идеологию сетевой организации можно охарактеризовать как конкурентное сотрудничество, позволяющее сохранять стимулы к развитию, связанные с конкуренцией между участниками сети, в сочетании с интенсификацией сотрудничества в тех направлениях, где оно взаимовыгодно.

Важными характеристиками сетевой организации являются ее гибкость по отношению к типам социальных объектов, входящим в ее состав, и возможность включать в себя конкретных людей, единичные организации, группы организаций в любых сочетаниях.

Повышенную эффективность и результативность деятельности в рамках сетевой организации обеспечивает феномен «сетевого рычага». Каждый из членов сети имеет небольшой, но качественный ресурс и предоставляет в распоряжение сети весь этот ресурс или его часть.

В результате формируется общесетевой потенциально единый ресурс, наличие которого позволяет каждому члену сети строить отношения со своим клиентом, исходя из наличия в его распоряжении всего общесетевого объема данного ресурса. Обоснованность такого подхода опирается на функциональную конвенцию, заключаемую всеми членами сети — о предоставлении своей части общественно-го ресурса в распоряжение любого из членов сети на заранее оговоренных условиях.

Предоставляя для формирования корпоративного ресурса часть личного ресурса через договоренность о порядке его использования в случае необходимости, каждый член сети получает в свое распоряжение на порядок больший объем корпоративного ресурса.

В числе основных типов ресурсных рычагов, доступных в рамках сетевых организаций, выделяются следующие.

1. Статусный рычаг. Вступая в сетевую организацию, ее участники фактически объединяют свой деловой статус (реноме, факт наличия престижных заказчиков, опыт звучных успешных проектов), что позволяет каждой фирме использовать «консолидированный» статус сети, более высокий, чем статус каждой конкретной организации. При этом «общесетевой» корпоративный статус по отношению к каждому участнику сети применим и легитимен. В результате, внося лишь небольшой посильный вклад в корпоративный статус сетевой организации, каждый из ее членов получает возможность преодолеть рыночный барьер благодаря использованию консолидированного статуса сети.

2. Информационный рычаг, построенный по той же схеме, что и статусный. Каждый член сети декларирует свои основные информационные ресурсы и источники и определяет по согласованию с другими членами сети принципы их использования в общих целях сети или в интересах конкретных членов сети. В результате информационный потенциал рядовых членов сетевой организации существенно повышается без значительных дополнительных затрат.

3. Коммуникационный рычаг, представляющий собой расширение коммуникационной инфраструктуры в техническом и географическом смысле этого слова, расширение возможностей доступа, вступления в коммуникацию с теми или иными социальными акторами.

4. Ресурсный рычаг, предполагающий объединение различных типов материальных ресурсов членов сети ради достижения совместной цели, например, формирование совместного исследовательского бюджета, проведение рекламной кампании, содержание представительств на стратегически важных территориях. Эффект экономии от масштаба деятельности позволяет даже небольшим фирмам преодолеть материальный ресурсный барьер.

Коренное отличие, которым обладают сетевые организации по сравнению с традиционными «неформальными» лоббистскими сетями, — открытость их деятельности для участия различных граждан. За счет «открытия» частных, неформальных сетей, их посте-

пенного замещения или поглощению публичными сетевыми организациями произойдет демократизация социальной структуры через возникновение доступа к неформальным сетевым контактам.

Таким образом, видятся три ключевых результата развития сетевых организаций.

Во-первых, это создание прозрачного интерфейса взаимодействия политических органов власти с общественными организациями, потребность в котором проявилась при созыве Гражданского форума 21—22 ноября 2001 г. в Москве. Сетевые организации, объединяющие экспертов различного профиля, могут стать важнейшим участником политической жизни, выступая в качестве ответственного оппонента или, точнее, дискуссанта при обсуждении правительственных инициатив в социальной и экономической сферах, сопоставимого по мощи с «материально заинтересованными» лоббистскими организациями.

Во-вторых, это демократизация рынка труда: в условиях, когда доступ к вакансиям зависит от неформальных связей, произойдет расширение поля людей, охваченных такими связями.

В-третьих, это ускоренное наращивание масштабов третьего сектора через формирование информационной инфраструктуры поиска единомышленников и коллег и развитие культуры сетевого взаимодействия.

Перспективы роста влияния и значимости сетевых некоммерческих организаций особенно возрастают в связи с наблюдаемым переходом граждан современных развитых государств к постиндустриальной, точнее постэкономической⁶¹ системе ценностей, которая представляет сдвиг вверх в иерархии потребностей по А. Маслоу. Следствием этого сдвига является рост некоммерческой социальной активности, проявляющийся в развитии волонтерских, некоммерческих организаций. Таким образом, сетевые некоммерческие организации находятся на пересечении двух социальных волн: распространения сетевой (горизонтальной, географически децентрализованной) формы деятельности и подъема третьего сектора экономики в целом.

Учитывая тенденцию интенсификации международных связей, «глобализации», мы имеем основание смело прогнозировать ускоренное развитие международных некоммерческих сетей⁶². Их развитие может стать альтернативой или дополнением к процессам международной интеграции на правительственном уровне. Например, если предположить, что в вопросах выделения средств на междуна-

родные программы содействия развитию (благотворительность) правительства демократических стран руководствуются позицией «медианного избирателя», то для более альтруистически настроенной части общества естественным будет идти к самоорганизации на неправительственном уровне ⁶³.

Сетевые организации: социальный институт информационного общества

Как было показано выше, социальная технология формирования сетевых организаций позволяет увеличить социальный капитал общества через механизм расширенного «производства доверия». Это достижение доверия обеспечивается за счет развития и укрепления сети неформальных контактов в максимально широких профессиональных, образовательных и культурных слоях общества. Накладываясь на новые технологические возможности, Интернет облегчает формирование новых коммуникационных связей. Это позволяет существенно повысить эффективность механизмов общественной самоорганизации, ускорить формирование и развитие гражданского общества. Распространение сетевой формы организации начинает играть все большую роль и в политике ⁶⁴, и в экономическом и культурном развитии.

Так, среди крупнейших сетевых организаций следует назвать «Global Development Network» и «Global Learning Network», созданные при участии Всемирного банка. В мире функционируют сотни гуманитарных исследовательских, а также культурных сетей. Сегодня только в Европе насчитывается более 150 культурных сетей, объединяющих организации, арт-менеджеров, творческие личности и коллективы, являющиеся основным ресурсом международных партнерских проектов в сфере культуры. К числу наиболее крупных относятся Европейская компьютерная сеть искусств (ECNA), Европейская сеть культурных центров (ENCC), Европейская сеть информационных центров исполнительских искусств (ENICPA) и др. ⁶⁵

Подробный анализ роли глобальных сетей содержится в исследовании Вольфганга Х. Райнике и Фрэнсиса Денга «Критический выбор: ООН, глобальные сети и будущее глобального управления» ⁶⁶. В этой книге рассматривается деятельность глобальной экологической сети (Global Environmental Facilities), глобальной антикоррупционной сетевой организации (Transparency International), инициативы по борьбе с малярией (Roll-Back Malaria Initiative), междуна-

родной кампании за запрет противопехотных мин и др. Основной вывод авторов: глобальные сети являются перспективнейшим социальным институтом, обеспечивающим взаимодействие трех секторов экономики и общества: государства, бизнеса, «некоммерческих организаций “третьего сектора”». Ведущую роль в глобальном сетевом менеджменте, по мнению В. Х. Райнике и Ф. Денга, способна сыграть ООН, которая должна сотрудничать с глобальными политическими сетями, поддерживать их создание, повышать их эффективность и способствовать участию в их деятельности государственных и негосударственных структур.

Широко известным примером устойчивых сетевых организаций подобного рода является объединяющее десятки тысяч участников из многих стран сообщество программистов «Linux». Мотивацией к участию в подобной организации наряду с альтруистическими соображениями является приращение профессиональной репутации и статуса.

Опыт функционирования крупнейшей международной некоммерческой компьютерной сети FIDO-Net, обеспечивающей бесплатный информационный обмен по меньшей мере нескольких сотен тысяч человек, показывает, что сочетание альтруистических стимулов и стимулов повышения социального престижа способно обеспечить устойчивое функционирование крупнейшего инфраструктурного некоммерческого проекта.

Успешные практические примеры реализации подобных сетевых некоммерческих проектов позволяют говорить о новом вызове — создании эффективной сети гражданских, профессиональных, научных и прочих сетевых некоммерческих организаций, ставящих своей целью реализацию столь же масштабных проектов, включающих реализацию программы институциональных изменений в социальной сфере.

Благодаря сетевому рычагу, максимально эффективно проявляющемуся в организациях с хорошо налаженной информационной инфраструктурой и устойчивыми правилами взаимодействия, институт «сетевых организаций» в ряде вопросов более эффективен как по сравнению с традиционными сетями личных связей, так и обычных онлайн-конференций и веб-форумов, не имеющих организационного статуса. Можно говорить о потребности в социальном конструировании различных институционализированных форм сетевой организации, в наибольшей степени сочетающих простоту вхождения в коммуникации, свойственную интернет-технологиям, с механизма-

ми обеспечения реализации формальных и неформальных правил сети.

Одной из ключевых задач, которые способны решать сетевые организации, является реализация процесса «управления знаниями» (knowledge management) в практике решения ключевых социально-экономических проблем, эффективное аккумулирование и распространение «рассеянной» информации о лучшем опыте в различных предметных областях, профильных для данной организации.

Формирование подобных сетевых сообществ экспертов может быть реализовано через создание в Интернете специализированных информационных ресурсов, обобщающих опыт и практику деятельности региональных и местных органов власти, учреждений бюджетной сферы, организаций «третьего сектора»⁶⁷.

Деятельность таких порталов способно обеспечить быстрый рост компетенции органов власти и различного уровня некоммерческих и общественных организаций, высокую степень эффективности взаимодействия, что не может не повлиять положительно на скорость и успешность реализации социально-экономических реформ в стране. Наряду с общим ускорением процесса распространения инноваций тематические интернет-порталы и созданные на их базе сетевые организации экспертов способны стать важнейшим фактором повышения эффективности механизмов выработки и принятия решений органами власти за счет снижения издержек доступа политиков и избирателей к хорошо структурированной и актуальной экспертной информации⁶⁸.

Заключение

Неологизм «информационное общество», в последнее время часто рассматриваемый как рекламный слоган продвигающих свою продукцию компаний — производителей компьютерной техники и программного обеспечения, на самом деле несет значительно большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Обычно под ним подразумевают более демократичное, свободное, образованное и справедливое постиндустриальное общество, в котором информационные технологии рассматриваются в качестве вспомогательного высокоэффективного инструмента. Однако возможности новых информационных технологий будут реализованы не сами по себе, а при осознанном желании и воле трансформировать политическую, экономическую и образовательную системы.

Теории человеческого и социального капитала позволяют достаточно четко определить выбор областей, которым должно быть уделено особенно пристальное внимание с точки зрения поиска наиболее эффективных форм использования информационных технологий. Во-первых, необходимо максимально активно использовать потенциал ИКТ в модернизации образовательной системы и формировании эффективных институтов школьного и внешкольного воспитания. Во-вторых, требуется обеспечить увеличение числа и масштабов деятельности организаций третьего сектора экономики, а также реформирование системы управления в действующих организациях бизнеса и государственной службы (административная реформа), также связанных с активным использованием ИКТ.

Примечания

- ¹ *Алексеева И.* Возникновение идеологии информационного общества (<http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>).
- ² *Тоффлер Э.* Шок Будущего. — М., 2001; *Он же.* Третья Волна. — М., 1999; *Он же.* Метаморфозы власти. — М., 2001; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. — М., 1999.
- ³ *Шадрин А.* Трансформация экономических и социально-политических институтов и переход к информационному обществу // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия / Моск. обществ. науч. фонд. — М., 2000. — С. 110—134 (<http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/artem1.htm>).
- ⁴ *Мелюхин И.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. — М., 1999.
- ⁵ Подробнейший анализ программ развития информационного общества в странах ЕС содержится в исследовании «Public Strategies for the Information Society in the Member States of the European Union» (<http://europa.eu.int/ISPO/esis/default.htm>).
- ⁶ The National Telecommunications and Information Administration: Strategic Plan 1999—2004 (<http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/ty1999/strategicplan1999.html>).
- ⁷ http://europa.eu.int/information_society/eeurope/index_en.htm.
- ⁸ <http://europa.eu.int/ISPO/policy/isf>.
- ⁹ http://europa.eu.int/ISPO/intcoop/i_esis.html.
- ¹⁰ <http://www.unesco.org/webworld/observatory/index.shtml>.
- ¹¹ <http://www.dotforce.org>.
- ¹² <http://www.iis.ru/events/okinawa/charter.ru.html>.
- ¹³ <http://www.iis.ru/library/riss/riss.ru.html>.
- ¹⁴ <http://www.hse.ru/~erussia/default.htm>.
- ¹⁵ См.: *Lucas R.* On the mechanics of economic development // J. of Monetary Economics. — 1988. — 22; *Romer P.* Endogenous technological change // J. of Po-

- litical Economy. — 1990. — 98 (5). — P. 2. — P. 71—102; *Aghion P., Howitt P.* Endogenous Growth Theory. — Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1998.
- 16 *Bassanini A., Scarpetta St.* Does human capital matter for growth in OECD countries? Evidence from pooled mean-group estimates. — Economics Department Working Paper 282. OECD, 2001 (<http://www.oecd.org/EN/longabstract/0,,EN-longabstract-670-nodirectorate-no-10-1295-33,00.html>).
- 17 *Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // *Мировая экономика и междуна. отношения.* — 2001. — № 12. — С. 42—49.
- 18 В частности, именно проблема невозможности компенсировать «упущенный доход» в период получения образования является одной из ключевых причин торможения развития развивающихся стран.
- 19 Ведущим разработчиком теории человеческого капитала стал нобелевский лауреат 1992 г. Г. Беккер. См., например: *Беккер Г.* Человеческий капитал (главы из книги) // *США: экономика, политика, идеология.* — 1993. — № 11—12.
- 20 *Капелюшников Р. и др.* Человеческий капитал России: проблемы реабилитации // *Общество и экономика.* — 1993. — № 9—10. — С. 4.
- 21 *Полат Е.* Основные тенденции развития систем образования в мире (http://www.evarussia.ru/eva2001/russian/sod_116.html).
- 22 *Мау В.* России еще только предстоит выработать стратегию постиндустриального прорыва (<http://www.iet.ru/personal/mau/ved-2.htm>).
- 23 *The Knowledge-based Economy.* — S. l.: OECD, 1996; *Korea and the Knowledge-based Economy Making the Transition.* — S. l.: World Bank, 2000.
- 24 «И, конечно, радикальнее всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни есть, и не силясь перерасти себя» (*Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М.: Весь мир, 1997. — С. 46).
- 25 *Рудестам К.* Групповая психотерапия: Психокоррекционные группы: теория и практика. — М., 2001.
- 26 *Ланцберг В.* Педагогическая мифология (http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20020326.html).
- 27 *Annual Report 2001.* — Paris: OECD, 2001. — S. 27 (<http://www1.oecd.org/subject/mcm/2001/products/0101011e.pdf>).
- 28 Эффективность системы послевузовского образования с точки зрения воздействия на рост «человеческого капитала» проанализирована в работах: *Investment in Human Capital through Post-compulsory Education and Training* // *OECD Economic Outlook No. 70* (<http://www.oecd.org/EN/documents/0,,EN-documents-670-nodirectorate-no-4-no-4,00.html>).
- 29 См., например, классическую работу в этой области: *Стиглер Дж.* Экономическая теория информации // *Теория фирмы.* — СПб., 1995.
- 30 Сходство данной методологии с некоторыми принципами, изложенными Аристотелем в «Никомаховой этике», позволило назвать общество, развивающееся на базе указанных индикаторов, аристотелевой социальной демократией (см.: *Nussbaum M.* Aristotelian Social Democracy // *Liberalism and the Good* /

- R. B. Douglass et al., eds. — New York: Routledge, S. a.; *Sen A.* Well-being, Agency, and Freedom: the Dewey Lectures 1984 // J. of Philosophy. — 1985. — 82; *Idem.* Commodities and Capabilities. — Amsterdam: North Holland, 1985; The Quality of Life / M. Nussbaum and A. Sen, eds. — Oxford: Clarendon, 1995. На русском языке см.: *Нестеренко А. и др.* Концептуальные основы и исторический опыт развития социального рыночного хозяйства. — М., 1998).
- 31 *Белинская Е., Тихомандрицкая О.* Социальная психология личности. — М., 2001. — С. 260—274.
- 32 См., например: *Иванов Д.* Виртуализация общества (<http://m16.medport.ru/USSR/chapters/society.htm>); *Емелин В.* Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: Автореф. дис... канд. филос. наук (http://www.geocities.com/emelin_vadim/abstract.htm).
- 33 *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. — М., 1998 (<http://www.postindustrial.ru/titles.shtml?book=1>).
- 34 *Маслоу А.* Мотивация и личность. — СПб., 1999. Также см.: *Фейдимен Дж., Фрейгер Р.* Абрахам Маслоу и психология самоактуализации (<http://psychology.net.ru/articles/Maslow.shtml>).
- 35 *Росс Э.* Куда ведет «Кремниевая аллея» (<http://www.ibusiness.ru/cgi/yandmarkup?HndlQuery=1689714304&PageNum=0&g=0&d=0>).
- 36 Ряд содержательных работ по социальным и психологическим вопросам развития информационных технологий содержатся в сборниках: Гуманитарные исследования в Интернете / Под. ред. А. Войкунского. — М., 2000; Социальные и психологические последствия применения информационных технологий / Под ред. А. Войкунского. — М., 2001.
- 37 *Луман Н.* Невероятность коммуникации (http://www.clanrussia.spb.ru:8101/publications/pts/luman_c.html).
- 38 *Temple J.* Growth effects of education and social capital in the OECD countries. — Department Working Papers No. 263 OECD, 2000 (<http://www.oecd.org/EN/longabstract/0,,EN-longabstract-670-nodirectorate-no-10-1093-33,00.html>); *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. — 1988. — Suppl. 94. — P. 95—120.
- 39 *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. — М., 1996.
- 40 См.: *Woolcock M.* The place of social capital in understanding social and economic outcomes / The World Bank. — S. I., 2000. — Manuscript; *Shuller T.* The complementary roles of human and social capital. — S. I.: Birkbeck College, Univ. of London, March 2000. — Manuscript.
- 41 *Woolcock M.* Social capital and economic development: toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. — 1998. — 27. — P. 151—208.
- 42 *Glaeser E.* The formation of social capital. — [S. I.]: Harvard Univ., March 2000. — Manuscript.
- 43 *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society / The Inst. of Public Policy, George Mason Univ. — S. I.: October 1, 1999. См. также: *Грицаенко В.* Социальный капитал и гражданское общество. — Рец. на ст.: *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society (<http://scd.centro.ru/dover.zip>).

- 44 Ibid.
- 45 Чураков А. Анализ социальных сетей // Социол. исслед. — 2001. — № 1. — С. 109—121.
- 46 Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Islands // Human relations. — 1954. — Vol. 7. См. также: Веселкин Е. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии. — М., 1976. — С. 125—152.
- 47 Barnes J. A. Op. cit. — P. 43—44.
- 48 Абанкина Т. Влияние информационных технологий на некоммерческий маркетинг (http://www.kollazh.ru/st_13.html).
- 49 См., например: Левенчук А. Коммунивер: от средств массовой информации к инфраструктуре массовой коммуникации (<http://www.inter.net.ru/15/5.html>); Бессуднов А. Community building: перспективный бизнес и гражданское общество (<http://internet.ru/article/articles/2000/10/03/4214.html>).
- 50 Чепов М. Третий сектор виртуальной реальности: проблемы и решения (http://www.trainet.org/news/conference_report.htm); Диббелл Дж. Конец виртуального сообщества? (<http://www.intellectualcapital.ru/iss3-1/icopin1-1.htm>).
- 51 Экономический анализ предпосылок участия в политической и лоббистской деятельности развивается в работах по теории общественного выбора. См. в частности: Олсон М. Логика коллективных действий. — М., 1995.
- 52 Лебенштейн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» // Теория фирмы. — СПб., 1995.
- 53 Savage Ch. 5th generation management: integrating enterprises through human networking. — S. l., 1990. О теории Ч. Севиджа см. рецензию: Копылов Г. Сеть как организационный принцип (<http://www.isn.ru/econ/netorg.doc>). По проблематике сетевой формы организации см. также: Рюэгг-Штюм Й., Ахтенхаген Л. Сетевые организационно-управленческие формы — мода или необходимость? (http://www.ptpu.ru/issues/6_00/12_6_00.htm); Памюрель Р. Создание сетевых организационных структур (http://www.ptpu.ru/issues/3_97/15_3_97.htm); Вютрих А., Филиппин Х. Виртуализация как возможный путь развития управления (http://www.ptpu.ru/issues/5_99/19_5_99.htm); Райсс М. Границы «безграничных» предприятий: перспективы сетевых организаций (http://www.ptpu.ru/issues/1_97/17_1_97.htm); Зиббер П. Управление сетью как ключевая компетенция предприятия (http://www.ptpu.ru/issues/3_00/18_3_00.htm).
- 54 <http://www.oecd.org/puma>.
- 55 Подробнее см.: Сморгунов Л. Административные реформы в западных странах: сравнительный анализ // Сравнительное государственное управление: теория, реформы эффективность. — СПб., 2000.
- 56 Лобанов В. Реформирование государственного аппарата: мировая практика и российские проблемы // Проблемы теории и практики управления. — 1999. — № 1 (http://www.ptpu.ru/issues/1_99/5_1_99.htm).
- 57 Лобанов В. Административные реформы: вызов и решения // Проблемы теории и практики управления. — 1998. — № 1 (http://www.ptpu.ru/issues/1_98/8_1_98.htm).

- 58 Дрожжинов В., Штрик А. Электронное правительство информационного общества // PC Week. — 2000. — № 15 (<http://www.pcweek.ru/year2000/n15/cp1251/strategy/index.htm>).
- 59 <http://www.oecd.org/puma/citizens>.
- 60 Чуичевич М. Основы управления сетевыми организациями. — М., 1999.
- 61 Иноземцев В. Указ. соч.
- 62 Madon S. International NGOs: Networking, Information Flows and Learning (<http://idpm.man.ac.uk/idpm/diwpf8.htm>).
- 63 Абанкина Т. Влияние информационных технологий на некоммерческий маркетинг (http://www.kollazh.ru/st_13.html).
- 64 Сморгунов Л. Сетевой подход к политике и управлению // Полит. исслед. — 2001. — № 3; Райнике В., Беннер Т. Политика в глобальной сети // Междунар. политика. — 1999. — № 8 (<http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1999-08/article05.html>).
- 65 Абанкина Т. Указ. соч.
- 66 Reinicke W. H., Deng F. M. Critical Choices. The United Nations, Networks, and the Future of Global Governance. — S. l.: IDRC, 2000 (http://www.idrc.ca/acb/showdetl.cfm?DS_ID=2&Product_ID=534&DID=6).
- 67 Результат деятельности таких сетей способен обеспечить ускорение и повышение результативности ключевых социально-экономических программ (реформы образования, здравоохранения, ЖКХ, обеспечения социальной защиты населения, привлечения инвестиций, содействия малому бизнесу), решение острых социальных проблем (борьба с наркоманией, беспризорностью).
- 68 Напрямую или через прессу, активно работающую с интернет-ресурсами.

Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете

(на примере сайта <http://www.e-government.ru>)

Валентин Иванов

Освоение пространства Интернета средствами массовой информации, органами управления, а также коммерческими, общественными и политическими организациями позволяет говорить о широких возможностях этой сети влиять на сознание и соответственно на поведение людей, т. е. о возможности реализации функции социального управления. Неудивительно, что внимание многих исследователей коммуникационных процессов сегодня обращено к разработке форм и способов такого влияния или к таким информационно-коммуникационным технологиям, которые направлены на воздействие. При этом ведутся поиск и отработка новых, привлекательных для пользователей приемов и способов общения.

Разрабатываются и критерии эффективности применения тех или иных технологий. Точкой отсчета при этом становятся различные цели, на которые ориентирована предлагаемая пользователям информация: коммерческий результат, политические интересы, влияние на социальные процессы и т. д. Для доказательства преимуществ той или иной технологии нередко привлекаются количественные данные, выстраиваются разнообразные «лестницы» рейтингов (соответствующие, например, частоте обращения к разным сайтам, отражающие динамику привлечения пользователей и т. д.).

Бесспорно, перечисленные аспекты изучения необходимы. Однако бесспорно и то, что эти данные не всегда дают ответы на вопросы, волнующие современных иссле-

дователей. Так, проведенные социально-диагностические исследования коммуникационных процессов в системах «телевидение — телезритель» и «пресса — читатель» показывают, что на реакции людей определяющим образом влияют формы и способы общения с ними коммуникатора [1; 4].

Поэтому в «повестке дня» исследователей Интернета сегодня начинают появляться задачи качественного изучения коммуникационных процессов в Сети, ориентированных на реализацию функции социального управления. И поскольку Интернет все увереннее становится одним из популярных средств общения, качественные особенности человеко-средовых взаимодействий (в комплексе с количественными) влияют на социокультурные процессы в целом и на каждого человека в отдельности, причем даже на тех, кто Интернетом не пользуется.

Модели социального управления: исторический опыт и тенденции

В поиске оптимальных форм и способов, ориентированных на реализацию функции социального управления, коммуникации в Интернете, обратимся к анализу существующих моделей социального управления.

В ставших классическими концепциях «научного управления» Ф. Тейлора и «рациональной бюрократии» М. Вебера управление традиционно рассматривалось как воздействие одной системы на другую для целенаправленного изменения последней. Подобный подход, получивший позже название технократического, наблюдался и в работах российских ученых начала XX в. (А. Гастева, Е. Розмировича, П. Керженцева), которые предполагали, что механизм управления сведет все функции управления к простейшим действиям: «система управления людьми будет заменена системой управления вещами» [10].

Как и у зарубежных ученых, в России долгое время представление об оптимальной управленческой модели было связано с субъект-объектными отношениями. При этом объектом считалось все то, что подчиняется управляющему воздействию, а субъектом — то, что осуществляет такое воздействие. Объект и предмет управления, согласно данной модели, образуют систему социального управления, а связи между ними представляют структуру управленческой системы. Специфика же субъекта управления определяется его воздей-

ствием, направленным на объект, и состоит в согласовании и гармонизации интересов отдельных общностей в процессе осуществления их жизнедеятельности. Однако, по наблюдениям исследователей, неспособность субъекта управления действовать в интересах объекта зачастую приводила к тому, что последний начинал функционировать ради собственных интересов, которые становились самоцелью; при этом общество превращалось в средство их реализации [11].

Ученые советского периода признавали влияние социального фактора на процессы управления только для капиталистической системы, где, как считалось, требовалось «преодолеть классовое сопротивление рабочих, используя различные социально-психологические методы» [7]. Успехи управления в СССР отождествлялись с идеологическими целями, а коммуникация рассматривалась как подручное средство их достижения. В этот период произошла бюрократизация системы управления, а аппарат управления превратился в своего рода монополиста при решении социальных и экономических проблем. Использование такой управленческой модели, как известно, привело к полному отрыву от реальных нужд населения и в конечном счете к разрушению всей системы управления в целом, несмотря на то, что научные работы (Р. Алексюка, В. Астафьева, В. Основина), обосновывавшие необходимость учета в управлении социального аспекта, стали появляться начиная с 70-х годов [8], а в 80-е даже возник термин «человеческий фактор» применительно к управлению, использовавшийся Л. Абалкиным, А. Авериним, Д. Гвишиани, Г. Петровым, Г. Поповым.

И сегодня, несмотря на декларации о необходимости учета социального фактора, механизмы социального управления зачастую продолжают трактоваться как субъект-объектные: так, в специализированном словаре-справочнике, выпущенном в МГУ в 1994 г., социальное управление определяется как «осознанное, систематическое, специально организованное воздействие на общество по упорядочению и совершенствованию его социально-деятельной структуры в процессе выработки и достижения цели» [12].

В 80—90-е годы были разработаны концептуальный аппарат и технологии новой модели социального управления — модели *социально ориентированного управления*, которая в отличие от авторитарно-технократической «включает обратную связь в состав управленческого цикла». Это управление «основано на понимании того, что его объект (город, предприятие, организация) мыслится не в отрыве от людей,

но именно как плод их самоорганизации [3]. Эта модель опирается на *экоантропоцентрическую парадигму* социального познания и управления, разработанную Т. Дридзе. Данная парадигма интегрирует научное знание о природе, человеке и обществе в практику социально-ориентированного управления, предполагающего наличие «обратной коммуникативной связи с объектом управления» [5].

Согласно новой парадигме в условиях усиления взаимозависимости происходящих в обществе многообразных социально-политических и экономических процессов ограничение стратегии управления сферой экономики становится неэффективным. Поэтому модель «управления с обратной связью» связывает эффективное управление с задачами организации коммуникативного пространства для диалога с учетом и согласованием мнений всех сторон, заинтересованных в принимаемом решении. Таким образом, рядовые граждане становятся не объектами, а субъектами управления, а отношения в системе «орган управления — население» (или «орган СМК — аудитория») становятся субъект-субъектными. Благодаря партнерскому участию населения в решении социально значимых проблем (принцип *социального участия*) начинают действовать механизмы самоорганизации и саморегулирования. Еще одним условием их действия является регулярное проведение социально-диагностических и социально-проектных исследований (технологии таких исследований также разработаны в рамках новой исследовательской парадигмы) и, соответственно, включение (учет) их результатов в состав управленческих решений.

В модели социально ориентированного управления, как уже упоминалось, принципиальная роль отводится диалогической коммуникации между звеньями (субъект-субъектной) системы, а залогом эффективности принимаемых и реализуемых управленческих решений служит адекватно организованная информация.

Принципы действия модели социально ориентированного управления применимы и для всей системы управления, и для ее отдельных органов, и для средств массовой коммуникации, которые также в той или иной степени реализуют функцию социального управления.

Средства массовой информации в системе социального управления

В рамках технократического, манипулятивно-директивного управления, которое существовало на протяжении десятилетий в

нашей стране, печати, радиовещанию и телевидению отводилась роль рупора власти. Их задачи в системе управления рассматривались «лишь в плане ознакомления трудящихся масс с принятыми решениями, а также их организации на выполнение данных решений» [6].

В настоящее время существуют различные коммуникативные стратегии современных органов СМИ, связанные с их пониманием своей социальной роли: это и подходы, в основе которых лежат принципы социально ориентированного управления, направленные на установление партнерских отношений с аудиторией, и стратегии, рассматривающие деятельность СМИ в рамках прежней технократической модели управления, опирающиеся на тезис о необходимости и целесообразности использования методов, так или иначе связанных с воздействием на аудиторию.

Такова, например, теория «информационного управления», которое трактуется как «процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда управляющее воздействие носит неявный характер и объекту управления предоставляется определяемая субъектом управления информация о ситуации (информационная картина), ориентируясь на которую, этот объект как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения» [2]. Согласно теории информационного управления его механизм основывается на манипуляции сознанием масс, внесении в сознание людей целенаправленной достоверной или недостоверной информации, причем конечным результатом такого управления является желаемое поведение объекта управления, которое постулируется субъектом. «Сегодня именно с помощью этого метода воздействия на умы людей правящие силы ориентируются на небывалое по масштабам подчинение общественного мнения своему влиянию» [2], при этом в средствах массовой информации они видят высокоэффективное средство, позволяющее облечь в новые формы контроль и управление народными массами.

В социально ориентированной модели управления средствам массовой информации отводится не функция донесения директивной информации от управляющей системы к управляемой, не роль манипулятора, но роль коммуникативного канала, способствующего налаживанию диалога между всеми заинтересованными сторонами в решении социально значимых проблем. Причем партнерские отношения с аудиторией становятся необходимым условием ее доверия к органу СМИ, условием его популярности — в таких случаях, по определению Т. Дридзе, реализуется принцип социального

участия, т. е. «участия всех субъектов, заинтересованных в выработке решений, затрагивающих их судьбы, путем перманентного расширения “коммуникативного круга” с постепенным “втягиванием” в него все большего числа лиц» [9].

О том, что современная аудитория предпочитает партнерскую, диалогическую форму общения, говорят результаты социально-диагностических исследований восприятия СМИ, проведенных в Институте социологии РАН. Так, среди тех телепередач и телеведущих, которые телезрители называют в качестве любимых, к которым проявляют симпатии, — только те, которые ориентированы на партнерские отношения с аудиторией, причем прослеживается четкая закономерность между позицией в рейтинге телезрительских симпатий и степенью открытости, искренности коммуникативных намерений авторов и ведущих [2]. Поэтому для органов СМИ, которые связывают свою деятельность с привлечением аудитории, решают вопросы финансирования за счет рекламы (а стоимость рекламного времени, как известно, зависит от числа людей, которые потенциально будут воспринимать эту рекламу), технократические формы общения с аудиторией попросту неприемлемы.

Приведем еще одно доказательство предпочтения современной аудиторией диалогических форм общения: как правило, СМИ, которые преследуют те или иные политические задачи и используют директивную, назидательную тональность при общении с людьми (сегодня это в основном партийная пресса), имеют небольшую реальную аудиторию.

Борьба за влияние на умы людей происходит и в Интернете. Сегодня это наиболее привлекательное поле для создателей и испытателей различных технологий: во-первых, как известно, в Интернете при желании гораздо легче соблюсти анонимность и избежать ответственности за искаженные или лживые сведения. Во-вторых, в глазах большинства пользователей Интернет — самый современный и престижный источник общения и получения информации, обладающий не только возможностями печати, телевидения, радиовещания, но имеющий ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с ними: здесь, например, возможны различные формы коммуникации (личность — личность, личность — социальный институт, личность — СМИ и т. д.), здесь человек при желании может формировать различные представления о себе, моделируя личностные характеристики и конструируя представления о своей идентичности. В-третьих, по многочисленным наблюдениям, у пользователей Ин-

тернета нередко возникает своего рода привычка и даже тяга к завораживающему виртуальному пространству Сети, причем подчас такую тягу сравнивают с зависимостью и даже с наркотическим эффектом.

В последнее время в Интернете появились специализированные порталы и сайты, создаваемые управленческими структурами самого разного уровня: от правительства и федеральных министерств до жилищных контор. С одной стороны, многие из них можно рассматривать как вариант СМИ в Интернете, особенно если на таких сайтах имеется обновляемый новостной раздел и другие материалы, привлекающие пользователей. Ориентация таких сайтов на реализацию функции социального управления бесспорна.

**<http://www.e-government.ru>:
история создания и практический опыт**

С начала 2001 г. по инициативе Департамента правительственной информации аппарата Правительства Российской Федерации был создан специализированный сайт <http://www.e-government.ru>. Подобные проекты сегодня реализуются в большинстве развитых стран: США, Великобритании, Германии и т. д. Общая цель «электронных правительств» — обеспечение доступа граждан к достоверной правительственной информации, повышение эффективности государственного управления, создание условий для взаимодействия власти с населением, упрощение обязательных государственных процедур, снижение издержек на содержание государственного аппарата.

Сегодня в мире нет единой схемы построения «электронных правительств». В России, как и в большинстве стран, в качестве обязательной информации на правительственном сайте присутствуют:

- списки государственных учреждений и официальных лиц (общая, справочная и контактная информация);

- освещение национальных событий (оперативная государственная информация, официальные заявления и т. д.);

- статистическая информация (общие данные по стране, численности населения, регионы и т. д.);

- законы и нормативные акты (действующие и готовящиеся законы и нормативные акты);

- правительственные расходы (отчет правительства страны о затраченных средствах);

исполнение бюджета (отчеты правительства страны об исполнении текущего бюджета);

государственный (национальный) архив (статистическая, законодательная и прочая информация за последние годы);

Большое внимание при организации материала для российского «электронного правительства» уделяется развитию интерактивных ресурсов и сервисов, цель которых — упростить процедуры взаимодействия государства с населением и создать гражданам страны максимально комфортные условия при обращении в учреждения. Среди таких сервисов выделяются:

налоговая информация (помощь в составлении налоговых деклараций и отчетов для граждан и коммерческих фирм);

оплата счетов (в сочетании с налоговой информацией — полный сервис по составлению и уплате налогов через Интернет с использованием кредитной карты или счета в банке налогоплательщика);

бланки заявлений (образцы заполнения всех существующих в стране бланков; в некоторых случаях возможно интерактивное заполнение бланка с последующей отправкой адресату);

правительственные торги (интерактивные площадки для проведения тендеров на государственные закупки).

Сайт <http://www.e-government.ru> стал первым государственным интернет-ресурсом в России, ориентированным не только на информирование, но и на обратную связь с населением: посетителям были предложены такие интерактивные формы общения, как «круглые столы» и форумы. Характерно, что первый же «круглый стол» был посвящен проблемам информационных и интеллектуальных технологий в сфере взаимодействия государства и гражданского общества.

Уже через две недели после открытия на сайте работали десять форумов по следующей тематике:

«Процессы и характер взаимодействия государства и граждан в условиях информационного общества»;

«Содержание и динамика информационных потребностей граждан и возможные модели государственных информационных сервисов»;

«Модели государства и гражданского общества (сообществ) в информационную эпоху»;

«“Электронное правительство”: определение, опыт других стран и России, перспективы и проблемы»;

«Государственные органы и учреждения как поставщики современных информационных сервисов»;

«Возможности новых информационно-коммуникационных технологий в обеспечении эффективного государственного управления»;

«Государственные и общественные информационные ресурсы и сервисы в сферах науки и культуры, образования и социального развития, экономики и производства»;

«Возможности и перспективы “цифровой демократии”»;

«Состояние государственных информационных интернет-ресурсов. Обзор ресурсов и проектов. Проблемы и перспективы. Опыт, технологии информационного общества».

Высказывания и дебаты участников «круглых столов» и форумов, которые в изобилии стали появляться на сайте, отражали состояние поднимаемых проблем (с дифференциацией по регионам страны), а также научно-теоретический уровень и понимание проблемы специалистами и простыми гражданами, пожелавшими высказаться по заданной тематике.

Не менее важной целью проведения «круглых столов», инициируемых правительственной структурой, было желание стимулировать интерес и практические действия районных и областных администраций для распространения на местах Интернета и использования информационно-коммуникационных технологий.

Одновременно формировалась сеть экспертов сайта <http://www.e-government.ru>, на мнение которых было решено опираться при определении информационной политики. Всем экспертам было предложено принять участие в наполнении специального раздела, посвященного информационно-коммуникационным технологиям. Поэтому очень скоро здесь оказалось большое количество материалов на темы, связанные с созданием «электронного правительства», с задачами и возможностями преодоления «цифрового неравенства» и т. д.

На сайте работает и постоянно обновляемая лента новостей «Новые информационные технологии». Сюда поставляется информация с нескольких десятков тематических сайтов, отобранная по ключевым словам. Ежедневно на ленте появляется более двадцати новых сообщений. Причем в отличие от форумов и «круглых столов» весь материал сайта открыт и доступен для пользования без предварительной регистрации.

Пользователи заметили и оценили такую информационную стратегию. Характерно, что при изучении частоты обращения пользователей к государственным интернет-порталам (июнь — июль 2001 г.)

самым посещаемым среди представителей экспертной группы оказался официальный сайт Правительства РФ (вторым по посещаемости оказался сайт «Официальная Россия» <http://www.gov.ru>).

Сегодня есть большой соблазн сократить информационный поток со стороны государства. Именно по такому пути и пошли в США. Не прошло и двух недель после террористических актов 11 сентября 2001 г., как в прессе появилось сообщение о начале создания в США новой, абсолютно защищенной правительственной сети (GovNet), которая не будет контактировать с другими, в том числе и с Интернетом. Многие государственные сайты в Америке ограничили количество сообщений. Цензуре подверглась географическая, статистическая, военная и аналитическая информация. Ограничено посещение многих государственных сайтов США для пользователей из других стран.

В России информация в системе «правительство — население» продолжает оставаться открытой: именно сейчас важно создать гражданам максимально комфортные условия для ее получения. При этом особо остро встает вопрос о системе защиты государственной информации, чтобы избежать любых ее искажений путем нежелательных взломов.

Правительство — население: в поисках обратной связи

Стремление дать не только разнообразную, но и нужную населению информацию, открытость при общении, выражающаяся и в формах подачи материалов, и в их стилистике, свидетельствуют, что информационная стратегия создателей российского «электронного правительства» изначально была ориентирована на установление диалогических отношений с пользователями. Об этом же говорит и факт широкого привлечения специалистов в информационных технологиях в качестве общественных экспертов по работе сайта.

Поскольку уже при создании сайта неоднократно проводились консультации с рядом специалистов, которые вместе с тем активно участвовали в конференциях и научно-практических семинарах, посвященных проблемам взаимодействия государства и граждан в Интернете (такие мероприятия проводились как Департаментом правительственной информации, так и другими организациями), было решено рассматривать этих людей как основу постоянной группы — интерактивного сообщества экспертов в области новых информационных и коммуникационных технологий.

Для участия в работе этой экспертной группы привлекались люди не только из Москвы, но из всех регионов, в том числе отдаленных. Ставка делалась на возможности использования Интернета для преодоления разобщенности специалистов из разных уголков страны и получения информации о том, что происходит на местах. Кроме того, понятно, что таким образом сеть экспертов увеличивалась: далеко не все проживающие в разных регионах, подчас весьма отдаленных от Центра, могут физически присутствовать на посвященных интернет-технологиям конференциях, семинарах и «круглых столах», которые в течение последних лет в большом количестве проводятся в Москве и С.-Петербурге.

В поисках представительной группы экспертов было разослано несколько этапов более 500 электронных писем с предложением принять участие в первом «круглом столе» на только что открытом сайте <http://www.e-government.ru> (напомним: первый «круглый стол» был посвящен проблемам информационных и интеллектуальных технологий в сфере взаимодействия государства и гражданского общества).

Электронные адреса для рассылки были найдены в результате запросов в областные и районные органы власти, в некоторые коммерческие организации, имеющие представительства в регионах России, использовались также рекомендации уже отобранных экспертов. Таким образом, был проведен целевой запрос по достаточно точной адресной выборке.

Потенциальным экспертам рассылались письма с вопросами «круглого стола» и тематикой форумов. Кроме того, эти письма содержали алгоритм действий для участия в дискуссии: чтобы вносить замечания и читать тексты других экспертов, необходимо было посетить сайт <http://www.e-government.ru> и в разделе «регистрация» заполнить форму: фамилия, имя, отчество, организация, должность, адрес электронной почты, на которую высылается пароль для участия в форуме. Регистрация была открытой, и заполнение формы было необходимо только для удостоверения реальной причастности человека к проблемам Интернета или к интернет-технологиям, а также для составления адресной базы данных для последующих электронных рассылок. Отметим также, что работа экспертов никак не оплачивалась.

Первые отклики на предложение участвовать в обсуждении вопросов «круглого стола» пришли уже через несколько часов. Но вскоре поток иссяк. Доля возврата почты составила около 20%, что для столь многочисленной целевой рассылки было ничтожно мало.

Была проведена вторая рассылка по тем же адресам, в которой, кроме предложения участвовать в работе «круглого стола» и форумов была приложена электронная версия сборника материалов конференции «Проблемы преодоления цифрового неравенства в России и странах СНГ», проведенной незадолго до этого Департаментом правительственной информации. Кроме того, подобные предложения были разосланы и другим специалистам в области информационных технологий. Вторая попытка оказалась успешнее, и формы с регистрационной информацией стали приходить намного активнее. Среди будущих экспертов оказалось много представителей областных и краевых администраций, а также бизнесменов, работающих в сфере новых технологий.

Теперь количество откликов росло лавинообразно. Поступали не только регистрационные формы, но и электронные письма, телефонные звонки. В большинстве обращений содержалось приятное удивление самой возможностью участвовать в мероприятиях, проходящих на правительственном сайте, а также уверенность в его будущей популярности и в активности экспертов.

Примерно через три недели после начала работы форумов основной поток заявок пошел от людей, которые вообще не входили в списки рассылок: одни узнали о сайте <http://www.e-government.ru> через коллег и знакомых, другие сами нашли его в Интернете. Большинство людей, проявивших такую инициативу, были специалистами в информационных технологиях. Кстати, регистрация для желающих стать экспертами сайта продолжается по сегодняшний день.

Ко дню проведения первого «круглого стола» (30 марта 2001 г.) предварительное формирование экспертной группы в составе 150 человек было завершено, однако поток регистрационных форм не ослабевал и после этого: в течение апреля и мая свои данные присылали по несколько человек ежедневно.

На фоне такой «идиллии» странным оставалось отсутствие сообщений от наших экспертов на многочисленных форумах сайта, хотя обозначенные для обсуждения вопросы были более чем серьезными и злободневными, а сами эксперты еще совсем недавно заверяли в своей активности, высказывали желание донести до властных структур собственное видение ситуации, делали интересные замечания по проблемам создания в России «электронного правительства».

Никто не хотел первым начинать обсуждение. К тому же, к нашему удивлению, эксперты даже не пытались использовать интерактивную площадку сайта <http://www.e-government.ru> для того, что-

бы познакомиться друг с другом. Тем не менее многие иногородние специалисты вступили в активную переписку по электронной почте с представителями Департамента правительственной информации, причем зачастую излагали интересные суждения. Выносить эти же суждения на «круглый стол» или на объявленные интернет-форумы они не спешили, опасаясь, что их личное мнение будет воспринято как мнение их организации или руководства. Поэтому подчас приходилось просить разрешения включить некоторые интересные выдержки из этой переписки в материалы сайта.

Учитывая высокую квалификацию экспертов, некоторые из которых к тому же выдвигали тезис о самодостаточности информационных технологий, связанных с организацией интерактивных площадок для общения и обмена мнениями между участниками-специалистами, мы надеялись на самоорганизацию форумов и «круглых столов». Однако этого не происходило, технологии почему-то не срабатывали. Становилась очевидной необходимость стимуляции работы экспертной группы. Поэтому экспертам был разослан предварительный список выступающих на «круглом столе» и просьба подготовить вопросы, на которые они как заинтересованные в обозначенных проблемах лица хотели бы получить ответ (в результате пришло только пять вопросов, из которых ни один не был достаточно интересным, чтобы выносить на всеобщее обсуждение).

И все же в конце концов на интерактивных площадках сайта стали появляться тексты от наших экспертов.

«Электронное правительство» — население: точка зрения экспертов

С полными текстами многочисленных сообщений, присланных экспертами, при желании можно познакомиться на сайте <http://www.e-government.ru>. Здесь же приводятся только некоторые выдержки из этих текстов, характеризующие наиболее типичные направления анализа и видения проблем, предложенных для обсуждения. По сути дела их комплекс охватывает основные направления, принципиально важные для широкого развития в России компьютерных сетей и информационно-коммуникационных технологий.

Идея взаимодействия правительства и населения посредством компьютерных сетей приветствуется всеми экспертами безоговорочно.

Более медленные, чем в США и большинстве стран Европы, темпы распространения Интернета в России обращают внимание боль-

шинства экспертов к проблеме «цифрового неравенства». Реальную возможность граждан страны пользоваться компьютерными сетями доктор социологических наук В. Терин в своем материале, присланном на «круглый стол», назвал «цифровой демократией»: это — «...обеспечение доступа практически всех граждан страны к базам данных о жизни всей страны, обо всем, что имеет более или менее важное отношение к их собственной жизни. Речь идет о создании таких периодически обновляемых баз данных, доступ к которым действительно позволял бы гражданам знать страну, в которой они живут, и свое место в ней» (В. Терин, <http://www.e-government.ru>).

Эксперты обсуждали также, является ли возможность входа в Интернет для всех граждан страны проблемой, решаемой на *социальном уровне*, либо это вопрос *прав человека*, поскольку речь идет «о реализации демократических принципов в условиях господства цифровых технологий» в условиях, когда «жизнеобеспечение человека зависит от его доступа к цифровым информационным системам» (О. Измеров, <http://www.e-government.ru>).

Несмотря на понимание важности технических и технологических решений вопросов, связанных с компьютеризацией страны и получением доступа к Интернету, т. е. для преодоления «цифрового неравенства», эксперты указывали, что следует обратить внимание и на качественную сторону процесса: «...понятие “коммуникация” существенно шире технического аспекта и содержит, помимо технического, еще семантический и прагматический аспекты. Последние напрямую связаны с *качеством самих информационных ресурсов и с качеством возможностей для их содержательного восприятия и прагматического использования*» (А. Ламан, <http://www.e-government.ru>).

Волнует экспертов и отсутствие, как им представляется, интернет-технологий, обеспечивающих *самоорганизацию процессов управления* (Ю. Затуливетер, <http://www.e-government.ru>).

В материалах, присланных на форумы, отмечается и прагматическая для пользователей сторона проблемы: «...если государство рассматривать как поставщика услуг, то информационные сервисы — лишь часть всего спектра, увязанная с остальными. При этом информация крупных ведомств интересна только тем, кто ее касается. Наиболее востребованной в массовом масштабе будет информация о локальных службах, таких, как ЖЭК, паспортный стол или ОВИР, районная поликлиника и т. д. Если я смогу совершить простейшую операцию (подача заявки), не стоя в очередях, я буду заин-

тересован в том, чтобы овладеть инструментом подачи этой заявки» (Д. Африн, <http://www.e-government.ru>).

Особое значение в освоении новых технологий эксперты отводят задаче *приобщения к Интернету молодежи*: «...Включенный в Интернет компьютер в школе или вузе — основа для развития “цифровой демократии”. Сейчас государством объявлена программа “Компьютеры в малокомплектные и сельские школы”, это большой шаг вперед. Но полезность ее без подключения компьютеров в Интернет будет резко снижена. Выход видится в создании Интернет на базе высокоскоростных радиоканалов» (Ю. Кофтан, <http://www.e-government.ru>).

«Электронное правительство» — эксперты — население: на пути к диалогу

Рассказ о сложностях стимуляции активности экспертов приведен не случайно: как оказалось, большинство присланных суждений, мнений и предложений воспроизводили уже опубликованные этими людьми тексты или их выступления. К тому же комплекс поднимаемых ими проблем не выходил за рамки многочисленных обсуждений на научно-практических мероприятиях и в материалах СМИ. Именно поэтому, очевидно, эксперты и не желали повторяться. К тому же они понимали, что решение поднимаемых ими проблем, а также определение приоритетов их решения зависят в первую очередь от органов управления. Возможность установления непосредственного контакта с конкретными людьми в правительственной структуре в данном случае казалась им более предпочтительной, нежели общение между собой.

И все же, несмотря на повторы и встречающуюся порой неоригинальность сделанных предложений, материалы, присланные на сайт, адекватно отражают видение проблемы «Интернет — население» его представительной частью — экспертами. К тому же кто как не эксперты, представляющие самые разные регионы, сможет мгновенно отреагировать на постоянно меняющиеся ситуации на местах и отразить их в материалах, присылаемых на сайт? Пользуясь терминологией социально ориентированного управления, целенаправленный поиск по всем регионам страны специалистов по информационно-коммуникационным технологиям, представляющих органы власти, коммерческие структуры, ученых, преподавателей вузов и т. д., и придание им статуса экспертов позволяют при адекватно ор-

ганизованном коммуникативном поле учитывать и согласовывать мнения всех заинтересованных сторон.

Интерактивное сообщество экспертов оказалось незаменимым и при проведении мониторинга сайтов федеральных министерств. Как известно, сайты, ориентированные на обратную связь с населением, в настоящее время созданы практически во всех министерствах. Имеются и общие требования к таким сайтам, связанные с их наполнением, оформлением, удобством навигации и т. д. Однако задачи установления диалога с населением требуют не только формальной оценки наличия и соответствия обязательных пунктов и разделов, но и знание непосредственной реакции людей, обращающихся к этим сайтам. Причем данные об этой реакции должны быть сопоставимыми, в идеале — полученными от одной и той же группы реципиентов. Именно такими, сопоставимыми, и оказались полученные в результате опроса в Интернете данные об отношении отобранной группы экспертов к сайтам федеральных министерств.

В июне — июле 2001 г. Департамент правительственной информации совместно с исследовательским комитетом «Социальная коммуникация, социальное участие и интерактивные масс-медиа» Российского общества социологов и членами рабочей группы проекта Всемирного банка «Российский портал развития» провели поисковое экспертное исследование состояния официальных сайтов федеральных министерств. Планировалось изучить:

- типичные реакции экспертной группы на официальные сайты федеральных министерств;

- степень удовлетворенности экспертной группы удобством навигации, уровнем оформления и полнотой информации, представленной на сайтах;

- типичные поводы и ожидания экспертной группы от обращения к сайтам федеральных министерств.

Исследование проводилось в Интернете посредством анкетного опроса. Респондентов для исследования отбирали на основе профессионально-личностных качеств: обязательным условием было знание Интернета и частая работа в Сети, понимание проблематики государственных информационных ресурсов, общая компетентность в вопросах политического устройства страны, опыт посещения государственных интернет-ресурсов других стран. При отборе экспертов использовался и принцип представительности: по возможности приглашались люди из разных социально-демографических групп, т. е. различающиеся по полу, возрасту, роду занятий, месту жительства, образованию.

Если рассматривать опрошенных как единую экспертную группу, обладающую сходными профессионально-практическими характеристиками, то полученные результаты могут характеризовать *тенденции реакций* активных пользователей Интернета на перечисленные в анкете сайты органов власти. В данном случае был соблюден принцип *минимальной базовой группы*, при котором для получения доказательного результата следует опросить не менее 25—30 человек по каждой из независимых переменных. Чтобы ответить на предложенные вопросы анкеты, экспертам следовало найти и внимательно «перелистать» несколько десятков электронных страниц.

На начало июля 2001 г. официальные сайты имели 23 из 24 федеральных министерств (не имело сайта Министерство по делам федерации, национальностей и миграционной политики). Из 23 сайтов функционировал 21 (сайт Министерства труда и социального развития был временно закрыт, а сайт Министерства здравоохранения работал нерегулярно).

Для оценки сайтов министерств экспертам было предложено поставить оценки по пятибалльной системе по следующим параметрам: удобство навигации, оформление, полнота информации, общее впечатление.

Оценка выставлялась на основе субъективных ощущений эксперта. Обязательным условием для выставления оценки было открытие и просмотр сайта, даже в тех случаях, когда он был данному человеку хорошо знаком. На основании выставленных оценок был составлен рейтинг. Назовем первую десятку одобренных экспертами сайтов (приводятся в порядке уменьшения суммарных оценок):

сайт Министерства по налогам и сборам (<http://www.nalog.ru>);

сайт Министерства путей сообщения (<http://www.mps.ru>);

сайт Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации (<http://www.mpr.ru>);

сайт Министерства экономического развития и торговли (<http://www.economy.gov.ru>);

сайт Министерства связи (<http://www.minsvyaz.ru>);

сайт Министерства иностранных дел (<http://www.mid.ru>);

сайт Министерства энергетики (<http://www.mte.gov.ru>);

сайт Министерства финансов (<http://www.minfin.ru>);

сайт Министерства имущественных отношений (<http://www.mgi.ru>);

сайт Министерства по атомной энергии (<http://www.minatom.ru>).

Результаты анализа и многочисленные предложения, сделанные экспертами, были положены в основу совершенствования сайтов федеральных министерств.

**К проблеме использования новых интернет-технологий
в системе социального управления**

Бесспорно, Интернет становится эффективным коммуникативным звеном в системе социального управления. В рамках государственных интернет-порталов возможно не только информировать население и оказывать ему сервис-услуги, но и выходить на диалог, включаясь в решение проблемных жизненных ситуаций. Переход к системе управления с «обратной связью» предполагает знание реакций людей на те социально значимые проблемы, которые возникают в обществе. Поэтому применение в Интернете новых социально-диагностических и социально-проектных технологий, ориентированных на поиск эффективных управленческих решений, будет способствовать включению механизмов самоорганизации и самоуправления.

Как показал наш опыт, сам по себе факт организации интерактивных площадок в Интернете и получения некоего комплекса мнений и суждений интересен прежде всего с социологической точки зрения, т. е. для изучения особенностей видения и понимания изучаемой проблемы (ситуации) населением или, как в описанном выше случае, представительной, специально отобранной группой пользователей — экспертами. Чтобы получить такие знания, обычно применяют метод анализа содержания, или контент-анализа, при котором в основе выводов оказываются количественные показатели, связанные с частотой использования реципиентами идей, суждений, предложений и т. д. Такие данные позволяют зафиксировать и эмоциональный срез исследуемой проблемы.

Однако для системы управления такой материал зачастую оказывается недостаточным: как показывает опыт, самые ценные мнения и предложения могут попросту затеряться среди других, не столь важных, но лежащих на поверхности проблемы и потому привлекающих к себе внимание большинства реципиентов.

Технологии социально ориентированного управления предусматривают более дифференцированный анализ групп реципиентов (и, соответственно, их ответов при опросах и других обследованиях), нежели при привычных, традиционных подходах. Так, кроме социально-демографических характеристик вводятся такие параметры

изучения реципиентов, как социокультурные особенности (направленность интересов личности) и, главное, социоментальные характеристики (навыки человека адекватно воспринимать и интерпретировать исходящий от коммуникатора текст, его желание и умение участвовать в процессе коммуникации).

Кстати, при изучении отношения экспертов к сайтам федеральных министерств в программу и в анкету исследования были заложены и дополнительные к основной цели изучения вопросы, позволяющие дифференцировать экспертов по социоментальным характеристикам. Для этого в анкету были включены не только закрытые, но и открытые вопросы, предполагающие пространные ответы в текстуально оформленном виде, которые в дальнейшем анализировались специалистами. Такое многоуровневое изучение проводилось при изучении реакций пользователей Интернета впервые.

В процессе анализа ответов на вопросы анкеты обнаружилось, что люди, обладающие такими сходными профессиональными характеристиками, как работа с информационно-коммуникационными технологиями в Интернете, т. е. наши эксперты, практически не отличаются друг от друга по уровню образования и общей направленности интересов, однако различаются по интерпретационным и коммуникативным навыкам — и по отношению к тем текстам, которые они по условиям эксперимента интерпретировали, и при общении с коммуникатором (в данном случае в качестве такового выступали организаторы опроса). В результате представители опрошенной группы экспертов были условно дифференцированы, во-первых, как люди, проявившие навыки адекватного интерпретирования и реагирования, и, во-вторых, как люди, проявившие такие навыки лишь частично.

При этом варианты оценок ситуации (характеристик изучаемых сайтов федеральных министерств) довольно четко дифференцировались в зависимости от принадлежности человека к той или иной интерпретационной группе. Отметим, что сходная зависимость между «картинами мира» людей и их интерпретационными характеристиками зафиксирована в работах Т. Дридзе и Т. Адамьянц [4; 1].

Следовательно, возникает возможность в том случае, если установлена принадлежность человека к интерпретационной группе, дифференцировать полученные в результате опросов мнения, суждения и предложения по любой социально значимой проблеме и, соответственно, придать этим мнениям, суждениям и предложениям разный «статус»: понятно, что обобщенные оценки или высказывания группы, имеющей навыки адекватного интерпретирования, должны иметь боль-

ший вес при вынесении управленческого решения, нежели оценки и мнения людей, не обнаруживших таких навыков.

Разработка и освоение новых социально-диагностических и социально-проектных методов и методик в дополнение к уже существующим информационно-коммуникативным технологиям позволит использовать государственные интернет-ресурсы в целях социально ориентированного управления, а государственному интернет-порталу дает возможность выходить на реальный диалог с населением, что, бесспорно, обернется социальным выигрышем.

Л и т е р а т у р а

1. *Адамьянц Т. З.* К диалогической телекоммуникации: от воздействия — к взаимодействию / Ин-т социологии РАН. — М., 1999.
2. *Вус М. А., Кульба В. В.* Информатизационное общество. Информатизационное управление. Переход к устойчивому развитию России // Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». — СПб.: Скифия, 2000. — С. 342—343.
3. *Дридзе Т. М.* Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства: Материалы круглого стола // Социол. исслед. — 2000. — № 7. — С. 73.
4. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М.: Наука, 1984.
5. *Дридзе Т. М.* Экоантропоцентрическая и семиосоциопсихологические парадигмы для интеграции социогуманитарного научного знания в исследовательскую, социально-диагностическую и социально-проектную практику // Мир психологии. — 2000. — № 2. — С. 16.
6. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. А. Грушина и Л. А. О니кова. — М.: Наука, 1980. — С. 84.
7. Научная организация труда и управление. — М.: Экономика, 1965. — С. 198.
8. *Основин В. С.* Основы науки социального управления. — Воронеж, 1971.
9. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т. М. Дридзе. — М.: Наука, 1994. — С. 16.
10. *Розмирович Е. Ф.* О некоторых «научных» теориях управления государственными учреждениями и предприятиями // НОТ, РКИ и партия. — М., 1926. — С. 14.
11. *Слепенков И. М., Аверин Ю. П.* Основы теории социального управления. — М.: Высш. шк., 1990. — С. 93—95.
12. Социальное управление: Словарь-справочник. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 169.

Роль российского Интернета в привлечении иностранных инвестиций

Людмила Будникова

Как известно большинству бизнес-пользователей, определенная часть российских ресурсов, представленных в Интернете, имеет англоязычную версию. Двухязычное предоставление ключевой и надежной экономической информации о России помогает перекинуть мост между представителями различных сфер российского и западного бизнеса и способствует созданию благоприятного инвестиционного климата. Поскольку в зарубежных средствах массовой информации подавляющая часть сведений об экономике России продолжает оставаться негативной, создание и развитие сайтов-порталов, проясняющих экономическую ситуацию в стране, является важным фактором, стимулирующим интерес к сотрудничеству и развитию инвестиционной деятельности со стороны зарубежных предпринимателей и различных финансовых организаций. Активное продвижение таких порталов призвано не только полнее и объективнее оценить состояние экономики и текущую политику страны в целом, но и привлечь внимание инвесторов к конкретным отраслям и секторам народного хозяйства.

Поскольку после финансового кризиса 1998 г. многие зарубежные банки резко сократили инвестиционную деятельность в России, а некоторые прекратили ее вовсе, закрыв свои представительства в Москве, задача привлечения иностранных инвестиций остается весьма актуальной. Что касается решения этой проблемы с помощью Интернета, то здесь необходимо некоторое разграниче-

ние: помимо чистых интернет-компаний, основная часть дохода которых приходится на услуги, предоставляемые в режиме онлайн (реклама, продажа акций, облигаций и т. д.), существует целый ряд консалтинговых, финансовых и юридических учреждений, размещающих соответствующую информацию на своих корпоративных сайтах. Примером могут служить тематические публикации инвестиционного банка «Тройка Диалог», компаний «большой пятерки», таких, как «ПрайсУотерхаусКуперс» («PriceWaterhouseCoopers»), «Эрнст Энд Янг» («Ernst & Young») и др. Причем существенно выделяются те, кто своевременно предоставляет исследования, сделанные по высоким международным стандартам и тем не менее в режиме свободного доступа, без каких-либо предварительных членских взносов или иного рода оплаты.

В частности, сайт компании «Эрнст Энд Янг» (www.ey.com/russia) предлагает множество материалов и аналитических отчетов, посвященных макроэкономическим тенденциям и корпоративному управлению, а также исследования по оценке перспектив деятельности отдельных отраслей — автомобильной, нефтегазовой и пр. При этом более пристальное внимание уделено, как правило, конкретной отрасли, в частности автомобилестроению: здесь тщательно анализируется весь спектр проблем включая структуру и функционирование данного сектора, тенденции развития отрасли на протяжении различных периодов, рассматриваются примеры успешной работы с иностранными инвесторами, слияний и поглощений, а также раскрывается потенциал российского рынка. В дополнение к этому на сайте приведена информация о полезных контактах, помогающая потенциальному инвестору сориентироваться в местном рынке, в частности о Центре по содействию инвестициям в российскую автомобильную отрасль, что, несомненно, повышает эффективность использования данного интернет-ресурса.

К сожалению, таких сайтов на сегодня совсем немного, и они не в состоянии с достаточной полнотой охватить главные тенденции ведущих и перспективных отраслей, а также дать оценку деятельности отдельных компаний. Одним из исключений среди сайтов финансовых структур являлся сайт Объединенной финансовой группы (UFG — <http://www.ufg.com> и <http://www.ufg.ru>). До недавнего времени здесь был свободный доступ к множеству отчетов: ежедневному обзору рынка, ежемесячным аналитическим обзорам, анализу ключевых макроэкономических тенденций и аналитическим отчетам о перспективах деятельности конкретных компаний. Другие же ве-

дущие инвестиционные компании размещали подобную информацию на веб-страницах только на платной основе, причем предназначались эти сведения главным образом уже существующим клиентам. Несмотря на то что такой расклад вполне объясним как с точки зрения «зарабатывания денег», так и в связи с конфиденциальностью большей части сведений, содержащихся в подобных исследованиях, многие компании зачастую недооценивают возможность использования Интернета как действенного средства расширения своей клиентской базы.

Хотя профессионалы финансового рынка России нередко действительно хорошо знакомы с различиями в подходах к оценкам перспективного развития отраслей и конкретных компаний, все же существуют определенные границы осведомленности ведущих инвестиционных банков. Например, группа «ЦентрИнвест» (<http://www.centreinvest.ru>), Объединенная финансовая группа (<http://www.ufg.ru>), инвестиционная компания «Атон» (<http://www.aton.ru>), «Ренессанс Капитал» (<http://www.rencap.com>) и ряд других банков имеют как русскоязычные, так и англоязычные сайты различной направленности. Они регулярно рассматривают всевозможные сценарии развития российской экономики и отдельных ее составляющих как на основании собственного опыта в стране и в конкретной отрасли, так и в контексте мировых тенденций. Все перечисленные компании стремятся максимально объективно оценить тенденции российского рынка, но тем не менее зачастую рассматривают его с различных точек зрения.

В этой ситуации даже частичное изменение отношения к интернет-ресурсам в плане расширения объема предоставляемой информации, будь то в сжатом виде или в виде кратких резюме проведенных аналитических исследований, несомненно, позволит узнать много нового о возможностях бизнеса в России, особенно тем, кто изучает перспективы такого сотрудничества, находясь в других частях света. В свою очередь, частичное раскрытие важной экономической информации на сайтах инвестиционных компаний поможет потенциальным клиентам принять решение о дальнейшей платной подписке на соответствующие ресурсы и впоследствии приведет к установлению уже не виртуальных контактов. При этом прямыми бенефициариями окажутся все потенциальные получатели инвестиций в России включая как частные компании, так и общественные организации, а также будущих инвесторов, имеющих более широкий выбор вложения капитала и, следовательно, располагающих возможностью при-

нять наиболее обоснованные решения. Другими бенефициариями могут стать инвестиционные банки, размещающие часть исследований на своих сайтах, финансово-экономические порталы, а также компании, предоставляющие контент для данных порталов.

Примером подобного портала на российском рынке интернет-ресурсов может служить компания «Интернет Секьюритис» (<http://www.securities.com>), которая сформировалась в 1994 г. Ее центральный офис расположен в Нью-Йорке, и она имеет представительства в 18 странах, в том числе в России, Венгрии, Чехии, Польше и в ряде других стран «развивающегося рынка». Основной вид деятельности «Интернет Секьюритис» — предоставление новостей, финансовых данных об экономике «новых» для запада рынков, а также аналитической информации по отдельным, как правило, уже котирующимся на зарубежных фондовых биржах компаниям. В России к таковым относятся «ЛУКойл» (<http://www.lukoil.ru>), ЮКОС (<http://www.yukos.ru>), «Ростелеком» (<http://www.rt.ru>), «ВымпелКом» (<http://www.vimpelcom.com>) и ряд других. Предлагаемая на сайте информация, безусловно, платная, и основными клиентами являются инвестиционные компании, банки, присутствующие на локальном рынке. В дополнение к этому данные пакеты Интернет-ресурсов, посвященные экономике России (равно как и экономике других стран), активно продвигаются на рынки через головные офисы компаний в Лондоне и в Нью-Йорке.

Следует отметить, что своевременность и качество предоставляемой информации имеют решающее значение как для инвесторов, так и для банковских аналитиков. Что касается «Интернет Секьюритис», то в России в качестве источников новостной и финансовой информации она использует материалы «Коммерсанта», «Moscow Times», агентства «Прайм-Тасс» и др. Все эти материалы «Интернет Секьюритис» покупает у поставщика контента и затем, в свою очередь, перепродает клиентам как целый пакет. С одной стороны, вполне понятны интересы покупателей таких услуг, но, с другой стороны, те, кто уже работает на российском рынке продолжительное время, могут непосредственно обратиться к сайту <http://www.moscowtimes.ru> и получить там текущие статьи бесплатно. Конечно, основная часть предлагаемого пакета информации состоит из более глубоких аналитических материалов, приобретаемых у различных инвестиционных компаний, при этом некоторые из них предпочитают давать не самые последние результаты своих исследований, что снижает их ценность для потенциальных инвесторов. В любом

случае здесь мы имеем дело с так называемым «ссылочным» сайтом, где изначально не предполагается оригинальный контент или какая-либо интерактивность помимо продажи существующих пакетов информации. Это тем не менее имеет определенный смысл и «закрывает» существующую информационную нишу. Некоторые сайты добавляют рубрику под названием «полезные ссылки» или «интересные линки» (здесь «интересность» и «полезность» соответствующих ссылок определяет направленность сайта).

Так, Американская торговая палата (<http://www.amcham.ru>) представляет четко сфокусированный рубрикатор в разделе ссылок, где в числе бизнес-сайтов имеется линк, посвященный инвестиционным проектам в регионе. Фактически в настоящее время здесь представлен лишь один сайт (<http://www.investproject.ru>), где различные заинтересованные пользователи смогут отыскать подходящий проект и завязать нужный контакт. Этот сайт примечателен тем, что инвесторы имеют доступ как к краткому описанию предлагаемого проекта, так и к контактной информации по нему. К его недостаткам можно отнести то, что множество проектов в базе данных не прошли предварительного «сканирования» на предмет обоснования объема предполагаемых инвестиций и прочих параметров, т. е. практически любое предприятие имеет возможность интерактивно загрузить свою информацию на сайт, после чего общение происходит уже непосредственно с теми, кто откликнется. Кроме того, размер базы данных сайта относительно невелик, что объясняется недостаточной его «раскрученностью» на данном этапе.

Другим интернет-источником косвенной информации о российских инвестиционных проектах может служить сайт БИЗНИС (BISNIS) (<http://www.bisnis.doc.gov>), который также является ссылкой с сайта Американской торговой палаты. Называя этот источник косвенным, мы имеем в виду рубрику «поиск партнеров», которая предлагает к рассмотрению различные бизнес-предложения, такие, как покупка оборудования и получение управленческих консультаций, что, как правило, соседствует с необходимостью привлечения дополнительного финансирования, причем иногда в значительных объемах. Отличительная особенность базы данных инвестиционных проектов этого сайта по сравнению с базой (<http://www.investproject.ru>) очевидна: помимо упоминания общего направления деятельности и контактной информации о предприятии, заинтересованном в привлечении капитала, здесь приводится детальное описание наиболее существенных аспектов деятельности компании включая часть основ-

ных финансовых показателей, структуру корпоративного управления, позиционирование по отношению к ближайшим конкурентам. В дополнение к этому отражаются условия рынка производимой продукции, степень готовности бизнес-плана и главные направления маркетинговой стратегии, что значительно облегчает взаимопонимание и последующее взаимодействие с инвесторами и, таким образом, позволяет отслеживать и выбирать проекты с наименьшими потерями времени.

Интерес потенциальных инвесторов также привлекут российские интернет-ресурсы, посвященные финансовой, политической и экономической аналитике. К ним относятся «РосБизнесКонсалтинг» (<http://www.rbc.ru>), информационное агентство «Финмаркет» (<http://www.finmarket.ru>), новостное агентство РИА-Новости (<http://www.rian.ru>), агентства АК&М (<http://www.akm.ru>), «Прайм-ТАСС» (<http://www.prime-tass.ru>), «Интерфакс» (<http://www.interfax.ru>) и ИТАР-ТАСС (<http://www.itar-tass.com>). Что касается новостных агентств, то они являются широко известными брендами, в частности «Интерфакс» и ИТАР-ТАСС имеют устойчивую репутацию как в России, так и на Западе, и различия здесь в основном заключаются в объеме предоставляемой англоязычной информации и ценах на пакеты услуг. Аналитические материалы «Финмаркета» и «РосБизнесКонсалтинга» также можно сравнивать по глубине, объективности и широте охвата рассматриваемых проблем, при этом «Финмаркет» имеет тот явный недостаток, что до сих пор не осознал значения международных контактов в данной сфере и не принял решения о публикации материалов на английском языке. Хотя реализация такого проекта, несомненно, потребовала бы выделения дополнительных финансовых ресурсов.

Среди других русскоязычных финансовых порталов можно отметить сайт информационного агентства «МФД-Инфоцентр» (<http://www.mfd.ru>), предоставляющий клиентам продукт под названием «НетИнвестор», который позволяет брокерским компаниям реализовывать уникальный комплекс услуг по торговле ценными бумагами через Интернет. Сайт другого информационного агентства, АК&М (<http://www.akm.ru>), предлагает ряд документов в свободном доступе: «Макроэкономический мониторинг», «Экономическое обозрение недели» и др., а также, после предварительной регистрации, «Обзоры отраслей российской экономики», «Рейтинги активности на рынках акций». Особую важность приобретает известность «бренда» и его популярность на различных рынках капитала. Заслу-

живает внимания и один из развивающихся сайтов, запущенный Национальной ассоциацией участников фондового рынка (НАУФОР) с целью создания общедоступного механизма раскрытия информации о российских предприятиях СКРИН (<http://www.skrin.ru>). Здесь описание основных информационных продуктов, таких, как «Разовые обзоры предприятий» из базы данных СКРИН «Эмитент» и «Аналитика отраслей российской экономики», несомненно, соответствует потребностям инвестиционных институтов. Однако делать какие-либо выводы о «раскрученности» сайта и об итогах его успешного продвижения на рынке интернет-услуг пока преждевременно.

Принимая во внимание, что российский Интернет уступает западному как по количеству пользователей на душу населения, так и по качественному развитию сайтов, можно констатировать отсутствие российских аналогов таких широко известных интернет-ресурсов финансово-экономической направленности, как «Блумберг» (<http://www.bloomberg.com>), «Файненшл Таймс» (<http://www.ft.com>) или «Си-эн-эн Финансы» (<http://www.cnnfn.com>). В этой связи особого внимания заслуживает расширение деятельности на российском рынке международного информационно-аналитического агентства «Ройтерс» (<http://www.reuters.com/cis>), что свидетельствует о повышении интереса к отечественной экономике со стороны различных инвестиционных институтов как на Западе, так и на Востоке. Несмотря на то, что в настоящее время доля информационных ресурсов «Ройтерс» по России относительно невелика (70 различных агентств и СМИ по сравнению с 7 тыс. источников в целом по «Ройтерс»), можно заметить неуклонный рост продажи пакетов предлагаемых услуг, в том числе и существенной его части — через Интернет.

Что касается интернет-продуктов «Ройтерс» в России, то они представлены несколькими видами и включают в себя такие составляющие, как «Ройтерс Инвестор» (<http://www.about.reuters.com/cis/investor>), «Айскрин» (iScreen) или «Инфорејтер» (<http://www.iscreen.ru/inforeuters>), видео в онлайн-овом режиме (http://about.reuters.com/cis/video_online_ip.htm) и «Новости онлайн» (http://about.reuters.com/cis/online_ip.htm). Причем большая часть информации, предоставляемой через виртуальное видео и новости, относится не к России, но тем не менее представлена на русском языке, что призвано повысить интерес к потенциальным инвесторам со стороны локальных компаний, а также расширить и углубить их по-

нимание реалий мировой экономики. С другой стороны, продукт «Интерфрейтер» (который имеет бесплатную версию) представляет собой интерактивный обновляемый флеш-блок, содержащий последние данные с финансовых и товарных рынков и дающий возможность отслеживать состояние ряда российских фондовых индексов (таких, как РТС и пр.), стоимость акций российских «голубых фишек» и котировки цен на нефть и металлы. Пакет «Ройтерс Инвестор» интересен тем, что ориентирован как на мировые, так и на внутренние рынки, учитывает потребности тех, кому важна глубина информации по конкретным финансовым рынкам, и предлагает информационные пакеты как одной страны, так и нескольких стран вместе. Это позволяет сделать интересные сравнения между развитием экономики в России и в Восточной Европе или в странах Южной Америки по таким показателям, как рынки корпоративных ценных бумаг, денежный рынок и рынок капитала, сырьевой рынок и энергоносители, исторические данные по котировкам и объему и т. д. Особенно важно, что содержание предлагаемых информационных пакетов периодически обновляется и дополняется новыми инструментами, причем качество предоставляемой информации отвечает высоким требованиям международных стандартов и, следовательно, укрепляет доверие как уже существующих, так и потенциальных инвесторов.

Немаловажную для инвесторов информацию можно почерпнуть на сайтах российских рейтинговых агентств «Эксперт-РА» (<http://www.raexpert.ru>) и «ИА-Рейтингс» (EA-Ratings) (<http://www.ea-ratings.ru>). Оба агентства имеют относительно небольшую историю: «Эксперт-РА» создано в 1997 г. деловым журналом «Эксперт», а «ИА-Рейтингс» образовано в июле 1998 г. негосударственной некоммерческой организацией Фонд «Институт экономики города» (Москва). Свою стратегическую цель «Эксперт-РА» в настоящее время видит в оказании всесторонней информационно-аналитической поддержки компаниям, работающим на российском рынке. Однако стоит отметить, что значительная часть веб-ресурса агентства переведена на английский язык, что подразумевает некоторую направленность на взаимодействие с зарубежными партнерами.

«Эксперт-РА», несомненно, является одним из лидеров по выставлению рейтингов предприятиям российской промышленности, различным регионам, а также финансовым, аудиторским и страховым компаниям, причем большая часть материалов представлена на сайте в свободном доступе. Это относится к таким немаловажным разделам, как рейтинги инвестиционной привлекательности россий-

ских регионов за 2000—2001 гг., «Регионы с наименьшим инвестиционным риском» и пр. Другие материалы (различного рода бизнес-справочники по сегментам экономики) предлагаются на сайте в виде компакт-дисков уже за плату. Список клиентов «Эксперт-РА» весьма впечатляет и включает ряд известных компаний, банков, консалтинговых и аудиторских фирм: АКБ «Еврофинанс», «Кредит Свисс», Международный московский банк, Восточно-европейский инвестиционный банк, «ПрайсУотерхаусКуперс».

В отличие от «Эксперт-РА» агентство «ИА-Рейтингс», исторически и изначально предоставлявшее оценку кредитоспособности регионов, городов и муниципальных структур, а затем также корпоративных, финансовых и банковских институтов, использует иную методику и шкалу присвоения рейтингов (с которой можно ознакомиться на сайте). В то же время это агентство имеет несколько иной фокус интересов по сравнению «Эксперт-РА» и предоставляет в основном кредитные рейтинги. Кроме того, в отношении привлечения иностранных инвестиций «ИА-Рейтингс» имеет одно неоспоримое преимущество: до недавнего времени оно аффилировалось со всемирно известным агентством «Стандард Энд Пуэрс» (S&Ps — <http://www.standardandpoors.com>). С 13 декабря 2001 г. S&Ps стал крупнейшим его совладельцем и начинает представлять Российскую шкалу кредитного рейтинга. Сделка была завершена в начале 2002 г., после чего компания была переименована в «Standard & Poor's EA Ratings». Особая важность этого события обусловлена тем, что компания «Стандард Энд Пуэрс», основанная более 140 лет назад и имеющая сеть представительств в 18 странах мира, успела значительно укрепить свою репутацию мирового лидера в масштабах и качестве обслуживания инвесторов.

Несмотря на то, что сайт недавно сформированной компании находится в стадии реконструкции, он выглядит вполне информативно. В частности, несомненный интерес для заемщиков, инвесторов и кредиторов представляют такие рубрики, как «Преимущества получения кредитного рейтинга по российской шкале Стандард Энд Пуэрс», а также описание консалтинговых проектов и архив кредитных рейтингов. Следует отметить, что до недавнего времени на сайте компании превалировала информация о рейтингах кредитоспособности городов и муниципальных образований, в то время как корпоративные рейтинги были представлены в сжатом виде и в небольшом количестве. Это объясняется в первую очередь тем, что большая часть эмитентов не желала давать разрешение на публикацию в

Интернете своих невысоких рейтингов. Однако ситуация заметно меняется: снижаются страновые риски, кроме того, рейтинги отдельных компаний начали улучшаться, и многие компании постепенно осознают, что в интересах привлечения инвестора выгоднее опубликовать относительно невысокий рейтинг от известного рейтингового агентства, чем вообще никакого. При этом главными конкурентами «Стандарт Энд Пуэрс ИА-Рейтингс» являются два всемирно известных агентства: «Мудис» (Moody's — www.moody.com) и «Фитч» (Fitch IBCA, Duff & Phelps — www.bankwatch.com), также предоставляющие рейтинги по России. Отрадно отметить улучшение российских рейтингов в последнее время у всех трех рассматриваемых агентств; основное отличие между ними заключается в объеме раскрываемой информации и количестве оцениваемых объектов, и здесь преимущество пока остается за «Стандарт Энд Пуэрс». Кроме того, другие две компании не имеют офисов в Москве, что снижает их потенциал в расширении клиентской базы в России на ближайшую перспективу.

Среди официальной информации в Интернете, имеющей отношение к привлечению инвестиций, необходимо отметить сайты Правительства РФ (<http://www.government.ru>, <http://www.gov.ru>), Госдумы (<http://www.duma.ru>), Министерства финансов (<http://www.minfin.ru>), Центрального банка (<http://www.cbr.ru>), Госкомстата (<http://www.gks.ru>) и Федеральной комиссии по ценным бумагам (<http://www.fedcom.ru>). Любопытно, что большинство перечисленных сайтов имеют английскую версию (сайт Министерства финансов предлагает часть ключевых документов на английском языке) и предоставляют развернутую и надежную базу информации по основным тенденциям в российской экономике: росту промышленности, состоянию внутренней и внешней торговли, прогнозам инфляции и т. д. Государственный комитет по статистике если пока и не продает свои публикации через Интернет (такие, как ежеквартальный журнал «Статистическое обозрение», всевозможные статистические сборники и бюллетени, многие из которых являются двуязычными), то по крайней мере рекламирует их на сайте, что является очевидным шагом вперед. С точки зрения существующих и потенциальных инвесторов множество документов сайта Федеральной комиссии по ценным бумагам имеет большое значение. Предполагая интерес венчурных капиталистов к последующему «выходу из инвестиций», этот сайт не только дает замечательную возможность проследить за всеми изменениями на российском фондовом рынке (который представ-

ляет собой один из способов «выхода»), но и предлагает на рассмотрение документы аналитической направленности, помогающие лучше сориентироваться при принятии инвестиционных решений. К таким документам относятся: «Программа инвестиционного проектирования в России» (<http://www.fedcom.ru/invdev/index.htm>), «Перспективы единого фондового пространства стран — членов СНГ и стран с развивающимися рынками капитала», информационный бюллетень пресс-центра ФКЦБ России (<http://www.fedcom.ru/bulletin/index.htm>) и др.

В продолжение рассмотрения официальной информации хотелось бы уделить особое внимание сайту Государственной инвестиционной корпорации («Госинкора» — <http://www.gosincor.ru>). Ключевая миссия этой организации и ее стратегическая цель определяются повышением эффективности инвестиционного процесса в России и созданием необходимых условий для привлечения как отечественных, так и иностранных инвестиций. Структура сайта позволяет легко ориентироваться в информации, связанной с его инвестиционной, финансовой и консалтинговой деятельностью, региональными представительствами и зарубежными партнерами. Вместе с тем здесь явно не помешала бы некоторая интерактивность в виде форумов и дискуссионных групп, тем более что «Госинкор» наладил активное взаимодействие с 16 регионами и множеством зарубежных фирм и банков. Дискуссии, проводимые высококвалифицированными экспертами, позволят удержать внимание интернет-пользователей, расширить сфокусированную аудиторию как в нашей стране, так и за рубежом и тем самым будут способствовать эффективному решению задачи привлечения инвестиций в реальный сектор экономики России.

Это тем более актуально, так как ближайшие цели «Госинкора» на период до 2005 г. довольно масштабны и включают привлечение инвестиций в экономику страны на сумму не менее 3 млрд долл., выдачу поручительств и гарантий, обеспеченных соответствующими залогами и контргарантиями, на сумму не менее 500 млн долл. и получение прибыли в размере не менее 50 млн. При этом сказанное не подразумевает необходимости признания ведущей роли в этом процессе продвижения услуг «Госинкора» через Интернет, но вместе с тем очевидно, что таковая роль сегодня несколько недооценивается теми, кто руководит развитием виртуальной интерактивности. Вместе с тем, принимая во внимание заинтересованность участников инвестиционного процесса, соответствующий уровень по-

нимания финансовых вопросов со стороны существующей интернет-аудитории, а также профессионализм создателей сайта «Госинкора», можно заключить, что введение дополнительных функций по расширению виртуального взаимодействия с заинтересованными сторонами — задача вполне осуществимая и в перспективе сулящая значимый положительный эффект.

Возвращаясь к вопросу о порталах, непосредственно направленных на привлечение иностранных инвестиций, укажем на интересный пример недавно открывшегося сайта российско-американской консалтинговой компании «Голден Линк Интернешнл» (<http://www.gli.ru>). Она была создана в сентябре 2001 г. совместно с американским партнером «Голден Линк Солюшенс» (Golden Link Solutions, Inc.), важной целью которого является привлечение прямых американских инвестиций в российскую экономику. Созданные на данном этапе инвестиционные интернет-ресурсы <http://www.b2russia.ru> (русскоязычный) и <http://www.invest2russia.com> (англоязычный) отличаются профессиональным подходом к классификации соответствующих рубрик и подразделов. Содержание обоих сайтов отражает главные направления деятельности компании: сбор и систематизацию информации относительно российских инвестиционных проектов, предложений по продаже бизнеса в России, бизнес-предложений американских инвесторов, подбор оптимальных бизнес-партнеров в обеих странах, привлечение прямых американских инвестиций в российскую экономику, а также консалтинговое сопровождение инвестиционных проектов. Кроме того, на этих сайтах регулярно обновляются материалы по инвестиционной тематике: новостная лента, аналитика и обзор законодательной базы России.

Что касается наполненности сайтов компании и в частности базы данных предлагаемых для инвестирования проектов, то их количество сопоставимо с таковым на сайте <http://www.investproject.ru>, но с небольшим отличием, заключающемся в предварительном просмотре заявок соответствующим специалистом. В то же время этот ресурс пока что уступает сайту <http://www.bisnis.doc.gov> по полноте охваченных вопросов и проверке объективности показателей. Несмотря на то что русскоязычный и англоязычный порталы преследуют одну цель — разместить информацию о текущем состоянии российской экономики и наиболее значимых экономических и политических событиях, их инвестиционная аналитика различается. Если <http://www.b2russia.ru> приводит обзор выступлений государственных деятелей России и США, российско-американских отношений и

экономических тенденций преимущественно из российских источников, то <http://www.invest2russia.com> использует в большей мере западные СМИ (например, «Новости Файненшл Таймс») и аналитические обзоры исследовательских центров за рубежом (Никсон-центр, Институт Кеннана и др.). Вместе с тем предлагаемая на этих сайтах аналитика носит более общий характер и отличается по глубине от аналитики, предоставляемой такими инвестиционными банками и компаниями, как «Тройка Диалог», «Ренессанс Капитал», «Атон», «ЦентрИнвест». Тем не менее в целом материалы сайтов «Голден Линк Интернешнл», несомненно, призваны всемерно способствовать активизации инвестиционного процесса и формированию положительного имиджа российского предпринимательства в США.

Анализ состояния и уровня развития описанных порталов, а также сайтов различных инвестиционных институтов в России показывает, что наряду с заметными улучшениями в их деятельности отсутствует интерактивность, в большинстве случаев нет ни дискуссионных клубов, ни форумов, ни обмена мнениями по интересующим вопросам. Множество инвестиционных порталов на Западе и широта охватываемой экспертами тематики убеждают в необходимости повышать культуру ведения онлайн-дискуссий и более активно продвигать идеи многообразия инвестиционных возможностей. Некоторые виртуальные путеводители, например, <http://dmoz.org/Business/Investing>, позволяют находить как сайты широкой финансовой направленности (финансовые услуги, венчурный капитал, источники финансирования — <http://www.accesscapital.com>), так и сайты более специализированные (инвестиционные модели — <http://www.mountainviewanalytics.com>). В плане интерактивности интересен сайт <http://www.askme.com>, где предоставляется возможность задавать вопросы экспертам по широкому кругу инвестиционных проблем. При этом следует заметить, что в силу высокого уровня развития финансовые рынки США отличаются особой изощренностью и многообразием структур, что отражается в повышенной потребности развивать инвестиционные порталы. Это, однако, не означает, что предложение интерактивных ресурсов по инвестициям в России должно развиваться параллельно с ростом спроса на эту информацию, поскольку сайты подобной ориентации сами способны формировать спрос и активно на него воздействовать.

В недавнем прошлом банк «Ренессанс Капитал» (<http://www.гепсар.com>) стал одним из немногих в России, открывших инвести-

ционный форум на своем сайте, поэтому еще рано судить о его «раскрутке», популярности и продвижении на мировых интернет-просторах. Тем не менее из трех предложенных для рассмотрения тем — «Российский фондовый рынок», «Интернет-трейдинг» и «Комментарии по сайту и аналитике» — первая отличается наибольшей посещаемостью. Причем форумы на русском и английском языках идут не параллельно, и темы, обсуждаемые на них, часто не совпадают. Как и следовало ожидать, англоязычная версия является более «живой» благодаря подключению иностранных специалистов, работающих, по всей видимости, в России и уже успевших адаптироваться к ведению виртуальных дебатов у себя на родине. Вместе с тем именно англоязычные интернет-форумы по российской инвестиционной тематике призваны сыграть ведущую роль как в облегчении и углублении взаимопонимания относительно реалий секторов отечественной экономики со стороны западных инвесторов, так и в уяснении правил игры на западных рынках капитала местными производителями и предпринимателями. Потенциал «не подключенной» к виртуальным дебатам аудитории здесь довольно обширен, принимая во внимание большую неохваченную армию российских англоговорящих аналитиков, работающих во всевозможных инвестиционных структурах в России и за рубежом. В дополнение к этому с каждым годом растет число российских специалистов, получивших образование и опыт работы на Западе через различные спонсорские программы, что также представляет «качественную» аудиторию для инвестиционных интернет-ресурсов в плане ведения интерактивных дискуссий и возможности поделиться полученными знаниями и опытом. В целом для того, чтобы такая идея претворилась в жизнь и показала достойный пример для продолжения и расширения межнационального диалога по важным экономическим и политическим аспектам инвестиционных проблем, как всегда, необходимы инициатива, открытость и реклама по продвижению подобных сайтов.

В связи с этим помимо наличия инвестиционных порталов и других сайтов, содержащих экономическую информацию, немаловажна и возможность эффективной навигации в интернет-ресурсах, что непосредственно связано с качеством предлагаемых поисковых средств или интернет-справочников. Широко известны глобальные поисковые системы «Alta Vista», «Yahoo!», «Google» и пр., причем наибольший интерес для инвесторов и финансовых консультантов представляют специализированные интернет-инструменты по экономике: «Доу Джонс Бизнес Гайд» (Dow Jones Business Directo-

ry — <http://businessdirectory.dowjones.com>), «Хуверс Онлайн» (Hoover's Online — <http://www.hoovers.com>), «Эдгар Онлайн» (Edgar Online Wright Research Center — <http://profiles.wisi.com>) и ряд других. Что же касается навигации с помощью российских электронных справочников, то ведущими здесь являются @RUS (<http://www.atrus.ru>), «Лист.ру» (List.ru — <http://www.list.ru>), «Яндекс» (<http://www.yandex.ru>) и «Апорт» (<http://www.aport.ru>). При этом специализированные и отраслевые сайты, к сожалению, почти отсутствуют. Одним из немногочисленных примеров является «Каталог деловой информации» (<http://catalog.mbt.ru>) — интернет-справочник экономического профиля, до настоящего времени характеризующийся недостаточно высокой скоростью обновления материалов и зачастую вовсе не работающий по техническим причинам.

Недавнее исследование финансовых порталов Европы независимым американским агентством «Форрестер» (Forrester — <http://www.forrester.com> — Exploiting Finance Portals, May 2001) предсказывает, что, несмотря на текущее состояние невысокой прибыльности (если таковая вообще имеется) большинства контентных сайтов инвестиционной направленности, они окупят себя в недалекой перспективе, что приведет к переоценке их рыночной стоимости. Удивительным фактом является высокая популярность в Западной Европе финансовых порталов наряду с относительно низкой оценкой их стоимости. Вместе с тем популярность лидеров среди инвестиционных порталов колоссальна: например, суммарная посещаемость таких сайтов, как немецкие «ОнВиста» (OnVista — <http://www.onvista.de>) и «Финанцтреф» (Finanztreff — <http://lbbw.finanztreff.de>), а также французского портала «Бурсорама» (Boursorama — <http://www.boursorama.com>) превышает 80 млн просмотров веб-страниц и насчитывает более миллиона посетителей ежемесячно, что выше, чем у крупнейшего европейского виртуального банка «Нордеа» (Nordea — <http://www.nordea.com>). При этом трафик портала «ОнВиста» достигает 58 млн просмотров веб-страниц в месяц по сравнению с 28 млн наиболее часто посещаемого спортивного портала «Спорт 1» (Sport 1 — <http://www.sport1.de>). Тем не менее недостаточно высокая рыночная оценка инвестиционных порталов иногда даже приводит к их закрытию (пример — закрытие английского портала TheStreet.co.uk) вследствие финансовых трудностей.

Очевидно, что для аналогичных российских порталов такая проблема отнюдь не является чуждой, причем бизнес-модели этих порталов будут практически совпадать с рассматриваемыми примерами

в Западной Европе и в основном также сведутся к генерированию доходов от рекламы и получению комиссионных от продажи финансовых услуг через Интернет. Существенным фактором при выборе инвестиционного портала для размещения рекламы финансовыми структурами и всевозможными страховыми агентствами, как правило, служит трафик сайта и «качество» привлекаемой аудитории, т. е. ее специфический профиль и сфокусированная восприимчивость к предлагаемым продуктам и услугам. По результатам того же исследования ожидается, что количество финансовых фирм, осуществляющих маркетинг через подобные порталы в нескольких странах Европы (трех и более) одновременно, возрастет к 2003 г. более чем вдвое. Поэтому, с учетом высоких темпов развития этого процесса, для российских инвестиционных порталов становится весьма актуальной задача ускоренного продвижения на рынок и параллельно с этим подготовки к возможной интеграции с существующими игроками в западном киберпространстве.

Примечательно, что из 40 опрошенных в ходе исследования финансовых институтов 65% верят в «полезность» инвестиционных порталов и лишь 10% видят в них потенциальную угрозу. Помимо прочего высоко ценится способность финансовых сайтов «удерживать» узко сфокусированную аудиторию благодаря интерактивной функциональности: чатам, дискуссионным клубам, форумам и т. д. К явным недосмотрам со стороны финансовых компаний в плане использования инвестиционных порталов относится недооценка их возможностей: они продолжают лимитировать свое участие установкой собственных рекламных баннеров, зачастую игнорируя функции порталов как финансово-экономических директорий, поисковых систем и посредников между банками и их потенциальными клиентами. Особая значимость и привлекательность таких порталов состоит в их специализации по определенным функциям — финансовому обучению клиентов в сфере инвестиционных услуг на рынке, раскрытию возможностей различных инвестиционных компаний, предлагающих эти услуги, предоставлению возможности делать самостоятельные сравнения и выбирать наиболее выгодные предложения. Как уже отмечалось, инвестиционные компании в России могли бы заметно улучшить узнаваемость своих «брендов», предоставляя порталам, как российским, так и тем более зарубежным, контент проведенных исследований (развернутый или хотя бы сжатый), поскольку очевидно, что сейчас мало кому на Западе известны такие банки, как «Тройка Диалог», «Ренессанс Капитал» и Объединенная финансовая груп-

па. Хотя это может показаться странным, прецеденты уже имеют место в западной практике: так, «Кредит Свисс» (Credit Suisse — <http://www.csfb.com>) публикует на страницах европейского портала «МаниСентрал» (MoneyCentral — <http://moneycentral.msn.com>) образцы своих исследований по конкретным компаниям и отраслям.

В заключение остановимся на вопросах оценки стоимости интернет-компаний в России включая инвестиционные порталы, так как успешное финансирование этих сайтов напрямую влияет на их дальнейшее развитие и совершенствование. Как известно, западные венчурные фонды, а также некоторые зарубежные компании, работающие в России, являются одними из основных источников финансирования российского Интернета. Так, инвестиционная компания «РуНет Холдингс» (Ru-Net Holdings — <http://www.davai.ru/runet.html>), стратегическими партнерами которой являются «Беаринг Восток» (Baring Vostok Capital Partners — <http://www.bvcp.ru>), Объединенная финансовая группа (United Financial Group — <http://www.ufg.com>) и американская венчурная компания «Рекс Капитал» (Rex Capital — <http://www.rexcapital.com>), имея первоначальный фонд в 20 млн долл., уже профинансировала ряд российских интернет-компаний включая «Озон» (<http://www.davai.ru/companies>), «Яндекс» (<http://www.yandex.ru>) и др. Помимо этого компания «Дельта Капитал» (<http://www.deltacap.ru>), осуществляющая капиталовложения через инвестиционный фонд «США — Россия», также участвовала в финансировании одного из ведущих российских порталов «ПортРу» (<http://www.port.ru>). Имеется и ряд других примеров.

Поскольку в России в отличие от Запада отсутствуют «публичные» интернет-компании, т. е. те, чьи акции открыто продаются на фондовой бирже, оценка «справедливой» стоимости — весьма непростая задача. Одним из подходов здесь может явиться сравнение цен, уплаченных частными инвесторами при покупке интернет-компаний в России в недавнем прошлом. Частично подобную информацию можно извлечь из публикаций в СМИ, хотя очевидно, что большинство реальных цен конфиденциально и не афишируется ни продавцами, ни покупателями. Другим распространенным подходом к сравнительной оценке интернет-компаний служит метод финансовых множителей: отношение стоимости аналогичных компаний к их годовым доходам, к прибыли или к количеству постоянных пользователей. Помимо этого можно принять за основу рыночную стоимость интернет-компаний сходного профиля и объема за рубежом, а затем

продисконтировать их среднюю цену, исходя из определенных экономических посылок, чтобы иметь некоторую основу для переговоров с потенциальным инвестором. В любом случае наряду с попытками оценить стоимость порталов, построенных на использовании количественных параметров (трафика и уровня полученных доходов), первостепенное значение имеет также наличие сильного управленческого персонала и убедительной бизнес-модели, раскрывающей возможности поступательного развития и прогнозирующей рост доходов от предлагаемых услуг. Поэтому при объективном подходе к вопросам своего формирования, развития и совершенствования инвестиционные порталы России имеют все шансы, чтобы получить необходимое финансирование и впоследствии занять достойное место в быстро растущем международном киберпространстве.

В целом можно констатировать недостаточное количество инвестиционных порталов, посвященных привлечению иностранного и отечественного капитала в реальный сектор экономики России. Вместе с тем из имеющихся в настоящее время интернет-ресурсов наиболее близкое отношение к инвестиционной тематике, представленной на должном уровне, можно найти на некоторых сайтах «большой пятерки» (прежде всего компании «Эрнст Энд Янг»), а также на сайтах ведущих инвестиционных банков («Ренессанс Капитал», Объединенная финансовая группа, «Тройка Диалог» и др.). Однако за крайне редкими исключениями практически отсутствует свободный доступ к аналитическим материалам международного стандарта как по отраслям промышленности, так и по отдельным предприятиям. Поэтому было бы желательно открытие «нейтральных» интернет-ресурсов, раскрывающих инвестиционные возможности и перспективы развития российских предприятий и охватывающих информационные источники различных финансовых структур, при этом не представляя интересы какого-либо одного финансового института. Вдобавок к этому, помимо краткого содержания исследований по конкретным предприятиям и отраслям экономики, будет небезынтересно представить и ряд материалов по анализу рейтингов российских регионов и компаний, статистике рынка и современным тенденциям его развития в разрезе отраслей промышленности, а также инфраструктуры включая транспорт, финансовые услуги и т. д.

Представляется крайне важным использование инвестиционных порталов в образовательных целях и в обучении интернет-аудитории с помощью интерактивных методов относительно многообразия инвестиционных возможностей и практических подходов к их реали-

зации. Расширение такой сфокусированной аудитории позволит прояснить понимание реалий инвестиционных сделок и тем самым ускорить продвижение бизнес-проектов на местном рынке. Следуя примеру американских сайтов, таких, как <http://www.vault.com>, предлагающих множество учебных пособий по бизнес-тематике в свободном доступе, было бы хорошо сформировать соответствующие рубрики, позволяющие отыскивать необходимые источники финансовой информации по ключевым фразам и затем находить развернутые документы или справочники непосредственно на сайте. В другом случае, если пользователю требуются более подробные выкладки или он заинтересован углубить свои знания по тем или иным инвестиционным проблемам, возможно, будет очень кстати предложить список литературы, загружаемой через сайт или приобретаемой через установленные каналы сбыта. Например, путеводители для начинающих, раскрывающие такие понятия, как инвестиционные банки и их отличие от коммерческих, управление активами, рынок ценных бумаг, инвестиции с фиксированным доходом и венчурное финансирование, помогут не только студентам экономических и финансовых вузов, но и широкому кругу предпринимателей, предполагающих расширить свою производственную деятельность и рассматривающих различные варианты привлечения средств.

В плане интерактивности очень хотелось бы увидеть в ближайшем будущем некоторое подобие вышеупомянутого сайта <http://www.askme.com>, «пересаженного» на русскую почву. Главная притягательная сила такого ресурса заключается в наличии высококвалифицированных экспертов, отвечающих на вопросы пользователей по различным направлениям деятельности предприятий. Соответственно качество онлайн-дискуссий находится на очень высоком уровне, что не может не пробудить любопытство работников различных компаний и секторов экономики и в конечном счете приведет к повышению их изобретательности, а затем и производительности. Например, в категории «бизнес» пользователь может не только задавать вопросы конкретному эксперту, но и просматривать материалы уже состоявшейся дискуссии на интересующую его тематику. При этом зачастую задаются вопросы повышенной сложности, затрагивающие проблемы оценки стоимости компаний в процессе получения инвестиций, различные юридические аспекты финансовых сделок, а также ожидаемые размеры возврата на привлеченный капитал в зависимости от масштаба и рода деятельности предприятия. Если говорить о развитии российского обучающего портала

инвестиционной направленности, то вполне обоснованным представляется привлечение в качестве экспертов в том числе и иностранных специалистов. Что касается дополнительных затрат, связанных с переводом на русский язык, то они не будут такими уж значительными, принимая во внимание большие преимущества, выражающиеся в продвижении бренда представляемого финансового учреждения и росте его популярности среди существующих и потенциальных клиентов.

Одним из важных направлений деятельности инвестиционных порталов является охват аудитории как со стороны представителей компаний и проектов, так и со стороны инвесторов. В этой связи одним из способов сведения заинтересованных сторон на едином сайте и установления плодотворных контактов было бы установление рубрики текущих и уже прошедших в течение года конференций, посвященных вопросам инвестирования. Здесь было бы уместно использовать материалы форумов и симпозиумов, проходящих не только в России, но и за рубежом, причем число таких мероприятий неуклонно возрастает, равно как и повышается уровень их проведения. Примером может служить ближайшая конференция в Женеве «Российский бизнес в новых условиях: глобальные перспективы и реальные инвестиции» (<http://www.geneva.rbc.ru>). При этом также целесообразно использовать ряд функций, аналогичных тем, которые представлены на профессиональных сайтах по проведению конференций, например, <http://www.smi-online.co.uk>, а именно предоставление возможности заказать и купить тексты презентаций спикеров, видеокассеты и прочие документы, а также опубликовать свои статьи, сходные по тематике с рассматриваемыми на конференции проблемами. Все это позволит оживить и активизировать диалог в международном киберпространстве, улучшить инвестиционный климат в России и ускорить продвижение на рынок наиболее передовых инвестиционных проектов.

Развитие электронных библиотек: мировой и российский опыт, проблемы, перспективы

Евгений Горный, Константин Вигурский

Введение

Развитие и широкое внедрение информационных технологий оказывает трансформирующее воздействие на все области современной жизни включая сферы экономики, власти, науки и образования. Для характеристики нового общественного строя, в котором главной ценностью являются информация и знание, используются такие эпитеты, как посткапиталистическое, постэкономическое, постиндустриальное, информационное, информациональное общество, общество знания и т. п. [14; 15; 19]. Несмотря на концептуальные различия, стоящие за этими определениями, общим является тот факт, что информация и знание становятся определяющим экономическим фактором, а также важнейшим национальным ресурсом, который в определенном смысле подобен недрам, воде, лесам и т. п. [38; 42] и который в значительной степени определяет благосостояние государства. Сохранение, развитие и рациональное использование национального информационного ресурса является задачей государственного значения.

Национальный информационный ресурс складывается из двух составляющих: традиционной (рукописные и печатные материалы, живопись, скульптура, архитектура, аудиозаписи, фотографии, кино- и видеофильмы и т. п.) и электронной (любые информационные объекты в цифровой форме). Различие между этими двумя состав-

ляющими состоит не только в способе представления информации, но и в стратегиях ее хранения, распространения и модификации.

Сохранение и использование рукописных, печатных и иных документов традиционного типа достаточно хорошо освоено в ходе исследовательской и практической работы многих поколений специалистов. Но очевидно, что объемы информации, хранящейся в традиционной форме, делают все более затруднительной эффективную работу с ней — хранение, распространение, поиски, учет и т. п. Решение этой фундаментальной проблемы лежит на пути использования современных средств вычислительной техники и информационных технологий и теснейшим образом связано с переводом хранимой информации в электронную форму.

Хотя отмеченные составляющие информационного ресурса развиваются параллельно, в перспективе вся наиболее значимая часть традиционной составляющей будет, безусловно, представлена и в электронной форме. С другой стороны, в последние десятилетия наблюдается стремительный рост объема информации, существующей только в электронной форме или создаваемой в этой форме изначально для последующего выпуска печатных, аудио-, видео- и прочих изданий. В России (не самой передовой стране в области информационной индустрии) объем информации, содержащейся только в официально зарегистрированных базах данных, превышает весь объем информации, хранимой в Российской государственной библиотеке. Общее число баз данных у организаций, проходивших в 1996 г. обследование Госкомстата, составило почти 800 тыс., в том числе около 400 тыс. собственного производства. Общий объем всех баз данных составил свыше 15 Тб (для собственных баз данных общий объем — свыше 5 Тб). Количество электронных документов, доступных через Интернет, оценивалось в 2000 г. в 300 млн, а к концу 2001 г. это число достигло 3 млрд [33]. Проиндексированный объем российского сегмента Интернета, по данным «Яндекса», составлял в июне 2001 г. около 650 Гб, а в марте 2002 г. достиг 1 Тб [20].

В настоящее время электронная форма позволяет хранить информацию наиболее надежно и компактно, распространять ее намного оперативнее и шире, а кроме того, предоставляет возможности манипулирования с ней, которых не могло быть при иных формах. Таким образом, представление информации в электронной форме: создание электронных документов, организация ее в виде электронных изданий (ЭИ), разнообразных электронных коллекций и электронных библиотек (ЭБ) — не дань моде, а насущная необходимость.

Роль ЭБ в условиях информационного общества трудно переоценить. «Обеспечение публичного (в том числе удаленного) доступа пользователей к информационным ресурсам стало одной из первоочередных задач обслуживания науки, культуры и образования» [12]. Очевидно, что эта задача имеет общенациональное и, шире, общечеловеческое значение и как таковая требует стратегического планирования, значительных инвестиций и объединения усилий многих специалистов, как практиков, так и теоретиков.

Мы рассмотрим ряд принципиальных вопросов, касающихся создания и развития электронных библиотек, имея в виду прежде всего необходимость полноценного вхождения России в информационную эпоху, что представляется невозможным без развития собственных информационных ресурсов и технологий, одной из важнейших форм которых являются ЭБ. Вначале мы вкратце обсудим специфику ЭБ в сравнении с прочими информационными системами. Затем рассмотрим основные определения и термины, используемые в этой области, проанализируем основные подходы к пониманию ЭБ и предложим целостную концепцию функциональной структуры ЭБ, введя необходимую терминологию. Далее мы проследим историю развития ЭБ в мире, затронув такие вопросы, как типология производителей электронного содержания, авторское право, соотношение платного и бесплатного доступа. После этого мы остановимся на том, что было к настоящему времени сделано в области ЭБ в России; обсудим возникающие здесь трудности и проблемы и наметим возможные пути их разрешения.

Место электронных библиотек среди других информационных систем

Очевидный путь повышения эффективности использования электронной информации — создание соответствующих информационных систем, способных надежно сохранять информацию и обеспечивать ее целенаправленное использование.

Под целенаправленным использованием прежде всего понимается:

- адекватность воспроизведения информации, не зависящая от средств реализации;
- удобные процедуры копирования и передачи информации;
- возможность проведения разнообразных и качественных информационных поисков;

наличие простых и эффективных средств навигации в доступном пользователю информационном пространстве.

В соответствии с поставленными задачами эти информационные системы представляют собой, как правило, достаточно сложные комплексы, включающие программные, аппаратные, технологические, организационные и другие составляющие.

К числу таких ИС можно отнести:

системы, оперирующие с документальной информацией:

коллекции электронных документов различных видов на веб-сайтах;

электронные издания;

электронные библиотеки;

системы, оперирующие с потоками данных:

транспортные системы;

экономические системы;

системы управления производством;

системы статистических данных и т. п.;

системы комбинированного типа:

системы делопроизводства;

геоинформационные системы и др.

Количество таких систем, разработанных только за последние годы, достаточно велико. Наиболее новым и интенсивно развивающимся видом информационных систем являются ЭИ и ЭБ. Более того, можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что системы документальной информации будут занимать все более значимое положение в информационном мире. Это утверждение обусловлено рядом причин, среди которых стоит выделить две. Первая заключается в том, что представлять данные в виде документов привычнее и понятнее, чем в иных формах, например, как реляционные таблицы. Реляционная таблица — в лучшем случае отдельный фрагмент документа. Манипулировать данными с использованием такой естественной для человека (но логически избыточной!) сущности, как «связь», также привычнее и понятнее, чем со ссылочными ключами, которые в реальных документах встречаются редко [5]. Вторая причина связана со все более широким использованием языков разметки, в частности SGML-подобных языков. Создание в последние годы языка разметки XML и целого класса связанных с ним спецификаций и программных средств позволяет говорить о возникновении XML-технологии. Эта технология содержит в себе возможности представления и манипулирования данными, которые могут ока-

заться вполне конкурентоспособными возможностями реляционных систем управления базами данных.

Естественно, что ЭИ и ЭБ для выполнения своих функций фактически должны реализовываться в виде некоторых информационных систем, отличительным свойством которых является длительное хранение и использование информации, в частности ее распространение. Информационные же системы, работающие с динамической информацией, а также информационные системы, накапливающие информацию, но не предполагающие ее распространение (системы архивного типа), не могут быть отнесены к рассматриваемому классу (подробнее см. [6]).

Определения и термины

Область деятельности, связанная с ЭИ и ЭБ, является достаточно новой и поэтому еще не имеет устойчивой терминологии. Кажется, впервые этот вопрос подробно рассматривал Ф. Ланкастер в начале 80-х годов [37]. Однако его работы имели в определенной степени футурологический характер.

Существенное развитие работы по ЭБ получили на рубеже 80-х и 90-х годов, когда появились адекватные средства вычислительной техники и информационные технологии, обеспечивающие надежное сохранение, оперативную обработку и эффективное использование больших массивов разнородной информации, прежде всего текстовой. Именно в это время в ряде стран стали подготавливаться проекты ЭБ. В процессе этих работ стало конкретизироваться понятие «электронная библиотека», стали определяться и уточняться ее цели, задачи и функции, что однако, не привело еще к однозначной трактовке проблемы. Так, в качестве синонимов для понятия «электронная библиотека» можно встретить такие словосочетания, как «цифровая библиотека» (*digital library* — наиболее распространенный термин в западной литературе) и «виртуальная библиотека» (*virtual library*). Сложность определений в этой области и разнообразие мнений показала и Вторая Всероссийская научная конференция «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции», проходившая в сентябре 2000 г. [27].

Уточнение терминологии в рассматриваемой области деятельности является совершенно необходимым. Понятие «электронные библиотеки» используют в специальных работах и популярных статьях. Отчасти его употребление обоснованно, отчасти это дань моде.

Нечто подобное происходило с понятием «база данных». «Электронные библиотеки», как и «электронные издания» и другие подобные выражения, появляются в различных контекстах и практически всегда либо без определений, либо с определениями, вряд ли проясняющими суть.

Наиболее распространенные представления об ЭБ можно объединить в три группы:

- автоматизация традиционных библиотек;
- использование баз данных в Интернете;
- коллекции какой угодно информации, лишь бы в электронной форме и в Сети.

Эти представления вряд ли можно признать правильными, хотя они отнюдь не бесполезны и связаны с существом проблемы.

В первом случае предполагается, что ЭБ либо является частью традиционной библиотеки в современных условиях, либо полностью совпадает со средствами автоматизации этих библиотек. Возражения против такого подхода можно свести к двум утверждениям. Во-первых, основным объектом деятельности традиционных библиотек являются печатные издания со всей присущей им спецификой хранения, обработки и использования. ЭБ, в свою очередь, аккумулируют электронную информацию, представленную в виде совокупностей данных или электронных документов. Эта информация по способам организации, описания, хранения, по технологии подготовки и использования, по применяемым средствам существенно отличается от печатной. Даже в тех случаях, когда речь идет о представлении в электронной форме печатных изданий, различие весьма ощутимо. Во-вторых, вряд ли можно согласиться с мнением некоторых библиотечных работников, что их учреждения являются единственными и всеохватывающими системами хранения и распространения информации. Из сказанного не следует, что в рамках традиционных библиотек не следует создавать ЭБ. Сочетание различных форм обслуживания на базе различных фондов, как традиционных, так и электронных, может дать большой положительный эффект. Нужно только не забывать, что это, несмотря на сходство, разные сущности. Вместе с тем совершенно очевидно, что опыт, накопленный традиционными библиотеками, должен в полной мере учитываться при проектировании и эксплуатации ЭБ.

Второе представление об ЭБ связано с базами данных и доступом к ним через Интернет. В последнее время любую базу данных часто начинают рассматривать как ЭБ. Принятие такого представ-

ления существенно сужает понятие ЭБ, превращая его фактически в новое обозначение уже известных сущностей. Упор в этом случае делается на программные и технические вопросы, в частности на масштабируемость, распределенность и интероперабельность. Бесспорно, эти вопросы должны занимать значительное место в проблеме ЭБ, однако ими она далеко не исчерпывается. С другой стороны, при таком подходе остаются в тени или вовсе игнорируются вопросы информационного содержания, например, что является основным информационным объектом, как работать с объектами, изменяющимися во времени, как их описывать и т. п.

Представление об ЭБ просто как о коллекции каких угодно информационных объектов выхолащивает это понятие, лишает его системности. Уместно провести следующую аналогию — не всякое собрание или коллекция книг может рассматриваться как библиотека. При таком подходе, как правило, забывают о точно определенной стратегии формирования и развития информационного фонда, о каталогизации и описании информационных объектов и ряде других вопросов. Несомненно, любая ЭБ является коллекцией информационных объектов, однако обратное неверно, а именно это декларируется в рассматриваемом представлении. Кроме того, при таком понимании ЭБ оказывается неким гибридным, недифференцированным понятием, покрывающим множество разнородных явлений. К ним относят как собрания любых материалов в электронной форме, так и перечни гиперссылок на такие собрания или материалы.

Тенденция применять термин «электронная библиотека» к собранию материалов любого типа могла бы быть правомерной при условии дифференциации самих этих типов. Например, можно было бы оставить название «библиотека» лишь для тех коллекций, которые содержат преимущественно текстовые материалы — неважно, в виде ли простого или размеченного текста либо в виде графических файлов, представляющих собой постранично сканированные книги и иные печатные материалы. Тогда к собраниям другого типа можно было бы прилагать более специфические обозначения: аудиотека (для аудиозаписей), видеотека (для кино- и видеодокументов), пинаотека (для изображений), медиатека (для любых нетекстовых материалов). Реализация этого подхода, однако, сталкивается с серьезными трудностями, вызванными тем обстоятельством, что в электронной среде традиционная типология по материалу перестает работать, поскольку на первый план выдвигается понятие мультимедийности, когда в рамках отдельного документа или среды в целом объединяются и смешиваются

материалы разных типов (текст, изображение, звук, видео и т. д.). Кроме того, разделение по материалу утрачивает смысл и по той причине, что практически к любому электронному объекту могут прилагаться одни и те же методы редактирования/модификации (копирование, вставка, морфинг и т. п.) [40].

Итак, в настоящее время не существует единого понимания, что такое ЭБ. Чтобы показать спектр мнений по этому вопросу, приведем дюжину наиболее конструктивных определений понятия «электронная библиотека», взятых из западной и отечественной специальной литературы.

1. [Цифровая библиотека — это:]

управление ресурсами посредством компьютера;

возможность связывать поставщика информации с потребителем информации через электронные каналы;

возможность для сотрудников выступать в качестве посредников в электронном взаимодействии, когда поступает запрос от пользователя;

возможность хранить, организовывать и передавать информацию к потребителю через электронные каналы.

(Dowlin K. The Electronic Library. — S. l., 1984)

2. Цифровые библиотеки — это набор электронных ресурсов и сопутствующих технических возможностей для создания, поиска и использования информации. В этом смысле они являются продолжением и расширением систем хранения и извлечения информации, имеющих дело с цифровыми данными любого типа (текст, изображения, звуки; статические или динамические изображения) и существующих в распределенных сетях. Содержание электронных библиотек включает в себя данные, метаданные, описывающие различные аспекты данных (например, тип репрезентации, создатель, владелец, права на воспроизведение), а также метаданные, состоящие из связей или отношений к другим данным или метаданным, неважно, носят они внутренний или внешний характер относительно электронной библиотеки.

(1996 UCLA-NSF Social Aspects of Digital Libraries Workshop)

3. Электронная библиотека — это база данных, содержащая цифровые информационные объекты в различных форматах, предоставляющая непосредственный доступ сообществу пользователей и обладающая следующими дополнительными характеристиками:

универсальный инструмент доступа (например, каталог) дает возможность поиска и получения информации по всей базе данных;

имеются организованные технические процедуры, посредством которых библиотечные специалисты добавляют объекты в базу данных или удаляют их согласно внятной и понятной политике формирования фондов.

(*Graham P. Rutgers University Libraries.* — S. l., 1997)

4. Электронная библиотека — понятие, обладающее разным значением в разных сообществах. Для инженерного и компьютерного сообщества электронная библиотека — это метафора новых видов услуг распределенных баз данных, управляющих неструктурированными мультимедийными данными. Для политического и делового сообщества этот термин обозначает новый рынок мировых информационных ресурсов и услуг. Для футуристических сообществ электронные библиотеки — это проявление уэллсовского Мирового Мозга.

(*Marchionini G. Research and Development in Digital Libraries.* — S. l., 1998)

5. Цифровые библиотеки — это сложные системы данных/информации/знания (далее — информации), которые помогают: удовлетворять информационные потребности пользователей (общества), предоставлять информационные услуги (сценарии), организовывать информацию таким образом, чтобы ее было удобно использовать (структуры), управлять местонахождением информации (пространства) и осуществлять передачу информации пользователям и их посредникам (потоки).

(*E. A. Fox, 1999*)

6. Работа электронной библиотеки осуществляется в сложно организованном контексте, который задают четыре измерения: общество, технология, услуги и содержание.

(*Marchionini G., Fox E. A. Progress toward digital libraries: augmentation through integration.* — S. l., 1999)

7. Электронные библиотеки — это организации, предоставляющие ресурсы включая обслуживающий персонал для отбора, структурирования, интеллектуального доступа, истолкования, сохранения целостности и обеспечения длительного функционирования собраний цифровых работ с тем, чтобы они были легко и экономично доступны для использования определенным сообществом или набором сообществ.

(*Digital Library Federation*)

Определения 1—7 приведены по [32] в переводе авторов настоящей статьи.

8. Информационное определение ЭБ: управляемая коллекция информации в совокупности с соответствующими сервисами, причем информация хранится в цифровых форматах и доступна по сети. [29]

9. ЭБ есть совокупность распределенных информационных ресурсов, объединенных единым интерфейсом и состоящее из:

1. Модуля администрирования
2. Аппаратно-программного комплекса
3. Содержательных ресурсов: — реферативных БД — средств анализа рефератов — доступа к полным текстам документов — гиперссылок на другие ресурсы Интернет.

[21]

10. «Электронная библиотека» — аппаратно-программный комплекс с широким спектром возможностей в области поиска и предоставления необходимой информации. Электронная библиотека (ЭБ), или цифровая библиотека — вид информационных систем, в котором документы хранятся и могут использоваться в машиночитаемой («электронной») форме, причем программными средствами обеспечивается единый интерфейс доступа к электронным документам, содержащим тексты и изображения. База данных ЭБ может состоять из различного вида электронных коллекций документов. В принципе, в современной электронной библиотеке может обеспечиваться доступ не только к собственным электронным ресурсам, но и к ресурсам сторонних организаций, также обладающих соответствующими программными средствами, в том числе — сетевыми протоколами. В данном случае речь идет о виртуальной библиотеке.

[7]

11. Электронная библиотека — документальная автоматизированная информационная система, в которой документы (статьи, монографии, отчеты, рефераты и т. п.) хранятся, как правило, в полнотекстовом виде на электронных машинных носителях и могут предоставляться пользователям по их запросам в автоматизированную систему также в электронной форме, например, путем передачи текстов этих документов по электронной почте.

[16]

12. Электронная библиотека — это комплекс взаимосвязанных гетерогенных массивов информации и средств, обеспечивающих доступ пользователей к этим массивам, в функционально и организационно однородной среде.

[8]

Не вступая в полемику с авторами приведенных определений, хочется отметить то общее, что присутствует в большинстве из них: ЭБ предназначены для хранения информации различных видов, прежде всего текстовой, и реализуются в виде сложных информационных систем, возможно, распределенных и обладающих унифицированным интерфейсом.

Приведем более детальное и, как нам кажется, более адекватное определение, предложенное одним из авторов настоящей статьи [2]: «*Электронная библиотека (ЭБ)* — информационная система, позволяющая надежно сохранять и эффективно использовать разнообразные коллекции электронных документов (текстовых, изобразительных, звуковых, видео и др.), локализованных в самой системе, а также доступных ей через телекоммуникационные сети. Основные задачи ЭБ — *интеграция* информационных ресурсов и *эффективная навигация* в них».

Под интеграцией информационных ресурсов понимается их объединение с целью использования (с помощью удобных и унифицированных пользовательских интерфейсов, желательно одного) различной информации с сохранением ее свойств, особенностей представления и пользовательских возможностей манипулирования с ней. При этом объединение ресурсов не обязательно должно осуществляться физически, оно может быть виртуальным, главное — оно должно обеспечивать пользователю восприятие доступной информации как единого информационного пространства. В частности предполагается, что ЭБ должны обеспечивать работу с гетерогенными БД или системами БД, обеспечивая пользователю эффективность информационных поисков независимо от особенностей конкретных информационных систем, к которым осуществляется доступ.

Под эффективной навигацией в ЭБ понимается возможность для пользователя находить интересующую его информацию с наибольшей полнотой и точностью при наименьших затратах усилий во всем доступном информационном пространстве. При таком подходе хорошо известные информационные поиски, используемые в информационных системах и базах данных, являются частными случаями навигационных средств.

Очевидно, как и в случае электронных изданий (ЭИ), информационные системы ЭБ должны быть полнотекстовыми, с мощными средствами информационных поисков. Однако если ЭИ выпускается как законченный продукт, то в ЭБ должны быть предусмотрены возможно-

сти ввода или удаления информационных объектов, их интеграции, реструктуризации и других подобных операций. Необходимо подчеркнуть, что эти возможности должны распространяться в основном (а возможно, и только) на информационные объекты, например на электронные документы, а не на содержащуюся в них информацию.

Далее, к основным особенностям ЭБ также относятся:

профильность хранимой информации, т. е. наличие определенной концепции формирования информационного пространства, доступного пользователю, и политики ее реализации;

инвентаризация, в частности каталогизация (в самом широком смысле) объектов и различных их объединений, образующих это информационное пространство.

На концепцию ЭИ и ЭБ, а также на их программное обеспечение существенное влияние оказывают требования, связанные с представлением и возможностью использования информации.

Все информационное пространство ЭИ или ЭБ, доступное пользователю, должно быть представлено в виде совокупности самостоятельных объектов. В качестве таковых во многих случаях могут выступать электронные документы. Под *электронным документом* понимается законченное произведение, представленное на машиночитаемом носителе, имеющее автора и допускающее однозначную идентификацию.

Информационные объекты могут представлять собой текстовые произведения, изображения, фонограммы, базы данных или их фрагменты и т. д. Организация информационного пространства как совокупности объектов и однозначная идентификация последних необходимы для обеспечения эффективной навигации и выполнения некоторых видов информационных поисков. В качестве основы такой идентификации может выступать библиографическое описание объекта, поскольку основную часть фонда будут составлять документы, допускающие стандартную библиографическую обработку.

Очерк развития электронных библиотек

Принцип, лежащий в основе электронных библиотек, можно возвести к глубокой древности. Некоторые называют этот принцип александрийским — по названию Александрийской библиотеки. Суть его состоит в том, что зафиксированная информация хранится в виде одного материального объекта (документа) в одном месте, все желающие имеют к ней доступ и могут по мере необходимо-

сти ее копировать для своих потребностей. Как таковой, этот принцип противостоит Гутенбергову, согласно которому информация фиксируется в виде определенного количества идентичных материальных объектов (документов) — тиража, экземпляры которого хранятся в разных местах, и все желающие имеют доступ к отдельным экземплярам, в частности могут приобретать их по мере необходимости. Однако действительный переход от Гутенберговой (книгопечатной) эпохи к новой информационной парадигме (александрийского типа) стал возможен лишь с развитием современных информационных технологий.

Среди первых работ, в которых было предсказано появление электронных библиотек и описаны их общие принципы, обычно называют статью В. Буша (V. Bush) «Как мы можем думать» (1945) и книгу Дж. С. Р. Ликлидера (J. C. R. Licklider) «Библиотеки в будущем» (1965). В первой, написанной тогдашним директором Американского агентства научных исследований, демонстрировались потенциальные возможности, которые технология может предоставить ученым для сбора, хранения, поиска и обработки информации. Предложенная А. Бушем концепция информационной системы, названной им «Метех», базировалась на использовании фотографий для хранения информации и в определенном смысле предвосхитила дальнейшее изобретение и внедрение микрофильмов и микрофиш. Однако главное значение его статьи в том, что в ней наглядно показана связь между новыми технологиями, информацией и развитием научных исследований. Дж. Ликлидер был одним из сотрудников Массачусетского технологического института и изучал влияние цифровых вычислений на будущее библиотек. В своей работе он перечислял исследования и разработки, необходимые для того, чтобы создать истинно дружелюбную по отношению к пользователю ЭБ.

Использование компьютеров для хранения и обработки библиотечной информации началось с 60-х годов. Одним из первых успешных примеров было создание (в конце 60-х) в Библиотеке Конгресса формата MARC (Machine-Readable Cataloging) для создания и ведения машиночитаемых каталогов. Его использование в Центре компьютерных онлайн-библиотек (Online Computer Library Center, OCLC) дало возможность предоставить доступ к каталожным записям многим библиотекам, что позволило им сэкономить значительные средства.

Зарождение ЭБ в современном смысле относится к концу 80-х годов, когда стали создаваться первые электронные библиотеки на-

учных журналов (проекты «Mercury», CORE, «Tulip», 1987—1993 гг.; JSTORE, с 1995 г.; «High Wire Press», с 1995 г., и др.). Эти проекты преследовали как научные, так и экономические цели (создание архива важнейших журналов и обеспечении широкого доступа к нему, сокращение расходов библиотек за счет устранения дублирования коллекций журналов). Кроме того, решались чисто технические задачи, например, проблема адекватного отображения на экране греческих, математических и иных специальных символов. С середины 90-х годов многие научные журналы стали издаваться только в электронной форме. Это оказалось и экономичнее, и эффективнее (подробнее см. [29]).

В это же время многие печатные периодические издания широкого профиля (журналы, газеты, бюллетени и т. д.) стали создавать свои электронные версии включая оцифрованные архивы прежних выпусков, и предоставлять к ним платный или чаще бесплатный доступ через Интернет.

Кроме того, крупные библиотеки и музеи приступили к оцифровке хранящихся у них материалов, прежде всего редких, старинных и находящихся под угрозой физического разрушения, чтобы сохранить их для будущего и сделать общедоступными. Такие проекты, получившие название конверсионных, основываются, как правило, на постраничном сканировании рукописных или печатных документов с последующим сохранением изображений в графических файлах с высоким разрешением. Затем на основе этих файлов, составляющих репозиторий коллекции, создаются облегченные графические или текстовые варианты представления информации, которые могут передаваться по сети. Примерами проектов такого рода могут служить программы «American Memoгу» (с 1989 г. по настоящее время) и «National Digital Library» (с 1990 г., в 1998 г. преобразована в единую межведомственную программу — «Digital Libraries Initiative — Phase 2»), целью которых является перевод в электронную форму материалов, значимых для истории и культуры США. С середины 90-х годов подобные проекты стали осуществляться и в России (оцифровка коллекций Эрмитажа, редких рукописей в РГБ, ВГБИЛ и т. д.).

На начальных этапах становления Интернета значительный вклад в построение электронных библиотек внесли любители-энтузиасты, создавшие большое число ресурсов, некоторые из которых получили весьма широкую известность. Наиболее известными проектами такого рода являются «Проект Гутенберг» (<http://promo.net/>

pg), инициированный в 1990 г. американским программистом М. Хартом, и российская «Библиотека Мошкова» (<http://lib.ru>), запущенная в ноябре 1994 г. и к августу 2001 г. включавшая в себя более 17 тыс. текстовых файлов общим объемом более 2,5 Гб, что почти на порядок превосходит текстовые объемы «Проекта Гутенберг» (около 2 тыс. текстов). Столь значительно различие объясняется не только русским «литературоцентризмом», но и в первую очередь спецификой отношения к интеллектуальной собственности и авторскому праву на Западе и в России (подробнее см. [1; 3; 10]). Оба проекта развиваются благодаря активности добровольцев, которые бесплатно набирают или сканируют и присылают тексты «библиотекарям». Однако если М. Мошков публикует все произведения, которые ему присылают, гарантируя, что снимет публикацию, если автор произведения заявит протест (чего, как правило, не случается) [16], то «Проект Гутенберг», как и другие любительские ЭБ на Западе, может легально публиковать только те тексты, срок авторских прав на которые истек и которые перешли в публичное пользование (public domain). Этот срок постоянно увеличивается законодателями, и в настоящее время в США и некоторых других странах составляет 50 лет после смерти автора. Понятно, что это резко сужает возможности западных некоммерческих ЭБ.

При всей несомненной общественной значимости любительские проекты обладают рядом существенных недостатков по сравнению с профессиональными ЭБ [9]. Главные из них таковы:

- стихийность формирования фондов, неясность принципов отбора; случайность и неполнота собраний;

- недостаточная текстологическая база: произвольные источники публикации, опечатки, отсутствие необходимой библиографической информации; отсутствие справочно-комментаторского аппарата;

- технологическая примитивность: «слабая» разметка документов (текст ASCII или простой HTML), минимальное количество сервисов для читателей.

Все это приводит к тому, что любительские ЭБ выполняют общекультурную функцию, выступая как удобный источник текстов в электронной форме, однако использовать эти ЭБ в научных и образовательных целях полноценно, как правило, невозможно.

Большая часть ЭБ в США и Западной Европе возникла и развивается в рамках академических и исследовательских организаций, к которым относятся прежде всего университеты. Именно в университетах и в университетских библиотеках и издательствах (разуме-

ется, при финансовой поддержке со стороны государства, благотворительных фондов и корпораций) осуществляются передовые исследования в области ЭБ, разрабатываются стандарты и создаются различного рода цифровые коллекции. В качестве одного из образцовых примеров можно назвать «Центр электронного текста» при Университете Вирджинии (<http://etext.lib.virginia.edu>), коллекция которого насчитывает порядка 45 тыс. текстов на 12 языках в области литературы и гуманитарных наук, размеченных в SGML и бесплатно доступных онлайн. Другой замечательный проект, созданный на базе классического отделения Университета Тафтса, — ЭБ «Персей» (<http://www.perseus.tufts.edu>), известный, в частности, своим обширным собранием греческих и латинских текстов (в оригинале с пословным переводом и морфологическим анализом), справочных и учебных материалов, а также уникальными инструментами для лингвистической работы. Оба названных проекта, как и многие им подобные, ставят своей целью электронную публикацию максимально полного корпуса материалов в рамках заявленной специализации и предоставление доступа к ним максимальному числу пользователей. (список электронных центров в США и некоторых других странах см. в [31]). Научные электронные публикации, которые составляют основную часть электронной продукции академических учреждений, — тема обширная и в рамках данной статьи подробно не рассматривается. Укажем лишь на практически исчерпывающую библиографию по этой теме: [30]

Многие университетские ЭБ, однако, предоставляют лишь ограниченный доступ — либо только своим сотрудникам и студентам, либо некоторому числу других университетов и культурных учреждений, получая в обмен доступ к их цифровым коллекциям. Примером такой коллаборации может служить Калифорнийская цифровая библиотека (<http://www.cdlib.org>), предоставляющая доступ к значительному числу электронных коллекций и баз данных в девяти кампусах Университета Калифорнии. Заметим, что лицензирование доступа к цифровым коллекциям — весьма распространенное явление. Например, такие проекты, как JSTORE (<http://www.jstor.org>) и «Muse» (<http://muse.jhu.edu>), предоставляют доступ к своим электронным собраниям научных журналов исключительно по подписке и прежде всего организациям, а не частным лицам.

Необходимо отметить, что созданием и поддержкой ЭБ и других электронных продуктов занимается целый ряд коммерческих компаний, продающих как сами эти продукты на жестких носителях, так

и лицензии на доступ к цифровой информации онлайн. Так, компания «ProQuest» (<http://www.proquestcompany.com>), базирующаяся в Анн-Арборе (США, штат Мичиган) и являющаяся одним из крупнейших провайдеров информационных услуг, лицензирует доступ к полным текстам тысяч периодических изданий, диссертаций, книг и других публикаций включая обширные электронные ресурсы компании «Chadwyck-Healey», которая в 1999 г. стала подразделением «ProQuest». Собрание микрофильмов, которым владеет кампания и которое переводится ею в цифровую форму, в начале 2002 г. насчитывало 6 млрд страниц. «ProQuest» имеет договоры о сотрудничестве с 8,5 тыс. издателей по всему миру и поставляет свои продукты в 160 стран. Информационные продукты, которыми торгует кампания, включают компакт-диски, микрофильмы, печатные издания, а также доступ к онлайн-овым информационным системам.

Говоря о соотношении платного и бесплатного доступа к ЭБ и другим информационным системам, можно констатировать тенденцию предоставления бесплатного доступа к информации неспециализированного типа или к такой информации, которая рассматривается в качестве национального культурного наследия (под обе категории попадают, например, популярные издания произведений классической литературы). Информация же, которая необходима для проведения научных исследований или бизнеса, чаще оказывается платной. Другой параметр, влияющий на коммерческую ценность информации, — ее полнота: коллекции, состоящие из разрозненных документов, вероятно, будут бесплатными, полные собрания информации по теме, да еще с той или иной «добавочной ценностью» скорее всего будут продаваться. Можно предположить, что дальнейшее развитие ЭБ пойдет по пути сочетания некоммерческого и коммерческого подходов: базовые информационные ресурсы будут бесплатными, более «продвинутые» будут продаваться.

Конечно, определенную роль играет и то обстоятельство, кто является производителем информации. Одно дело — частные поставщики информации, живущие по законам рынка, другое — библиотеки, которые издавна рассматриваются как общественные службы. Дискуссия о том, должны ли электронные библиотеки взимать с пользователей деньги, идут давно (см., например, [34; 36; 38]), но единое решение так и не найдено. Сторонники бесплатного доступа исходят в основном из соображений идейного или политического характера (свободный доступ к информации как фундаментальное право личности и необходимый элемент общественных отношений),

защитники рыночных отношений упирают на экономический фактор (высокая стоимость аппаратного и программного обеспечения, значительные затраты на подготовку информации и т. п.). Обсуждаются также концептуальные и технологические решения, позволяющие взимать плату с читателя ЭБ за конкретный объем востребованной им информации или предоставлять эту информацию бесплатно, но на четко ограниченный срок [34].

Наш обзор был бы неполон без упоминания о национальных и международных программах в области ЭБ, которые активно осуществляются в развитых странах (США, государствах Европейского союза, Японии, Австралии и др.) последние 10—15 лет. Мы уже упоминали об инициативе Библиотеки Конгресса по построению национальной электронной библиотеки и программе «Digital Libraries Initiative», которые в 1998 г. были объединены в единую межведомственную программу «Digital Libraries Initiative — Phase 2». Впечатляющий пример национальной программы создания ЭБ дает Япония, где в 1989 г. было начато проектирование электронной «библиотеки XXI в.» [41]. Для проведения исследований, экспериментов и подготовки проектной документации было создано специальное Агентство по внедрению новых информационных технологий (ИРА). В его состав вошли специалисты из Национальной парламентской библиотеки, Национального центра НТИ, других информационных центров, а также из крупных фирм, действующих на рынке информационных технологий. В результате был подготовлен проект Электронной библиотеки Японии в провинции Кансай (500 км от Токио), преобразовано в электронную форму (главным образом в виде изображений) более 10 млн страниц различных печатных изданий (книги, журналы, газеты, карты и др.). В марте 1998 г. был подготовлен план реализации всего проекта Электронной библиотеки Японии со сроком завершения в 2003 г. Общая стоимость проекта оценивается в 500 млн долл. К его реализации привлечено девять крупных фирм, в том числе NEC, «Mitsubishi», «Fujitsu».

Отметим также немецкий проект ЭБ «Global-Info», начало подготовки которого относится к 1995 г. Его инициаторами стали 16 университетов и 4 научных общества (физики, математики, химии и информатики). Проект осуществляется под эгидой федерального Министерства образования, науки и технологии, которое финансирует 60% стоимости работ, оцениваемых в 60 млн марок. Проект рассчитан на шесть лет, а его практическая реализация начата в январе 1998 г.

Среди франкоязычных ЭБ назовем проект «Gallica» (<http://gallica.bnf.fr>), который активно развивается с 1997 г. под эгидой Национальной библиотеки Франции и к настоящему моменту содержит более 80 тыс. оцифрованных документов общим объемом около 15 млн страниц).

Помимо собраний более или менее традиционных библиотечных объектов в электронной форме в последние годы возникают коллекции принципиально нового типа. Так, появилось понятие «веб-архив», где объектом сохранения, описания и классификации выступают самые разнообразные интернет-ресурсы: веб-страницы, отдельные сайты, архивы телеконференций и т. п. Пожалуй, самым известным проектом такого рода является «The Internet Archive» (<http://www.archive.org>), сохраняющий содержимое Интернета «послойно», так что пользователь может проследить историю развития тех или иных сайтов в динамике или же получить образ Интернета или какой-то его части на определенный момент. Объем этого веб-архива, который начал вестись с 1996 г., составил к началу 2002 г. около 11 млрд страниц, или 100 Тб [35]. Кроме того, «The Internet Archive» поддерживает ряд специальных цифровых коллекций, также состоящих из нетрадиционных для ЭБ объектов: собрание американских документальных фильмов с 1903 по 1973 гг. (<http://movie0.archive.org>), собрание телепередач, посвященных событиям 11 сентября 2001 г. (<http://www.televisionarchive.org>), архив телеконференций (USENET) с 1996 г. и т. д. Можно ожидать, что на этом развитие ЭБ не закончится: содержание человеческого опыта и дальше будет неуклонно переводиться в электронную форму, возникнут или выйдут на передний план новые типы коллекций (например, собрания оцифрованных трехмерных объектов или миров виртуальной реальности), методы сбора, каталогизации, сохранения и доставки информации будут совершенствоваться, развитие информационных технологий будут преподносить все новые и новые сюрпризы.

Электронные библиотеки в России

Следует отметить, что в создании ЭБ в нашей стране задействованы все типы институций, рассматривавшиеся выше: любители-энтузиасты, университеты и научно-исследовательские организации, музеи и библиотеки, общественные организации, частные коммерческие предприятия и т. д. Имеется ряд обзоров популярных российских ЭБ [4, 11, 20, 25]. Не претендуя на детальное рассмот-

рение всего массива российских ЭБ, остановимся на наиболее характерных, как нам представляется, явлениях и тенденциях в этой области.

Разительное отличие российской ситуации с ЭБ от западной, которое бросается в глаза всем, кто занимается компаративистскими исследованиями в этой области, состоит прежде всего в том, что частные инициативы значительно превосходят по востребованности и социальной значимости федеральные и институциональные проекты. Следует отметить громадное количество любительских, некоммерческих электронных библиотек. Мы уже упоминали «Библиотеку Мошкова». Отмечалось, что причины превосходства этой «русской народной» ЭБ над аналогичным американским «Проектом Гутенберг» связаны, в частности, с разницей в подходе к понятию авторского права. Если западная модель жестко защищает имущественные права, то российское сознание особого значения им не придает, уважая лишь неимущественные права (авторство и т. п.). Интересно, что «легкомысленное» с западной точки зрения отношение к авторскому праву характеризует как электронных издателей, так и самих авторов, которые, как правило, охотно идут на публикацию своих произведений в электронном виде или по крайней мере не препятствуют таковой. Сюда же, помимо публикации в ЭБ ранее опубликованных в печатном виде литературных текстов, относится широкое распространение электронных литературных журналов, где произведения печатаются впервые именно в электронной форме (примером такого издания может служить «Сетевая словесность» — <http://www.litera.ru/slova>, за пять лет существования опубликовавшая около тысячи произведений трехсот с лишним современных авторов), а также электронные архивы печатных журналов (например, «Журнальный зал» — <http://www.russ.ru/krug/biblio/magazines>, предоставляющий свободный доступ к полным текстам произведений, опубликованных в российских «толстых» журналах). Другое проявление этой тенденции — относительная неразвитость ЭБ, поддерживаемых университетами и издательствами, а также малое количество индивидуальных авторских сайтов, преследующих коммерческие цели. Таким образом, специфика русского Интернета (во всяком случае, в том, что относится к литературным и околολитературным текстам) заключается в том, что он, в отличие от западного, носит ярко выраженный «общественный» и некоммерческий характер (см. подробнее превосходное исследование Э. Шмидт на эту тему [26]). Количество любительских электронных

библиотек исчисляется в России десятками, если не сотнями. Существует множество списков таких ЭБ; назовем несколько самых представительных: каталог «Лучшие электронные библиотеки» (<http://www.russ.ru/krug/biblio/catalogue.html>), поддерживаемый «Русским журналом» в рамках проекта «Новости электронных библиотек», и раздел «Ссылки», составленный И. Пильщиковым и К. Вигурским для Фундаментальной электронной библиотеки (<http://feb.ccas.ru/feb/feb/sites.htm>).

Что касается университетов, которые, как отмечалось, играют ведущую роль в создании ЭБ на Западе, то в России вплоть до последнего времени академические организации в этом отношении были довольно пассивны. Дело, как правило, ограничивалось созданием тематических коллекций текстов (по математике, психологии, общественным наукам и т. п.), причем по технологическому уровню публикаций эти коллекции были сопоставимы с любительскими, значительно уступая им в охвате и темпах роста. В ряде случаев функции университетов принимают на себя независимые публикаторы. В качестве примеров можно назвать проект «Общий текст» (<http://text.net.ru>), созданный, «чтобы сообща пополнять Сеть отсутствующими в ней текстами», и «Русскую виртуальную библиотеку» (<http://www.rvb.ru>) — первую в русской Сети библиотеку академического типа, публикующую русскую классику по авторитетным изданиям с приложением справочного аппарата и комментариев.

Далеко не блестяще обстоят дела с электронными публикациями и у библиотек. Ни одна из крупных библиотек до сих пор не породила ничего достойного внимания или могущего конкурировать с любительскими ЭБ. Как правило, библиотечные проекты в области ЭБ являют собой печальные образцы «освоения грантов»: создается какой-нибудь «каталог ресурсов», и на этом дело заканчивается. Примером такого рода проектов может служить «Виртуальная библиотека» (<http://www.vlibrary.ru>) при ГПНТБ России, созданная, как указано на сайте, «при поддержке Совета по программе “Информатизация России”». Описание проекта говорит само за себя: «В Виртуальной Библиотеке Вы можете отыскать необходимые ссылки на ресурсы Internet. Представлено более 2000 адресов онлайн-журналов, газет, WWW сайтов и домашних страниц». Есть в этой библиотеке и собственные онлайн-публикации, правда, совсем немного — одна, да и то в формате MS Word6. Разумеется, активность ГПНТБ в сфере электронных публикаций не сводится к ука-

занному проекту, однако этот печальный пример весьма характерен для электронно-издательской деятельности российских библиотек.

Значительное количество ЭБ в России создается силами отдельных предприятий, организаций и учреждений. Рассмотрим несколько наиболее удачных на наш взгляд проектов: два проекта архивного типа, работающих с материалами СМИ, и три проекта в сфере науки и образования.

Public.ru: «Публичная интернет-библиотека» (<http://www.public.ru>). Поддерживается ЗАО «Публичная библиотека». Представляет собой базу данных по российским СМИ. Основной фонд составляют публикации российских периодических изданий с 1990 г. по настоящее время. Представлено около 1000 источников: центральные и региональные газеты и журналы. Заявленная цель: «способствовать реализации права граждан на свободный доступ к информации и свободное духовное развитие, а также на культурную, научную и образовательную деятельность». Основные задачи: «создание архива публикаций центральных и региональных периодических изданий, предоставление массового доступа к нему, организация справочно-библиографического обслуживания пользователей, исследование рынка СМИ». Поиск по фондам обеспечивается системой «Excalibur RetrievalWare». Предоставляется свободный доступ, но предлагаются и платные услуги: обслуживание в режиме «профессиональный поиск», подбор документов по заданным критериям, составление тематических баз данных, составление на заказ справок и аналитических материалов, подписка на тематические обзоры прессы.

«Национальная электронная библиотека» (НЭБ) (<http://www.nel.ru>) — электронный архив русскоязычных открытых информационных источников. Возник как внутренний проект Национальной службы новостей в 1994 г. и по мере развития пополнялся за счет сбора текущих публикаций и покупки существующих информационных архивов. Фонды НЭБ содержат материалы газет, журналов, агентств, информационно-аналитических институтов, теле- и радиостанций, современных и опубликованных до 1994 г., практически из всех регионов России, стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья. На начало 2002 г. архив содержал порядка 10 млн документов из более чем 2 тыс. источников. Опираясь на документальную базу данных, НЭБ выпускает еженедельные и ежедневные тематические обзоры, иллюстрированные собственными рейтингами. Основные темы: банковская деятельность, внутренняя и международ-

ная политика, культура, преступность, макроэкономика, прогнозируемые отставки и назначения во властных центральных и региональных структурах. Все услуги платные.

«*Научная электронная библиотека*» (<http://elibrary.ru>). Владелец: ООО «Интра-Центр+». Спонсоры: Российский фонд фундаментальных исследований, Фонд Сороса, Министерство образования. Предоставляет доступ к зарубежным и российским научным журналам и базам данных крупным российским университетам, научно-техническим библиотекам России и их филиалам, части научных библиотек институтов РАН и региональных научных библиотек России. Доступ ограничен, требуется институциональная подписка.

«*Интегрированная система информационных ресурсов*» (ИСИР) (<http://isir.ras.ru>). Разработчик: Центр научных телекоммуникаций Российской академии наук (ЦНТК РАН), руководитель рабочей группы — В. Серебряков. Система предназначена «для обеспечения доступа ученым, научным коллективам и организациям к информационным и вычислительным ресурсам РАН, организации оперативного обмена научной информацией и создания на основе современных информационных технологий условий для проведения совместных исследовательских работ», а также для создания единой системы описания публикаций, осуществляемых в рамках РАН, которая может быть использована и более широко. Речь идет о применении системы метаданных (с ориентацией на Dublin Core), разработке методов презентации информации (в основе — технология Open Ebook) и способов ее хранения (мощные СУБД). Информация, хранящаяся в системе, включает в себя справочники по институтам, отделениям, научным центрам и персоналиям РАН, а также информацию о проектах и публикациях сотрудников РАН. К части информации доступ открыт, к другой — ограничен сотрудниками РАН.

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) (<http://feb-web.ru>; на момент написания статьи находилась в стадии тестирования по временному адресу <http://feb.ccas.ru>). Совместный проект НТЦ «Информрегистр» и Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Представляет собой «сетевую многофункциональную информационную систему, аккумулирующую информацию различных видов (текстовую, звуковую, изобразительную и т. п.) в области русской литературы XI—XX вв. и русского фольклора, а также истории русской филологии и фольклористики». Включает в себя, во-первых, репо-

зиторий текстов (источников, исследовательской и справочной литературы), во-вторых, эффективный инструмент для их анализа. Цель проекта — представить важнейшие произведения русской словесности согласно принципам научных изданий: публикация по авторитетным источникам, наличие вариантов, обширный справочный и библиографический аппарат и т. д. Основные разделы: фольклор (былины, песни, заговоры, сказки), древнерусская литература («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Житие протопопа Аввакума»), XVIII в. (Ломоносов, Державин, Карамзин), XIX в. (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Гоголь, Толстой, Достоевский), XX в. (Блок, Маяковский, Мандельштам, Есенин, Горький, Шолохов). Все материалы находятся в открытом доступе.

В заключение этого раздела коротко рассмотрим основные федеральные программы, прямо или косвенно связанные с проблематикой развития ЭБ.

С середины 90-х годов в России осуществлялся ряд государственных целевых программ, в той или иной степени направленных на развитие электронных библиотек для нужд науки и образования (федеральная программа «Федеральный информационный фонд», программа информационного обеспечения фундаментальной науки, межведомственная программа «Создание сети научных телекоммуникаций для науки и высшей школы: 1995—2000», различные проекты по построению распределенных предметно-ориентированных и общенаучных информационных систем и сетей: RuHER, EMBnet, EMnet, LibWeb и др.). В ходе осуществления этих проектов решались задачи создания инфраструктуры, поиска типовых технологических решений, организации доступа к полнотекстовой и библиографической информации для участников (подробнее см. [13, 22, 23]).

В 1998 г. Российский фонд фундаментальных исследований и Российский фонд технологического развития начали осуществление программы «Российские электронные библиотеки» (РЭБ) [17]. Был объявлен конкурс, в результате которого было поддержано около 150 проектов, проведено несколько семинаров по проблемам электронных библиотек. В разработке концепции программы РЭБ участвовал целый ряд российских министерств и ведомств. Концепция названной программы формулировалась следующим образом: «Сеть электронных библиотек России должна быть организована как открытая среда, представляющая собой распределенный комплекс информационных, программных и технических средств регистрации

разнообразных электронных коллекций, их унифицированного представления в базе метаинформационной среды, поиска информации в интегрированной совокупности зарегистрированных коллекций, формирования персонализированных представлений найденной информации для разнообразных категорий пользователей» [12]. По оценкам авторов проекта, годовой бюджет программы должен был составить 250—375 млн руб. (10—15 млн долл.), что сравнимо с бюджетами соответствующих национальных программ по электронным библиотекам США, Великобритании, Германии. К сожалению, требование о принятии «государственного решения о включении программы РЭБ в федеральный бюджет 2000 г. для финансирования отдельной строкой» выполнено не было вследствие резкой смены политической обстановки.

К ЭБ имеет отношение также Федеральная целевая программа «Электронная Россия на 2002—2010 годы» (<http://e-russia.ru>), направленная на создание условий для вступления России в информационное общество и построение гражданского общества путем информатизации последнего. До августа 2001 г. программа разрабатывалась Министерством экономики. В настоящее время руководство программой возложено на Министерства связи. Общий бюджет оценивается в 61 141,5 млн руб. (в ценах 2001 г.). Основной ее недостаток, как представляется, состоит в упоре на инфраструктуру при игнорировании содержательного аспекта информации.

Существует проект федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 г.» (<http://www.iis.ru/library/isp2010/isp2010.ru.html>). Программа базируется на положениях Окинавской хартии глобального информационного общества, которая была подписана руководителями семи ведущих стран и президентом В. Путиным в августе 2000 г. Головным предприятием является Минсвязи. Одно из трех стратегических направлений программы называется «Обеспечение сферы информационных услуг духовным содержанием, отвечающим российским культурно-историческим традициям, в том числе организация мощного русскоязычного сектора в Интернете». Утверждается, что «...это политическая задача, решение которой должно обеспечить передачу новому поколению всего многообразия российской культуры, воспитания этого поколения в атмосфере национальных духовных ценностей и идеалов, максимально ослабить негативное воздействие на молодых людей англоязычной информационной экспансии, осуществляемой по каналам СМИ и Интернету. Все это создаст предпосылки для пре-

одоления распространения политического и духовного влияния США через современные коммуникационные сети и системы». К недостаткам программы относится излишняя, на наш взгляд, политизированность, а также слишком общее, не детализированное понимание информатизации.

Наконец, нельзя не упомянуть проект федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001—2005 гг.» (<http://www.informika.ru/text/goscom/ntp/sp/pfzp/progr.txt>). Среди основных направлений программы — создание электронных учебных материалов и интеграция электронных и традиционных учебных материалов в единую образовательную информационную среду. В августе 2001 г. программа была утверждена, на ее реализацию в 2002—2005 гг. предполагается выделить 56 млрд руб.

Интенсивные работы по созданию ЭБ, а также по выработке общей концептуальной и технологической базы в этой сфере ведутся в РГБ, ВГИБЛ, ЦНТК РАН, НТЦ «Информрегистр» и ряде других организаций. Проводятся научные конференции, посвященные ЭБ. С 1998 г. в Сети выходит специализированный журнал «Электронные библиотеки», издаваемый Российским институтом информационного общества. Не так давно на его базе был создан информационно-интерактивный портал «Российские электронные библиотеки» (<http://www.elbib.ru>), направленный на «создание сообщества разработчиков и пользователей электронных библиотек».

Проблемы и трудности

В силу новизны и сложности рассматриваемой сферы деятельности в процессе создания конкретных ЭИ и ЭБ при разработке программного и технологического обеспечения, а также в ходе практического использования ЭБ возникает множество разнообразных проблем, многие из которых не имеют пока удовлетворительного решения. Не вдаваясь в детали, выделим наиболее существенные из них.

Технические:

разработка технологии формирования информационного фонда (что, в каком виде и каким способом представлять);

проблемы идентификации и описания информации — рациональный выбор информационных объектов, создание эффективной системы метainформации;

проблемы хранения и распространение информации (скорость передачи информации, контроль и учет формирования и использования информационных фондов, эффективная организация распределенного информационного фонда, обеспечение единого интерфейса к гетерогенной информации и т. п.).

Организационные:

необходимость создания профессиональных коллективов для разработки и эксплуатации ЭБ, включающих в себя специалистов самого разного профиля;

недостаток квалифицированных кадров и практически полное отсутствие мест их подготовки.

Экономические:

высокая стоимость разработки ЭБ;

высокая стоимость оборудования;

трудоемкость процесса формирования и эксплуатации фонда.

Юридические:

определение статуса ЭБ — что представляет собой ЭБ, какими она обладает правами и обязанностями, кто признает некоторую ИС в качестве ЭБ и т. п.;

определение статуса информации в ЭБ — обеспечение достоверности информации, ее аутентичности оригиналу, подлинности, в том случае если она существует только в электронном виде; к этому же кругу вопросов относится и проблема электронной подписи;

проблемы коммерческого использования информации, содержащейся в ЭБ;

проблемы конституционного права граждан на получение информации и ограничения на распространение определенных видов информации (персональные сведения, секретную информацию и т. п.).

Социальные:

неготовность научного сообщества участвовать в создании ЭИ и ЭБ и применять их в своей работе;

малый опыт преподавателей и студентов в использовании электронных библиотек и других информационных систем в рамках образовательного процесса.

Перечисленные проблемы не могут быть решены какой-то одной организацией и требуют широкой консолидации сил специалистов в области информационных технологий, управления, права и образования. Решение этих проблем требует также значительных финансовых и интеллектуальных инвестиций. К созданию ЭБ должны привлекаться специализированные организации и творческие

коллективы, способные профессионально и качественно выполнить соответствующие участки работы. При этом необходимы ясная и точная концепция проекта и эффективная координация работ. В противном случае вряд ли можно ожидать получения желаемых результатов.

Заключение

Необходимость развития электронных библиотек как одного из наиболее эффективных способов сохранения национального культурного достояния должна быть осознана в качестве приоритетной государственной задачи. К сожалению, в России по сравнению с развитыми странами пока не существует программ национального уровня, направленных на масштабную реализацию этой задачи. Ни одна из рассмотренных выше федеральных программ не обладает ясной концепцией ЭБ. Кроме того, основное внимание в них уделяется проблемам построения информационной инфраструктуры при почти полном игнорировании содержательной стороны. Такой подход приводит к тому, что даже в наиболее значительных программах («Электронная Россия» и «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001—2005 гг.») ЭБ отведена фактически второстепенная роль.

Развитие ЭБ в России поддерживают некоторые западные благотворительные фонды. Однако речь обычно идет о частичной и временной поддержке, причем, как правило, мелких проектов, не обладающих широкой общественной значимостью. Это не удивительно. Ожидать, что кто-то где-то создаст для России ЭБ, будет накапливать и развивать ее информационные ресурсы, значит проявлять крайнюю наивность или безразличие к собственному богатству.

Любители-энтузиасты, создающие ЭБ, делают, безусловно, важное и полезное дело. Однако рассчитывать на то, что они смогут в полной мере обеспечить сохранение, распространение и эффективное использование национального информационного ресурса в области науки, техники и культуры, по меньшей мере недальновидно.

То, что создание ЭБ и соответствующие исследования осуществляются на уровне национальных и подобных им программ, далеко не случайно. Работы в этой области являются многопрофильными, они включают в себя такие разные дисциплины, как лингвистика и техника связи. Выполнение таких работ требует координации и значительных материальных затрат. Их проведение отдельными, пусть

даже крупными организациями, не говоря уже о любителях, всегда будет приводить только к частным решениям, которые не смогут в полной мере удовлетворить потребности нации.

Л и т е р а т у р а

1. *Андреев А.* Русский миф о копирайте // Вести. — 1999. — 2 июня (http://old.vesti.ru/tok/02-06-1999_tok.htm).
2. *Антопольский А. Б., Вигурский К. В.* Концепция электронных библиотек // Электрон. б-ки. — 1999. — Т. 2. — Вып. 2 (<http://www.iis.ru/el-bib/1999/199902/antopol/antopol.ru.html>).
3. *Бережной С.* Электронные библиотеки — территория беззакония // Мир Internet. — 1999. — Май. — № 5 (32). — С. 76—79.
4. *Вайнер Е.* НБ — наши библиотеки // Рус. журн. — 1998. — 13 нояб. (<http://www.russ.ru/journal/netcult/98-11-13/vainer.htm>).
5. *Веселов В., Долженков А.* XML и технологии баз данных // Открытые системы. — 2000. — № 5—6.
6. *Вигурский К. В.* Электронные издания и электронные библиотеки как специфический вид автоматизированных информационных систем // Межотраслевая информ. служба. — 1999. — Вып. 1. — С. 7—15.
7. *Волощук Ю. Ю., Сосков Д. А.* Электронные библиотеки: цели, задачи и методы формирования (<http://www-library.univer.kharkov.ua/article/node6.htm>).
8. *Глухов В., Максимов Н.* Порталы научной информации: Организация и использование (http://procontra.danet.ru:8100/rus/participants/gluhov_maksimov_rus.htm).
9. *Горный Е.* Интернет и филология (Субъективные заметки к годовщине РВБ) // Рус. журн. — 2000. — 1 дек. (http://www.russ.ru/netcult/20001201_gorniy.html).
10. *Горный Е.* Проблема копирайта в русской Сети: битва за «Голубое сало» // Internet. — 2000. — Март. — № 17 (<http://www.zhurnal.ru/staff/gorniy/texts/salo.html>).
11. *Гурина А.* Информационное голодание // Рус. журн. — 2001. — 12 июля (http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20010712.html).
12. *Ершова Т. В., Хохлов Ю. Е.* Межведомственная программа «Российские электронные библиотеки»: подходы и перспективы // Электрон. б-ки. — 1999. — Т. 2. — Вып. 2 (<http://www.iis.ru/el-bib/1999/199902/ershova/ershova.ru.html>).
13. *Ершова Т. В., Хохлов Ю. Е.* Опыт и перспективы интеграции российских социально значимых электронных информационных ресурсов на основе концепции электронных библиотек // Электрон. б-ки. — 2001. — Т. 4. — Вып. 1 (<http://www.iis.ru/el-bib/2001/200101/ЕН/ЕН.ru.html>).
14. *Иноземцев В. А.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. — М.: Асадемия; Наука, 1998.
15. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

16. Колин К. К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. — М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 350 с.
17. Межведомственная программа «Электронные библиотеки России» (Концепция программы) (<http://www.elbib.ru/backg/concept/programme1.ru.html>).
18. Мошков М. Что вы все о копирайте? Лучше бы книжку почитали (Библиотеке копирайт не враг) (<http://lib.ru/COPYRIGHT/computera.txt>).
19. Новая постиндустриальная война на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 1999.
20. Рогонова Ю. Изба-читальня: Библиотеки-близнецы наводнили русский Интернет // Рус. журн. — 2001. — 7 февр. (http://www.russ.ru/netcult/20010207_rogonova.html)
21. Серых Л. А. Обзор электронных научных библиотек (по результатам семинара в г. Пушкино), 24 февраля 2000 (<http://daemon.shpl.ru/libforum/messages/82.html>).
22. Сюнтюренко О. В., Хохлов Ю. Е. Распределенные библиотечные сети и электронные библиотеки в России // Электрон. б-ки. — 2000. — Т. 3. — Вып. 5 (<http://www.iis.ru/el-bib/2000/200005/HS/hs.ru.html>).
23. Сюнтюренко О. В. Электронные информационные ресурсы: новые технологии и приложения // Электрон. б-ки. — 2001. — Т. 4. — Вып. 1 (<http://www.iis.ru/el-bib/2001/200101/sunturenko/sunturenko.ru.html>).
24. Федеральная целевая программа «Электронная Россия на 2001—2010 годы» (<http://www.economy.gov.ru/erussia.html>).
25. Шерман С. Гутенберг будет Федоров? // Рус. журн. — 1998. — 13 нояб. (<http://www.russ.ru/journal/netcult/98-11-13/sherm.htm>).
26. Шмидт Э. Сравнительный анализ немецкого и русского литературного Интернета: Доклад на семинаре «Литература в русском Интернете». — Институт европейской культуры, Москва, 11—13.02.2002. — Готовится к публикации.
27. Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: Сб. докладов Второй Всероссийской научной конференции. Протвино, 26—28 сентября 2000 г. — Протвино: ГНЦ ИФВЭ, 2000.
28. Яндекс: Числа (<http://www.yandex.ru/chisla.html>).
29. Arms W. Y. Digital Libraries. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2000.
30. Bailey C. W. Jr. Scholarly Electronic Publishing Bibliography. — Houston: Univ. of Houston Libraries, 1996—2001. — 2001 (<http://info.lib.uh.edu/sepb/sepb.html>).
31. Directory of Electronic Text Centers compiled by Mary Mallery (http://harvest.rutgers.edu/ceth/etext_directory).
32. DL Self-Study: definitions (<http://fox.cs.vt.edu/~fox/dlib/def.html>).
33. Google Offers Immediate Access to 3 Billion Web Documents. — Google, 11.12.2001 (<http://www.google.com.ru/intl/ru/press/pressrel/3billion.html>).
34. Harbo O. Information services, libraries and archives // UNESCO's World Communication and Information Report 1999—2000. — Paris: UNESCO, 1999. — P. 104—115 (<http://www.unesco.org/webworld/wcir/en>).
35. Internet Archive: Internet Collections (<http://www.archive.org/internet/index.html>).

36. *Kahle B. Prelinger R., Jackson M. E.* Public Access to Digital Materials (<http://www.archive.org/news/colloquia/2001/whitepaper.html>).
37. *Lancaster F. W.* Libraries and librarians in the age of electronics. — Washington, D. C.: Inform. Resources Press, 1982.
38. *Levy D.* 2000, Digital Libraries and the Problem of Purpose // D-Lib Magazine. — 2000. — № 1 (<http://www.dlib.org/dlib/january00/01levy.html>).
39. *Machlup F.* Production and Distribution of Knowledge in the United States. — Princeton, 1962.
40. *Manovich L.* Post-media Aesthetics, 2001 (http://www.manovich.net/DOCS/Post_media_aesthetics1.doc).
41. *Matsumura T.* The digital library in Japan // Beyond the Beginning: The Global Digital Library. An international conference organised by UKOLN. 16th and 17th June 1997 at The Queen Elizabeth II Conference Centre, London, UK (<http://www.ukoln.ac.uk/services/papers/bl/blri078/content/repor~17.htm>).
42. *Stonier T.* The Wealth of Information: A Profile of the Post-industrial Economy. — London, 1983. — 224 p.

Интернет — миссионерское поле или зона межконфессионального противостояния?

(на примере сайтов Русской православной церкви)

Николай Митрохин

Миссия или информация?

Религиозный сектор Интернета не пользуется большой популярностью и продолжает оставаться маргинальной частью Всемирной сети. Тем не менее руководители и активисты религиозных конфессий не оставляют надежду использовать Сеть как новое поле для миссионерской деятельности. Такие надежды вполне естественны, поскольку для большинства религиозных организаций распространение учения и обретение новых сторонников — одна из основных целей существования. Не вызывает удивления и скорость, с которой технические новшества были призваны религиозными организациями служить для пропаганды традиционных и вечных ценностей. Религиозные передачи по телевидению и радио сейчас кажутся устоявшейся нормой, но когда-то приход проповедников в эфир также был новым явлением.

Другое дело, что понимают под миссионерской деятельностью в России с ее низким уровнем религиозной культуры и не устоявшимися отношениями между различными конфессиями и новыми религиозными движениями.

Информационная работа официальных сайтов РПЦ

Самой крупной и влиятельной конфессией в России является Русская православная церковь (РПЦ). Ее первый официальный сайт появился в 1997 г., в самом на-

чале интернет-бума в России. Патриарх лично приветствовал на нем пользователей Сети. За последующие годы открыли свои страницы в Интернете почти все синодальные отделы Московской патриархии, треть епархиальных управлений и сотни приходов и монастырей. Можно констатировать, что к настоящему времени в Рунете сложился особый сектор, который мы будем называть «православным Интернетом»¹. Он включает в себя не только сайты официальных церковных структур, но и крупные информационные сетевые ресурсы, созданные группами православных энтузиастов, индивидуальные страницы простых верующих. В то же время по-настоящему серьезных православных ресурсов, регулярно обновляемых и имеющих самостоятельный контент, в Сети немного. Большинство сайтов — это либо лишь несколько страниц устаревшей информации, либо электронные версии офлайновых СМИ. Именно по этой причине в нашем исследовании мы будем упоминать лишь ограниченный круг православных сайтов.

Руководство РПЦ неоднократно высказывалось о необходимости миссионерской работы с пользователями Интернета. В частности, в начале мая 2001 г. председатель Отдела по делам молодежи РПЦ архиепископ Костромской и Галицкий Александр (Могилев) заявил: «...Главной задачей является воцерковление Интернета. Важно, чтобы глобальная сеть была бы не сетью, которая затягивает людей в пучину грехов, а была бы неводом, который будет их отсюда извлекать»².

Однако реально усилия церкви (идеологические, организационные и финансовые) при работе в Сети направлены вовсе не на миссионерскую деятельность. В упоминавшемся обращении патриарха к пользователям Сети содержалось такое понимание целей и задач открытия сайта: «Теперь сведения о текущих событиях в жизни Русской Православной Церкви, различных аспектах ее служения можно будет получать в неискаженном виде через наш официальный сервер в сети Интернет. Надеюсь, что это послужит благому делу умиротворения и поможет углубить понимание служения Церкви в мире»³.

Таким образом, и первый сайт РПЦ, принадлежащий Отделу внешних церковных сношений (ОВЦС) (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru>), и последовавшие за ним вскоре два крупных проекта, финансировавшиеся Московской патриархией: сайты «Православие в России» (1997 г.) (<http://www.or.ru>)⁴ и «Русское православие» (1998 г.) (<http://www.ortho-rus.ru>) занимались не миссио-

нерской работой, а работой с информацией. Как и говорил патриарх, они были созданы для того, чтобы связать церковное «начальство» с церковными же «низами», а также дать возможность желающим светским гражданам познакомиться с официальной позицией церкви по некоторым вопросам.

Подобная направленность официальных церковных сайтов была вызвана полным развалом работы центральных СМИ РПЦ в середине 90-х годов. Интернет оказался дешевым и доступным средством переброса информации из центра церковной жизни в многочисленные провинциальные епархии, которые не хотели подписываться на дорогой и малоинформативный «Журнал Московской Патриархии». В настоящее время информация, полученная «из Интернета», в том числе с упомянутых церковных сайтов, составляет основу новостного блока епархиальных и приходских газет.

Миссия в понимании официальных сайтов РПЦ

Насколько официальным церковным сайтам удалась работа с информацией, настолько вне сферы их внимания осталась реальная миссионерская (рассказ о вере в среде неверующих) и катехизаторская (обучение основам вероучения и ритуалам) работа.

Миссия, в нашем понимании, всегда является диалогом. Миссия не может сопровождаться лишь оглашением (вывешиванием в Сети) информации. Первая задача миссионера заключается в том, чтобы найти потенциального слушателя. Вторая — убедить его слушать. И лишь затем он сможет проповедовать неверующему истинность собственной веры. Но «обратить» человека в большинстве случаев можно лишь в диалоге, отвечая с позиций учителя, сеятеля знаний на многочисленные вопросы, которые возникают у ученика.

В православном Интернете о поиске потенциального слушателя речи нет. Насколько нам известно, ни один из крупных православных ресурсов не проводил значимой баннерной кампании вне «своего круга», хотя стоимость такой акции в Рунете была бы относительно невелика и сопоставима с недельными доходами среднего московского храма.

Ни сайт ОВЦС, ни «Православие в России», ни появившиеся позднее сайты Издательского отдела Московской патриархии (<http://212.188.13.168/izdat>) и Отдела по религиозному образованию и катехизации (<http://rel.org.ru>), ни многочисленные (сейчас их более 40) епархиальные сайты не имеют никаких диалоговых опций:

нет возможности обратиться с вопросом (не говоря уже о том, чтобы получить на него ответ в оперативном режиме), нет ни чатов, ни пресс-конференций православных VIP-персон для пользователей сети. Конечно, на сайт всегда можно отправить e-mail и, возможно, в частном порядке получить на него ответ, но подобное письмо в реальной жизни можно послать в Московскую патриархию и по почте. На сайте «Русское православие» действует рубрика «Вопросы к священнику», но она запрятана так глубоко, что ею могут пользоваться только постоянные посетители. К тому же на вопросы отвечает всего один, пусть и достаточно известный иерей.

Печальное состояние официального миссионерства в Сети соответствует неблестящей ситуации с миссионерством в офлайне. Руководитель Миссионерского отдела РПЦ считает целью работы своего ведомства выработку неких новых методик осуществления миссии, а также каталогизацию «сект». В практическом отношении он понимает миссию как работу в тех местах, где в принципе нет храмов — т. е. в малонаселенных районах Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока⁵. Работа по воспитанию в православном духе в прочих местах, по его мнению, дело Отдела по религиозному образованию и катехизации. Этот считающийся одним из самых «слабых» в организационном и финансовом отношении синодальных отделов Московской патриархии свою деятельность в Интернете ограничил сайтом, на котором вывешены в основном материалы ежегодных Рождественских чтений. Кстати, сам Миссионерский отдел вообще не имеет своего сайта, а публикует небольшое количество материалов на сайте Белгородского епархиального управления (<http://blagovest.bel.ru/mission/index.html>), руководителем которого по совместительству является глава отдела.

Таким образом, можно констатировать, что официальные сайты РПЦ нацелены на предоставление информационных услуг (в первую очередь членам церкви), но не на миссионерскую деятельность. Даже говоря о миссионерстве, официальные представители РПЦ имеют в виду работу с информацией. На той же пресс-конференции, где выступал архиепископ Александр, его советник ректор Костромской семинарии архимандрит Геннадий (Тоголев) пояснил: «под “воцерковлением Интернета” следует понимать как широкую рекламу православных ресурсов сети, так и работу над законодательными ограничениями доступа подрастающего поколения к сайтам порнографического содержания, сайтам сатанистов и деструктивных псевдорелигиозных организаций»⁶. Таким образом, в понимании церков-

ных администраторов «воцерковление Интернета» — это на самом деле пропаганда сайтов РПЦ и цензура сайтов религиозных конкурентов, осуществляемая к тому же руками государства.

*Интернет-миссия в понимании
«православной общественности»*

Второй крупной группой сайтов православного Интернета, сопоставимой по влиятельности и популярности с церковным официозом, являются сайты «православной общественности». Под православной общественностью в Сети мы понимаем людей, которые считают себя членами РПЦ, занимаются обсуждением в Интернете ее проблем и делают это вне очевидного контроля со стороны официальных структур церкви.

Интернет-проекты православной общественности появились в Сети раньше официальных серверов. Это естественно, поскольку энтузиасты сетевого строительства всегда действовали оперативнее неповоротливых официальных структур. Их сайты были более разнообразны как типологически, так и содержательно. Однако в целом направление развития сайтов «православной общественности» оставалось, да и остается сейчас близким к тому, в котором движутся официальные сайты.

Распространение Интернета совпало с периодом резкого усиления активности внутри РПЦ различных фундаменталистских группировок и широкой внутрицерковной дискуссией по этому поводу. С 1998 г. фундаменталисты активно использовали Интернет для решения следующих задач:

- пропаганды своих взглядов среди верующих РПЦ;
- разоблачения оппонентов в церковной среде;
- оперативного реагирования на происходящие события;
- преодоление кризиса распространения православной печатной продукции;
- обращение к «простым» верующим через головы церковных административных структур.

Неудивительно при этом, что самым известным лицом в среде фундаменталистов стал не священник, а бывший пресс-секретарь питерского митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева) К. Душенов⁷. Наиболее известной акцией фундаменталистов, на которую руководство церкви вынуждено было отреагировать, создав специальное совещание, стала борьба против введения идентифи-

кационного номера налогоплательщика (ИНН). Мощная кампания за непринятие верующими ИНН была проведена в 2000 г. в первую очередь с использованием Интернета. «Разоблачительные» материалы об ИНН публиковались на сайтах фундаменталистов («Русская линия», «Православие» и др.) и затем перепечатывались в сочувствующей им местной православной прессе или распространялись в виде распечаток.

Хорошим примером использования Интернета во внутрицерковных сражениях является и создание в 1999 г. сайта «Боль церкви» (<http://pravdolubov.chat.ru/index.html>). На нем в разгар конфликта в Екатеринбургской епархии была опубликована информация, компрометирующая правящего епископа. В итоге тот был снят со своего поста.

В 2000—2001 гг. альтернативой многочисленным фундаменталистским ресурсам был сайт «Соборность» (<http://www.sobor.ru>), который обсуждал актуальные проблемы церкви с более либеральных позиций⁸. «Соборность» не ставила своей основной целью координацию сторонников либерального крыла церкви (как это делают сайты фундаменталистов по отношению к своим единомышленникам), но в некоторых ситуациях фактически переходила границы информационного ресурса и стремилась влиять на внутрицерковную политику. В частности, «Соборность» активно участвовала в конфликте вокруг исключения из Санкт-Петербургской духовной академии группы студентов и преподавателей (2000 г.); авторы этого сайта приняли активнейшее участие в образовании Гильдии религиозной (фактически православной) журналистики Медиасоюза (2001 г.), противостоящей контролируемому фундаменталистами нерегулярному Конгрессу православной прессы.

Несмотря на эффективное распространение религиозных или религиозно-политических знаний фундаменталистами или их малочисленными либеральными оппонентами, перечисленные сайты трудно назвать миссионерскими. Используемая ими терминология и круг обсуждаемых проблем таковы, что попросту непонятны постороннему человеку, если он зайдет на сайт и заинтересуется его содержанием. Сайты очевидным образом направлены на людей, уже ставших членами РПЦ, и поэтому проблемы миссии им по большому счету неинтересны. Из трех крупных исследованных нами фундаменталистских сайтов («Русская линия» — <http://www.rusk.ru>, «Православие.Ру» — <http://www.pravoslavie.ru>, «Радонеж» — <http://www.radonezh.orthodoxy.ru>) на двух последних есть, правда,

доступная рубрика «Вопросы к священнику», но этим дело и ограничивается. «Радонеж» даже имеет свой форум, однако ставит перед посетителями достаточно жесткие условия участия. На сайте Свято-Филаретовской высшей школы (<http://www.stphilaret.ru>) (либеральных оппонентов фундаменталистов, принадлежащих к общине о. Георгия Кочеткова), нет и этого. Лишь в конце мая 2001 г., т. е. примерно через три года после начала деятельности сайта, там появилась рубрика «Форум». Хотя последователи о. Георгия считаются одними из наиболее активных миссионеров в РПЦ, от посетителей своего сайта в Интернете они требуют большой личной инициативы. На самом видном месте сайта — в правой верхней колонке — опубликовано следующее сообщение от web-мастера: «Новые посетители могут сначала познакомиться с нашей Школой. Если Вы пока еще мало знаете о христианстве, читайте Писание и пройдите Оглашение. Если Вы хотите увеличить свои богословские знания, читайте наш Журнал, приходите в Библиотеку, изучайте Богослужение. Верные посетители могут узнать Новости нашей Школы и церкви, следят за Обновлением сайта и поддерживают Братство».

Из «фундаменталистских» ресурсов функцию миссионерского, точнее, миссионерско-информационного сайта пробует исполнять «православный и патриотический» сайт «Православный навигатор» (<http://www.orthodoxy.ru/navigator/mir.htm>). О менталитете его создателей достаточно красноречиво говорит обращение к новому посетителю:

«Эту скромную страничку можно сравнить разве что с хижинкой одинокого лесного бродяги, живущего на подножном корме среди хищного окружения диких зверей, ядовитых пауков и прочих злых вуду-колдунов, которыми кишмя кишит виртуальное пространство. Чем может быть полезен такой бродяга затерянному в бескрайних лесах страннику? Во-первых, он может указать дорогу к ближайшему нормальному человеческому поселению, укрепленной деревеньке, форту, замку и т. п., где можно получить помощь и убежище, во-вторых, он может дать лекарство или противоядие от специфических местных ядовитых тварей, в-третьих, он может просто обладать ценной информацией, которую, возможно, и ищет странник.

Резонен вопрос — а с чего это “лесной бродяга” решил, будто бы зашедший на эту страницу человек подобен заблудившемуся в лесу путнику? Да с того, что в десятку популярнейших сайтов мы пока явно не входим (надеюсь, и не войдем), и попасть к нам можно разве что случайно. Т. е. по воле Божией. Так что располагайтесь поудобнее, разговор у нас будет долгий и страшный».

Все на этом сайте от первых слов, обращенных к посетителю («Мир тебе, странник дремучих техно-джунглей Интернета!»), до финала («Мы — небольшая группа патриотически настроенных не-старых еще военнослужащих, чье табельное оружие — трехдюймовый винчестер и злобная кусачая мышь на длинном поводке») говорит скорее об оборонительном, чем о наступательном (т. е. миссионерском) характере ресурса.

Таким образом, задача миссии для сайтов православной общности не входит в число первоочередных, хотя они уделяют ей несколько большее внимание, чем сайты официальных церковных структур. Обе группы сайтов нацелены в первую очередь на решение задачи предоставления и распространения информации.

*«Сетевое братство» — феномен сайта
«Форум диакона Андрея Кураева»*

Отдельным явлением среди интернет-ресурсов православной общности является сайт «Форум диакона Андрея Кураева» (<http://www.kuraev.ru>). Отец Андрей Кураев — очень популярный православный публицист и деятельный миссионер, известный даже вне церковной среды.

Его популярность обусловила изначальную «раскрутку» сайта (он появился в 1997 г.), хотя в дальнейшем сам инициатор не часто поддерживал свое детище (на июль 2001 г. всего 550 сообщений от его имени). С 1999 г. в деятельности сайта принимает участие еще один популярный публицист, специализирующийся на «борьбе с сектами» А. Дворкин (1511 сообщений). А. Кураев и А. Дворкин имеют отдельные рубрики на сайте. Соответственно к ним 11 584 и 3100 обращений, доступных на сайте (часть, видимо, отредактирована и выброшена), однако в основном жизнь сайта идет без них — за счет группы модераторов и активных участников дискуссий. Уже третий номер в списке участников некий Андрей имеет 4189 сообщений, номер 25, Сергей, — 907, номер 29, Александр Б., — 1630, номер 66, Саша, — 3205, номер 69, Виталий, — 3817, номер 80, Владимир, — 1808 и т. д. Раннее начало участия в дискуссиях относительно слабо коррелирует с общим числом сообщений, принадлежащих дискурсантам. Записавшийся за № 4445 (из 6 тыс. принявших участие в форуме) некто Макс Украинец является обладателем 531 сообщения — почти такого же количества, что и создатель сайта.

Несмотря на миссионерскую деятельность создателей сайта в офлайне, в целом ресурс не ставит перед собой задачу обращения неверующих. Из статистики, размещенной на сайте и основанной на результатах обработки более 1500 анкет, заполненных посетителями⁹, видно, что 53,2% из них являются прихожанами РПЦ, еще 7,2% точно определяют себя как «православный новоначальный», а еще 5,7% считают себя православными, принадлежащими к другим деноминациям. Итак, две трети участников форума (66,1%) — православные. Из других участников форума 2,7% являются атеистами, 1,9% — безверующими, 8,4% — сомневающимися, 0,8% — агностиками, 4,8% — невоцерковленными верующими. Таким образом, внеконфессиональные посетители, которые и должны быть главным объектом миссии, составляют 18,6%. Это, вероятно, не так уж мало, однако соотношение цифр все же показывает, что форум представляет собой в первую очередь место встреч для православной аудитории.

Значение сайта для этой аудитории весьма велико. «Форум диакона Андрея Кураева» длительное время был единственным местом в православном Интернете, специально предназначенным для дискуссий. На остальных сайтах дискуссия если и возможна, то лишь в такой неудобной форме, как использование гостевых книг. На «Форуме» «Радонежа» посетителей ждет такое объявление:

«В Форуме радиостанции “Радонеж” предусмотрена постмодерация, т. е. сообщения размещаются участниками свободно, но впоследствии могут быть удалены модератором. Критика действий модератора или установленных в Форуме “Радонеж” правил — запрещена. Модератором Форума является гл. редактор Радио “Радонеж” Алексей Рогожин.

В Форуме не принято:

- Неуважительное отношение к Православию.
- Использование в полемике ругательств и оскорблений в адрес собеседников.
- Использование форума для сектантской агитации и проповедей».

Понятно, что подобная жесткость требований к участникам форума в сочетании с крайне консервативной позицией его организаторов, готовых усматривать неуважительное отношение к православию даже в статьях православных либералов, не способствует оживленной дискуссии с людьми неверующими. Хотя в то же время число поклонников этой радиостанции достаточно велико и могло бы отразиться на количестве участников форума.

Сайт «Соборность» пытался создать свой форум, но первоначально не стал делать тематических рубрик (они появились в мае — июне 2001 г.), ограничившись предоставлением посетителям места для обмена мнениями. Соответственно количество участников дискуссии там невелико и исчисляется парой сотен. Еще около двухсот человек воспользовались рубрикой «Вопросы к священнику».

Таким образом, «Форум диакона Андрея Кураева» остается единственной полноценной площадкой для обмена мнениями среди православной общественности, которая породила феномен «сетевого братства» — виртуального клуба постоянных посетителей форума. Значение подобного объединения на единственной дискуссионной площадке православного Интернета весьма велико. Активисты этого братства задают тон в большинстве проводимых дискуссий или являются их модераторами. Фактически именно они, а не тридцать священников РПЦ, зарегистрированные как участники форума, представляют церковь в Сети перед случайными посетителями, заинтересовавшимися религиозной (православной) проблематикой.

Ксенофобия на религиозных сайтах

Контент

Итак, в первой части статьи мы установили, что сайты РПЦ (как официальные, так и «общественные») не предназначены для миссионерской работы. Рядовой (случайный) посетитель православного сайта сталкивается с достаточно специализированной информацией, предназначенной узкому кругу «своих». Разъяснение этой информации ему необходимо, и в поисках ответа он скорее обращается к сайтам «православной общественности», с помощью которых при некоторой настойчивости (обращаясь к священнику, следя за дискуссиями или принимая в них участие) можно получить необходимые сведения.

Однако проблема состоит в том, что большинство подобных сайтов (особенно популярные) принадлежат фундаменталистским группировкам в РПЦ.

Фундаменталистские взгляды в религиозной сфере сами по себе не представляют опасности для современного общества. Должна женщина приходить в храм в платье или в джинсах, на каком языке должна вестись служба — на церковнославянском или русском, как

должна строиться исповедь — все это внутреннее дело членов церкви. Однако фундаменталистские группировки в РПЦ в большинстве случаев прикрывают религиозной риторикой политическую деятельность, которая не удалась им в светском обществе и теперь продолжается в рамках церкви. Свойственные членам этих группировок монархические, антисемитские и антиукраинские взгляды (не говоря уже о ксенофобии в отношении неправославных) открыто транслируются на сайтах православной общественности. Православные сайты стали активными участниками чисто политической кампании в поддержку режима С. Милошевича в Сербии в 1999 г., протестовали против многих аспектов внутренней и внешней политики Украины (в частности, ее позиции по поводу вступления в НАТО в 2000 г. и визита папы Римского в 2001 г.).

Политизированность этих сайтов очевидна. Посетителя, загрузившего 17 июля 2001 г. первую страницу сайта «Православного информационного агентства “Русская линия”», в начале страницы ожидал следующий текст: «Политинформация 16.07: “ЗУБР” поможет объединению братских народов. Дума приняла Земельный Кодекс. При попытке арестовать Радована Караджича погибли английские спецназовцы. Евреи надежно укрыли Гусинского. Бывший болгарский Монарх становится премьером». С этого же сайта существуют ссылки на такие радикальные националистические издания, как «Русский вестник», «Православие или смерть» и «Черная сотня».

Любопытно, что в разделе ссылок газеты «Завтра» в подразделе «Православие» список ссылок в порядке очередности выглядит так: «Русская Линия», «Черная Сотня», «За право жить без ИНН», «Православие в России», «Библиотека православного христианина», «Официальный Web-сервер Московского Патриархата».

Высокий градус политизированной ксенофобии, который распространяет сайт «Православие.Ру», виден по опросу «Как Вы относитесь к тому, что визит Папы на Украину совпадает с 60-летием вторжения Гитлера?». Посетители, отвечая на заданный подобным образом вопрос, естественно, не стесняются в выражениях. Так, 47,4% принявших участие в этом опросе, поддержали следующую позицию: «Это лишь подтверждает их типологическое сходство»¹⁰. После этого нетрудно догадаться о содержании книги «Новый православный противокатолический катехизис», которую предлагают приобрести посетителям сайта.

Постоянным автором сайта является националистическая писательница Н. Нарочницкая. Одна из ее статей («“Гагский трибунал”:

смерть суверенитету»), помещенная на первой странице сайта, аннотирована так: «Желание поглумиться над падшим величием — типично для третьесословного американского хамства».

Впрочем, у авторов сайта мало какое западное явление вызывает симпатию. Дело доходит до обвинений в адрес «Врачей без границ». Автор статьи «Наркотики — очень удобное средство для истребления неугодных государств», также помещенной на первой странице сайта, утверждает: «Кроме сект, к нам под видом борьбы с наркоманией внедряются разные международные организации. Прежде всего “Врачи без границ”».

К. Фролов в материале, посвященном государственной символике России, так формулирует идеологическую линию ресурса: «Говоря о государственном гимне, будет лицемерием заявлять, что он безоговорочно принят православным сознанием. Однако следует с пониманием отнестись к предложению президента России Владимира Путина касательно музыки Александрова, так как она действительно признана большинством нашего народа. Но принципиальным является вопрос о новом тексте гимна, который должен олицетворять суть “русской идеи”, отображать наше национальное самосознание, стержнем которого является православная вера».

Мнения посетителей

Такие сайты, как «Православие.Ру», «Русская линия» или «Радонеж», публикуют крайне политизированную религиозную информацию, но при этом, как правило, воздерживаются от прямых оскорблений в адрес других конфессий или нерусских этнических групп. Это вызвано, с одной стороны, тем, что все эти сайты принадлежат официально зарегистрированным организациям, с другой стороны, их редакторы понимают, что радикальные ксенофобские призывы переводят сайт в разряд маргинальных и, следовательно, сокращают аудиторию. Крупные сайты православной общности, таким образом, стремятся сохранить солидность и надежду на продолжение финансирования со стороны сочувствующих им коммерческих организаций.

В то же время содержащиеся на этих сайтах многочисленные завуалированные обвинения в адрес других конфессий или этнических групп часто нуждаются в дополнительном разъяснении и трактовке, особенно для случайных или начинающих свое «православное» образование посетителей. Эту функцию берут на себя более

экстремистские (а значит, и более маргинальные) ксенофобские сайты, на которые солидные ресурсы ставят ссылки. Другой формой трактовки являются надписи, оставленные в форумах, гостевых книгах, и рубриках типа «Выскажите Ваше мнение» посетителями православных сайтов, зачастую анонимными.

На двух из трех крупных фундаменталистских сайтов («Православие.Ру» и «Русская линия») нет площадок для свободного выражения своего мнения. Например, на сайте «Православие.Ру» есть рубрика «Полемика», однако туда помещен всего десяток писем читателей, обладающих несомненными литературными достоинствами и по сути являющихся небольшими статьями. Нет экстремистских призывов и в рубрике «Вопросы к священнику», очевидным образом редактируемой редакторами сайта. На «Радонеже» «Форум» есть, но он в значительной степени зарегулирован и отредактирован.

В то же время «либеральный» сайт «Соборность», на котором посетители могут выражать свое мнение как под опубликованными материалами, так и в рубриках «Форум» и «Гостевая книга», пестрит ксенофобскими высказываниями.

Вот типичный пример дискуссии на сайте «Соборность» по поводу перепечатки рецензии газеты «Times» на книгу «Экономическая деятельность РПЦ»:

Лев Тихонов (27 сентября 2000 г. 18:12:27):

Вчера официальный представитель РПЦ набросился на авторов доклада — один из которых, Михаил Эдельштейн, сын православного священника. Интересно, не является ли по вероисповеданию этот Михаил Эдельштейн иудаистом, подобно своему брату Юлию — израильскому политику и отставному министру?

Иван А. (28 сентября 2000 г. 11:18:44):

Скорее всего, информация в отношении Эдельштейна верна. Православных обвиняют в антисемитизме, обычно не приводя аргументы. В то же время атаки именно иудаистов на православие не прекращаются, они просто выискивают любую зацепку, чтобы полить грязью нашу церковь.

Александр Медведев (1 октября 2000 г. 20:38:25):

Согласен с Иваном А., но при этом полагаю, что описанная ситуация не далека от правды. Везде, где нет контроля, начинает цвести коррупция, и Церковь не исключение.

Корелов Александр (14 октября 2000 г. 0:20:50):

Церковь имеет самостоятельные, независимые от «дерьмокрагов» рычаги воздействия на тех своих служителей, которые используют не по назначению имеющиеся в их распоряжении материальные блага ¹¹.

А вот другая тема: визит папы Римского на Украину в июне 2001 г. и служба во Львове, на которую собралось 1,2 млн человек:

Елена (2 июля 2001 г. 14:52:04):

Прозелитизм в действии! Тошно и отвечать на эти папские панегирики (по поводу помещенной на сайте статьи. — Н. М.). А православных, кстати, в Украине около 35 миллионов. Так что 1 200 000 — это все же капля в море... Да и потом — «не в силе Бог, а в правде». А правда — на стороне православных. Была, есть и будет. Аминь.

Сергей (3 июля 2001 г. 12:36:23):

Это похоже на вторжение завоевателя. Недавно еще только Папа извинялся перед православными за притеснения православных. Не надо забывать, как насаждалось католичество на Украине. Вырезали ведь простой народ целыми деревнями и хуторами. Их потомки с восторгом принимают Папу. Бог им судья. Но неужели те люди, которые пришли на встречу с Папой и которые с восторгом принимают его, не хотят спастись? Неужели искаженный Символ веры им милее? Неужели все они верят в непогрешимость Папы? Православных в Западной Украине теперь, наверное, совсем заключают. Это мое мнение.

Евгений, раб божий (3 июля 2001 г. 14:28:07):

Львов — еще не Украина ¹².

Сайт «Соборность» в целом среди православных сайтов отличается умеренностью и либеральностью. Участники «Форума диакона Андрея Кураева» гораздо более радикальны. В мае 2001 г. один из активных участников этого форума даже задался вопросом и поднял отдельную тему: «Пропаганда фашизма и антисемитизма на Форуме». Свое замечание он сформулировал так: «За последние месяц-полтора на Форуме появился ряд тем и сообщений, в открытой и завуалированной форме пропагандирующих фашизм. На наш взгляд — это не случайность, а отражение того пути, по которому сползает наше общество. Для примера приведу несколько цитат: “Правозащитник не будет считать себя полноценным человеком, если хотя бы раз в месяц не польет грязью Православную Церковь”. “Не прошло и пяти лет. И вот Гусинский в тюрьме, НТВ разогнано именно на Пасху”. “Вы сыпете цитатами из западных брошюр, пропагандирующих общечеловеческие ценности. Я уж грешным делом подумал, что вся эта идеологическая лабуда поднадоела нашей интеллигенции. Ан нет”. “...Присутствие независимых, демократических журналистов оскверняет СМИ России”. Думаю, любой из нас встречал на Форуме подобные этим высказывания. Также на Форуме культивируется ничем не прикрытый антисемитизм, постоянно звучат призывы к наведению порядка любыми способами, призывы к расправе с “не нашими”¹³.

На это замечание он получил около двух десятков ответов оппонентов, в которых утверждалось, что никакой фашистской агитации на форуме нет и что «современные фашисты» — это «старое» НТВ и некоторые деятели администрации президента Д. Буша.

Некто Петров, характеризующий себя в рамках принятой на форуме каталогизации «православным», в общении с патриархом Алексием II, на наш взгляд, достаточно точно сформулировал политическое кредо большинства участников форума и их отношение к фашизму:

«Если кто-то на форуме действительно фашист или антисемит, то что в этом удивительного? Здесь не одни православные обретаются, хотя форум — православный. Вам это разве не известно? Мы, православные, не можем отвечать за всех других.

Вы как поборник демократии и свободы слова чему удивляетесь и возмущаетесь? Разве не демократия декларирует право свободы слова и совести и т. п.? Кроме того, если Ваши “прогнозы” и сбудутся в России (в чем я сильно сомневаюсь), то не сами ли “демократы” старались всячески бесить обывателя своими “реформами”? “Кто сеет ветер — пожнет бурю...” Не так ли?».

Таким образом, с одной стороны, фундаменталисты выталкивают солидарных с ними по существу читателей выражать свое мнение на других сайтах, с другой стороны, экстремисты имеют специальную площадку для встреч и дискуссий в виде «Форума диакона Андрея Кураева».

*Экстремистские высказывания посетителей на сайтах
иных конфессий*

Итак, мы установили, что сайты РПЦ в целом не предназначены для решения миссионерских задач, а занимаются информированием специализированных и достаточно узких групп.

В то же время случайный посетитель, вполне вероятно, столкнется в процессе общения с этими сайтами и с экстремистскими заявлениями. Для этого совершенно не обязательно участвовать в работе «Форума диакона Андрея Кураева» — хотя многих потенциальных посетителей может привлечь известное имя, а также возможность получить ответ на интересующий вопрос в режиме онлайн. На экстремистские высказывания можно без труда наткнуться, читая вполне нейтральные статьи, а затем комментарии под ними, например, на сайте «Соборность».

Таким образом, для ксенофобов достаточно лишь вовремя заполнить предоставленную им площадь, чтобы получить потенциального читателя.

Характерна ли подобная ситуация только для сайтов РПЦ или подобного рода высказывания имеются и на сайтах других конфессий? Если да, то против кого они обращены?

Чтобы определить, являются ли ксенофобские призывы нормой для дискуссионных разделов религиозных сайтов, мы просмотрели несколько известных веб-страниц крупных христианских конфессий. В их числе оказались сайт Московской церкви Христа (<http://moscowc.by.ru/CHURCH/rightF.html>) и сервер «Католическая Россия» (<http://www.catholic.ru:981>). На них также содержались ксенофобские высказывания, но принадлежали они (судя по подписям) православным. Особенно много их нашлось на сайте Московской церкви Христа. Такие разделы, как «Гостевая книга» и «Форум», традиционно популярные у людей, желающих написать нечто оскорбительное для верующих другой конфессии, практически чисты от подобных высказываний, поскольку подвергаются редактуре. Редактор в одной из записей в «Гостевой книге» прямо оповещает, что из этого раздела удаляются «грубые высказывания». Однако для ксенофобских высказываний предусмотрена отдельная страница, которая называется «Неподметаемая комната». Она начинается специальным предупреждением: «Господа хулиганы, если вы хотите написать какую гадость, — пожалуйста, пишите в “Неподметаемую комнату”, тут ваши творения “будут жить”» и содержит восемь высказываний типа: «Вот уроды!!!! Давить вас надо!!!!»; «Друзья сектанты! Как вы там поживаете. Так же быстро растет ваша братия? Надеюсь что нет. :))) А новечкам скажу — духовность ищите в православной церкви, а не в сектах!» (сохранены особенности авторской графики. — Н. М.).

«Католическая Россия» (<http://www.catholic.ru>) представляет собой официальный сервер. Его редакторы прямо говорят в ответ на один из вопросов в гостевой книге, что не указывают ссылок на чаты, форумы и другие средства интерактивного общения. Тем не менее посетители могут выражать свое мнение о сайте в гостевой книге (всего 119 записей с 19 апреля 1999 г. по 26 мая 2001 г.). В этом разделе дважды возникает завуалированная дискуссия, каждый раз спровоцированная человеком, характеризующим себя как «православный».

31. (Нумерация на сайте обратная. — Н. М.) Имя: Юрий, Город: Москва, (Monday, February 12, 2001 at 17:20:28):

Комментарии: Я просто не понимаю, как можно быть Русским и одновременно Католиком? Ведь Русская исконная вера (с 988 г.) — Христианство в его восточной форме — Православие. Может кто объяснит, как можно пренебрегать историей?

Catholic: Если интересно — напишите на мой e-mail (web-мастеру сайта). Я католик, и в то же время русский — и не вижу в этом противоречия :)

28. *Имя: Юрий (Sunday, February 18, 2001 at 18:07:08):*

До 988 г. наши соотечественники жили в мраке и вообще, может, еще возьмем период до н. э. Россия была, есть и будет ПРАВОСЛАВНОЙ страной, а такие, как вы, предатели, только способствуют скорейшему завоеванию нашей Родины западными агрессорами с их видением мира и нравами. Тебе не кажется, что если бы католицизм был бы так велик, то от него не отделились бы многие страны и народы. Да, у нас тоже был раскол, но наши раскольники сейчас не имеют такой силы (и никогда ее и не имели), как ваши протестанты : (

26. *Имя: Эдуард, Город: Москва, (Wednesday, February 21, 2001 at 01:19:14):*

Комментарии: Вы, уважаемый Юрий, никогда не задумывались о том, что Россия и другие православные страны всегда отставали в своем развитии от стран католических и протестантских и были гораздо деспотичнее? Пора бы уже перестать мечтать о собственной богоизбранности и искать врагов. Изоляционизм не шел пока на пользу ни одному народу.

А «западник» Петр вообще-то был настоящим азиатским деспотом в вопросах экономики и государственного управления. Католическая же церковь создавала противовес светской власти со стороны власти церковной, чего российские самодержцы не потеряли бы.

Экстремизм и проблема представительства

Наше исследование показывает, что религиозные сайты в Интернете и в первую очередь сайты РПЦ являются источником ксенофобских высказываний. Однако сайты, которые считают себя «солидными», имеют возможность пресекать ксенофобскую агитацию путем редактур или предоставления экстремистам возможности для самовыражения на обособленных площадках.

На наш взгляд, наличие экстремистского меньшинства в любой среде социума (будь то Интернет или городские кварталы) — вещь неизбежная. Однако если многие привычные среды человеческого бытия уже достаточно эффективно ограничивают экстремистские проявления законодательным путем, то в Интернете как новой среде традиции и ритуалы, которым в будущем предстоит стать законами, еще только складываются.

В частности, открытым остается вопрос, стоит ли (и в какой форме) проводить редактуру страниц, открытых для выражения мнений. С одной стороны, удаление грубых и некорректных выражений — нарушение свободы самовыражения, одного из неформальных, но базовых принципов существования Сети. С другой стороны, наличие большого количества нецензурных или экстремистских высказываний отпугивает от сайта «нормальных» посетителей и искажает впечатление от «контента». Пока эта проблема решается «волонтаристским путем», т. е. в соответствии с позицией, занятой редактором конкретного сайта.

Вместе с тем предоставление экстремистам свободы самовыражения (применительно к Интернету — отсутствие редакции чатов, гостевых книг и пр.) и солидарные с ними акции (вроде упоминавшегося опроса на сайте «Православие») провоцируют их на перенос активности на другие сайты.

Поскольку наиболее агрессивные и ксенофобски настроенные участники проявляют наибольшую активность, в частности, фиксируют свое мнение на дискуссионных страницах (тем более если редакторы сайта это поощряют), то мнение именно этой, возможно, относительно небольшой группы становится определяющим. Вероятно, большинство воцерковленных активистов РПЦ, пользующихся Интернетом, не поддерживает их радикальных идей, но для постороннего взгляда (в том числе человека, интересующегося религией), брошенного на православный сайт, мнение радикалов становится мнением большинства. И в этом случае говорить об успехе миссии затруднительно.

Заключение

Изучая вопрос об опыте религиозной миссии в Интернете (на примере сайтов РПЦ) мы столкнулись с несколькими проблемами. Коротко их можно обозначить так:

что понимается РПЦ под миссионерской работой в Интернете?

что делается в этой сфере?

каково разделение функций между официальными структурами РПЦ и православными энтузиастами?

какова роль экстремистов, выступавших с ксенофобскими призывами на православных сайтах?

что с ними делать?

От разрешения этих проблем зависят дальнейшие перспективы миссионерской деятельности РПЦ в Интернете. Понятно, что делать

прогнозы в такой молодой, быстро и хаотично развивающейся области, как Интернет, — занятие неблагодарное. Однако попытаемся определить некоторые возможные сценарии развития событий.

Можно констатировать, что Рунет находится сейчас в фазе активного роста. За 2001 г. число постоянных пользователей российской части Сети выросло на 40 %. Безусловно, продажи компьютеров, сохраняющие объемы (и даже увеличивающиеся) в течение последних пяти лет, а также удешевление связи и появление в ближайшей перспективе новых возможностей (широкополосного доступа) будут способствовать увеличению количества пользователей. Весьма небольшая их часть будет интересоваться материалами религиозного содержания, однако вполне вероятно, что увеличившееся количество пользователей может перескочить некий порог, за которым произойдут качественные изменения.

Очевидное увеличение числа посетителей «киберхрама» может подтолкнуть церковное руководство к более активной и целенаправленной информационной и миссионерской работе в Сети. Негативным импульсом могут послужить интернет-успехи какого-либо религиозного конкурента РПЦ.

Другой сценарий может быть связан с общей реформой миссионерской деятельности РПЦ. Возможно, в недалеком будущем произойдет чудо (их в церковной истории было немало), и посты церковных руководителей, отвечающих за миссионерскую и катехизаторскую деятельность, займут люди, адекватные современным реалиям и, более того, готовые адаптировать опыт западных христианских церквей к российской действительности. Если же чуда не случится, реализация этого сценария отложится на гораздо больший и выходящий за рамки возможных для Интернета прогнозов срок — лет на 15—20, точнее, до того времени, когда в озабоченной падением количества верующих церкви возьмут верх сторонники модернизации.

Проблема церковной миссионерской работы в Интернете состоит в том, что она не ведется. Именно поэтому сложно говорить о том, какие ее формы могли бы принести успех, какие проблемы могут встретиться на этом пути. Очевидно одно: имеющийся опыт вывешивания в Сети информационных материалов (выступлений ли патриарха или житий святых) не имеет отношения собственно к миссионерству. Возможно, необходимо заигрывать в прямом и переносном смысле с посетителями, заманивать их баннерной рекламой (и не один раз, а систематически) сначала на какие-то православные

викторины и тесты, бесплатные почтовые ящики и открытки, культурные проекты, а уж потом работать с каждым заинтересовавшимся индивидуально. Но подобный уровень работы возможен только при наличии команды профессионалов.

И тут возникает третья проблема — соотношение официальных церковных структур и энтузиастов. Резервы деятельности энтузиастов далеко не исчерпаны. Вероятно, в ближайшие годы будет хватать и хороших идей, и сил по поддержанию интересных проектов у одного, двух, трех человек. Однако серьезная миссионерская работа, поддержание больших и «долгоиграющих» проектов невозможны без создания формального трудового коллектива с бюджетом, начальниками и источниками финансирования.

Опыт нескольких рассмотренных нами крупных и формально независимых от церковного руководства интернет-проектов показывает, что большинство из них создавалось группами энтузиастов при финансовой поддержке средних церковных или околоцерковных структур (Сретенского монастыря, Свято-Тихоновского богословского института, общества «Радонеж» и пр.). С одной стороны, эти структуры позволяли энтузиастам вырастать в профессионалов, которые создавали довольно крупные проекты и при этом обладали достаточно большой степенью самостоятельности. К тому же несколько заметных энергично развивающихся проектов всегда лучше одного глобального, но при этом неизбежно забюрократизированного. С другой стороны, при такой системе планово-убыточные православные интернет-проекты полностью зависят от финансирующей их организации не только и не столько идеологически, сколько материально. Прекращение финансирования, как правило, ставит крест на проекте. В таких условиях планировать последовательную стратегию миссионерской деятельности и «завязываться» всерьез с большим количеством людей вряд ли кто возьмется хотя бы из моральных соображений.

По вопросу экстремизма у создателей православных сайтов нет однозначной позиции. Точнее, они считают, что экстремизм неприемлем и что с ним необходимо бороться с помощью цензуры (модерации), но каждый понимает под экстремизмом что-то свое. Во избежание бурных споров и взаимных обвинений всерьез вопрос об экстремизме на сайтах РПЦ пока в среде православных интернетчиков даже не ставится.

Когда эта статья была уже закончена, автор получил неожиданное подтверждение своим выводам, побывав на заседании «кругло-

го стола» на тему «Православный Интернет», прошедшего в рамках «Рождественских чтений» 30 января 2002 г.

Выступавшие там деятели православного Интернета четко разделились на две группы в связи с пониманием главной цели своей деятельности. Поднятый устроителями «круглого стола» (руководителем подразделения информационных технологий Отдела религиозного образования и катехизации Б. Ананьевым) вопрос о создании «православной Сети» — т. е. общецерковного провайдера, который будет ограничивать потенциальным потребителям его услуг выход на «плохие» сайты всемирной Сети, привел к бурной дискуссии. Значительная часть выступавших (в том числе представители сайта «Русское воскресение»¹⁴, «Форума Андрея Кураева») поддержала эту идею, однако попыталась представить свой ресурс в виде будущей основы «православной Сети». При этом некоторые выступавшие в поддержку «православной Сети» понимали проект как идею создания некоего «православного портала» или даже объединения всех Интернет-ресурсов церкви под единым началом.

Другая группа участников, в том числе один из отцов-основателей «православного Интернета» Н. Ардабьевский¹⁵ и руководитель проекта «Россия православная» А. Дятлов¹⁶, высказали большие сомнения в реалистичности, а главное — в необходимости создания подобных замкнутых систем, которые, по словам Н. Ардабьевского, «будут мешать исполнению главной задачи “православного Интернета” — донесения до каждого пользователя Сети Евангелия».

Примечания

¹ При этом мы учитываем, что в Интернете существуют православные сайты, сделанные прихожанами Русской православной церкви за рубежом, старообрядцами и представителями менее крупных православных религиозных групп, но выводим их за рамки исследования.

² http://txt.ntv.ru/religy/11May2001/internetcerk_print.html.

³ http://www.russian-orthodox-church.org.ru/pa2_gr_ru.htm.

⁴ Проект фактически закрыт в 1998 г.

⁵ Интервью автора с архиепископом Иоанном (Поповым), Белгород, 15 марта 2001 г.

⁶ http://txt.ntv.ru/religy/11May2001/internetcerk_print.html.

⁷ Подробнее о фундаменталистском крыле в РПЦ см.: Митрохин Н. Кровь или Библия. Этнонационализм и религиозные организации: опыт СНГ // Неприкоснов. запас. — 2001. — № 3 (17).

⁸ Проект был закрыт в августе (официально с 1 сентября) 2001 г.

- ⁹ На июль 2001 г. на сайте официально зарегистрировано 4183 участника (<http://www.kuraev.ru:8101/gb/stat.php3>). При этом по номерам регистрации ясно, что всего было зарегистрировано немногим более 6 тыс. человек. Причины снятия с регистрации почти трети состава участников создателями сайта не объясняется, но, возможно, перед нами результат борьбы с компьютерными хулиганами.
- ¹⁰ <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/vote.pl?name=poll01&action=view>.
- ¹¹ <http://www.sobor.ru/pointofview.asp?id=137>.
- ¹² <http://www.sobor.ru/pointofview.asp?id=2011>.
- ¹³ <http://www.kuraev.ru:8101/gb/view.php3?subj=7538>.
- ¹⁴ Политизированный православный сайт, созданный Союзом писателей России.
- ¹⁵ Основатель православного каталога ссылок «Страница Николая Ардабьевского».
- ¹⁶ Бесплатный хостинг для православных ресурсов.

Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность

Елена Мирская

Интернациональные системы компьютерных сетей, обеспечивающие практически моментальное перемещение любой информации, составляют основу самой современной формы человеческих коммуникаций. В науке коммуникации играют особую роль, являясь не только необходимым условием индивидуальной научной деятельности, но и ее системообразующим механизмом. Через них труды отдельных ученых соединяются в научные области, направления и дисциплины, а разрозненные элементы знания выстраиваются в систему. От эффективности и быстрогодействия научных коммуникаций существенным образом зависит вся профессиональная деятельность научного сообщества.

Каждая новая форма коммуникаций, появлявшаяся на протяжении истории развития науки, обеспечивала ускорение обмена информацией и потому моментально подхватывалась учеными. Ускорение, упрощение, повышение информационной емкости научных контактов — постоянное стремление исследователей. В этом отношении компьютерные телекоммуникации, включающие пользователей в мировые банки научной информации и обеспечивающие почти непосредственное общение абонентов, максимально соответствуют потребностям ученых.

Развитие компьютерных телекоммуникаций в российской науке, начавшись сравнительно недавно, пошло чрезвычайно быстро и, безусловно, заслуживает специального внимания. Систематического изучения требует не

только технический аспект — развертывание национальных электронных сетей и включение их в глобальную сеть Интернета, но и, главное, процесс реальной ассимиляции новых информационно-коммуникационных технологий, результаты его воздействия на научное сообщество и динамика возникающих изменений.

Непрерывное развитие интернет-технологий и их эффективность в различных сферах человеческой деятельности сделали эту общемировую новацию завершающим успехом XX в. Ее использование в науке непрерывно растет и занимает все большее место в повседневной работе ученых. Но можно ли утверждать то же о ее воздействии на результаты научной деятельности? Сказывается ли влияние этих новых технологий на обычных, традиционных показателях успешности ученых? Справедливо ли утверждение, что чем активнее пользуется ученый современными информационно-коммуникационными технологиями, тем продуктивнее его профессиональная деятельность? Существуют ли реальные свидетельства радикальных изменений в глубинных механизмах производства научного знания?

Что касается российской академической науки, мы имеем возможность обсудить эти вопросы не умозрительно, а на конкретных данных трех последовательно проведенных эмпирических исследований, в которых были изучены основные аспекты заявленной проблемы: определены группы ученых с наибольшей телекоммуникационной активностью, их приоритеты при использовании возможностей нового сервиса, цели применения и оценки существенности новых технологий и т. п. Поскольку при этом фиксировались и стандартные индикаторы научной деятельности, наши методики позволяли не только выяснять численные характеристики отдельных параметров, описывающих работу в сетях, но и выявлять латентные процессы и последствия использования компьютерных телекоммуникаций: какие изменения они вносят в научную деятельность? как воздействуют на профессиональное поведение ученых, их самосознание и, главное, на результативность?

Естественно, полученные результаты соответствуют конкретной ситуации, обусловленной не только национальными традициями организации науки, но и периодом жесткого социально-экономического кризиса, серьезно подорвавшего позиции науки в обществе. Однако эмпирические данные по результатам «интернетизации» российской науки представляют научный интерес не только для отечественных ученых, но и для других, в том числе и более продвинутых национальных научных сообществ. Дело в том, что запоздалое включение

российской науки в процесс компьютеризации, развернувшееся практически только в 90-х годах [6], т. е. буквально на глазах современных исследователей, дало возможность пронаблюдать и зафиксировать его развитие буквально *ab ovo*.

Таким образом, статья опирается на эксклюзивные данные семилетнего мониторинга. Эмпирические исследования деятельности научных коллективов, требующие большого объема практической работы, связаны со значительными трудностями и потому крайне редки. За все последние годы нам известны лишь два сообщения, основанные на социологической эмпирии [4; 3]. Сотни публикаций, посвященных внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в науку, в основном опираются на компьютерную статистику и потому фактически анализируют технологический аспект. Они не могут осветить «человеческий аспект» — выяснить реальные изменения в профессиональной деятельности ученых и в механизмах созидания нового знания, что в конечном счете является центральной частью проблемы и нашей статьи.

Включение академических ученых в компьютерные телекоммуникации

С 1993 г. сектор социологии науки Института истории естествознания и техники РАН ведет систематическое исследование изменений, происходящих в отечественной академической науке. В нашей стране именно она всегда определяла уровень научных достижений. В кризисной ситуации 90-х годов академическая наука понесла наименьшие потери и сейчас представлена 350 исследовательскими институтами с 55 тыс. человек исследовательского персонала, причем основные силы сосредоточены в институтах физического, химического и биологического профилей.

Мониторинг трансформации научных коллективов опирается на эмпирические пилотажи, проводимые в институтах естественнонаучного профиля Российской академии наук с интервалами в два—три года. В этих пилотажах эмпирически фиксируются все основные показатели профессиональной жизни научного сообщества и аналитически выявляются их взаимосвязи. При этом главное место отводится новым факторам, начинающим играть особую роль в научной жизни. В 1995 г. таким фактором было *зарубежное грантовое финансирование*, которое и находилось в центре внимания первого пилотажа, но тогда же в поле зрения социологов попали и *ком-*

пьютерные телекоммуникации ученых. В обследовании 1998 г. этот фактор вышел уже на передний план и стал предметом специального изучения. В 2001 г. был проведен третий пилотаж тех же проблем на идентичных объектах.

Все упомянутые обследования проводились на так называемых *целевых выборках* (targeted samples), включавших повышенную долю «элитных» ученых — сотрудников элитных институтов и элитных подразделений (с достаточно высокими показателями международного сотрудничества в 1995 г. и пользования компьютерными телекоммуникациями в 1998 и 2001 гг.). Это не только допустимый, но и вполне обоснованный выбор, так как давно известно, что элитная часть научного сообщества играет особо важную роль в функционировании науки, создавая наиболее значимый массив нового знания и обеспечивая главные достижения. Поэтому в сфере науки наиболее существенны показатели, характеризующие деятельность именно элитной прослойки, а не некоторого усредненного «репрезентативного» ученого или коллектива.

В 1995 г. на основании обследования более 300 респондентов из восьми элитных институтов РАН были получены основные характеристики использования компьютерных коммуникаций, соответствовавшие первому, начальному этапу их применения, и определены корреляции между активностью ученых в сетевом общении и их успешностью в профессиональной деятельности. В отношении сетевых коммуникаций были выявлены:

преимущественно используемые виды коммуникационных услуг; интенсивность и доминирующая тематика электронной переписки;

географические приоритеты пользователей;

основные цели использования телекоммуникаций и др.

Коммуникационная активность ученых (оцененная по интенсивности использования электронной почты) была сопоставлена с их полом, возрастом, должностью и научной дисциплиной, а также с широким спектром содержательных характеристик их деятельности [2, с. 210]. В обследованной выборке оказалось около 50% ученых, которые считали себя пользователями электронных сетей. По корреляциям между показателями сетевой активности ученых и основными индикаторами их профессиональной успешности было установлено, что в целом *общая научная продуктивность устойчиво коррелировала с высокой коммуникационной активностью*, однако обратная зависимость отсутствовала: крайне активная ком-

муникационная деятельность в компьютерных сетях отнюдь не всегда соответствовала заметным научным успехам [6; 2].

В этот период компьютерные телекоммуникации оказались не просто оптимальным, но практически единственным доступным для ученых средством оперативного общения (особенно с зарубежными коллегами) и, соответственно, своего рода индикатором включенности в мировую науку. Неудивительно, что у сторонников «особого пути» России это вызвало настороженность и негативную реакцию. В связи с распространявшимся в то время мнением о стимулирующем воздействии компьютерных телекоммуникаций на эмиграционные намерения ученых очень важен был эмпирически обоснованный вывод, что научные работники, максимально вовлеченные в международные компьютерные коммуникации, совершенно *не склонны к эмиграции* и ориентированы на *продолжение коллективной работы* в рамках исследовательской группы [2, с. 211].

Результаты, полученные на эмпирии 1995 г., соответствовали ситуации, имевшей место до широкого подключения академических институтов к Интернету. Представляя самостоятельный интерес, они в то же время составили точку отсчета для определения тех изменений, которые произошли к 1998 г. — после массового подключения академических коллективов к Всемирной паутине, оперирующей новейшими информационно-коммуникационными технологиями. Эти изменения оказались настолько заметными и существенными, что создали эмпирическую базу для сопоставления профессиональной деятельности ученых в условиях относительно слабого (1995 г.) и гораздо более продвинутого (1998 г.) пользования компьютерными коммуникациями. Такой анализ позволяет не только зафиксировать развитие процесса ассимиляции новых технологий, но и выявить их реальное влияние на изучаемую сферу деятельности — научную работу, что и составляло основную задачу нашего исследования. Тем более что обследование 2001 г. в целом зафиксировало завершение процесса компьютеризации и «интернетизации» исследовательских коллективов в элитных академических институтах и отсутствие заметных отличий от показателей 1998 г.

«Интернетизация» академического сообщества

Современные компьютерные телекоммуникации как новый фактор, начавший играть заметную роль в отечественной науке, были в центре эмпирического исследования 1998 г., проведенного в шес-

ти ведущих академических институтах естественно-научного профиля (всего около 300 респондентов) с хорошо развитыми сетевыми коммуникациями. В этой целевой выборке пользователями компьютерных коммуникаций оказались более 75% ученых. Для них были выяснены следующие характеристики:

- телекоммуникационный стаж;
- виды используемых ресурсов;
- время, затрачиваемое на работу в компьютерных сетях;
- интенсивность электронной переписки;
- ее основное содержание;
- оценка значимости различных видов коммуникационных услуг;
- баланс информационного обмена и т. п.

Специальная методика исследования, сканирующего все важнейшие аспекты научной деятельности, дала возможность охарактеризовать использование компьютерных коммуникаций как в целом, так и в различных подвыборках респондентов, а также установить корреляцию между сетевой активностью ученых и всеми основными сторонами научной жизни, что позволило более глубоко судить о новом феномене.

Для анализа влияния новых информационно-коммуникационных технологий все обследованные ученые в соответствии со степенью их активности в пользовании этими технологиями были разделены по определенному алгоритму на пять групп (K, L, M, N, O) — от максимальной K до нулевой O . Алгоритм учитывал все перечисленные характеристики пользователей. То, что эти группы, кроме M , оказались почти равновеликими (K, L, N — по 18%, O — 20%, M — 26%), отражает специфику лишь обследованной целевой выборки и не является закономерностью для всего академического сообщества. Но выявившиеся различия телекоммуникационной активности ученых, связанные с их социально-демографическими показателями (табл. 8), общезначимы и потому заслуживают внимания.

Прежде всего обращает на себя внимание различная представленность мужчин и женщин. Женщины пользуются электронными коммуникациями существенно меньше, чем мужчины: почти треть из них совсем не участвует в этом виде деятельности, в группе максимально активных пользователей их тоже нет. Максимальная активность характерна для возрастных групп 31—40 и 41—50 лет, что могло бы дать основание для оптимистических прогнозов о перспективных ученых среднего возраста. К сожалению, исследование их интегральной профессиональной деятельности показало, что здесь

Распределение телекоммуникационной активности в различных подвыборках ученых в 1998 г., %

Характеристика	К	L	М	N	O
Мужчины	23	19	24	17	17
Женщины	0	15	33	22	30
До 30 лет	24	24	28	17	7
31—40 лет	28	28	22	17	5
41—50 лет	30	17	20	23	10
51—60 лет	7	21	26	10	36
Старше 60 лет	11	3	32	25	29
Директора, заместители директора	17	17	50	16	0
Руководители подразделений	20	23	26	17	14
Научные сотрудники	15	19	23	19	24
Доктора наук	17	17	27	15	24
Кандидаты наук	16	24	22	17	21
Без степени	25	7	32	21	15
Физики	24	18	23	18	17
Химики	8	6	29	23	34
Биологи	17	42	28	8	5
Теоретики	30	22	30	13	5
Экспериментаторы	15	17	24	19	25
<i>В среднем по выборке</i>	<i>18</i>	<i>18</i>	<i>26</i>	<i>18</i>	<i>20</i>

повышенная активность часто связана не с интенсивностью работы, а с маргинальным положением ученых, не нашедших к настоящему времени своего места в актуальных исследованиях. Приятно отметить высокую долю руководителей подразделений, активно использующих современные информационно-коммуникационные технологии. В обследовании 1995 г. они заметно отставали не только от директорского корпуса, но и от научных сотрудников. Интересно также, что телекоммуникационная активность у теоретиков гораздо выше, чем у экспериментаторов.

В программу мониторинга был заложен принцип сопоставимости результатов, полученных в социологических исследованиях, проводимых на разных этапах развития изучаемого феномена. Такое со-

поставление дополняет представление о текущей ситуации информацией о динамике процесса. Действительно, сравнение эмпирических данных 1998 и 1995 гг. показало *значительный рост доли ученых, регулярно использующих компьютерные сети* (75% против 50%). В выборке 1998 г. новые пользователи, включившиеся в компьютерные телекоммуникации в период между пилотажами, составили 30%. *Качественно изменился спектр используемых услуг*: если на первом этапе пользователи ограничивались электронной почтой (90%) и добыванием информации из баз данных (30%), то в 1998 г. e-mail использовали 97%, интерактивный доступ к удаленным информационным ресурсам — 68%, кроме того, 13% осуществляли запуск задач на удаленном компьютере и около 4% принимали участие в дистанцированных экспериментах. Среди пользователей повысилась доля ученых с интенсивной электронной научной перепиской (22% против 5%) и появилась небольшая (3%) суперактивная группа респондентов, отправляющих более десяти писем в день.

В табл. 9, акцентирующей динамику, показана интенсивность электронной переписки в 1998 и 1995 гг. в распределении по различным социально-демографическим подвыборкам.

Легко видеть, что по использованию электронной почты (как и компьютерных коммуникаций в целом) мужчины намного обошли женщин. Суперактивная группа пользователей — вообще полностью «мужская». Что касается возрастных закономерностей, то группа 31—40 лет, наиболее активная в прошлом, не только еще повысила свою активность, но и полностью вошла в категорию пользователей, что ранее было характерно только для директорского корпуса. Очень продвинулась и следующая возрастная группа (41—50 лет). После 50 лет показатели использования компьютерных телекоммуникаций снижаются, однако и в старших возрастных группах за время между обследованиями они существенно возросли: доля высокоактивных пользователей в группе ученых 51—60 лет увеличилась в два раза, а в группе старше 60 лет — в три раза.

Явное повышение интенсивности использования электронной почты (невзирая на уменьшение международного сотрудничества) в большинстве подвыборок ¹ не следует относить только за счет прогресса в развертывании сетей и ассимиляции сетевых технологий. В целевой выборке 1998 г. была намеренно повышена концентрация исследовательских коллективов с развитыми компьютерными телекоммуникациями, что особенно сказалось на резком улучшении по-

Распределение интенсивности электронной переписки в различных подвыборках ученых, %

Характеристика	Частота использования электронной почты				
	Высокая	Средняя	Небольшая	Малая	Нулевая
Мужчины	41/18	8/9	15/14	24/36	23/12
Женщины	15/17	14/11	11/12	41/26	22/31
До 30 лет	38/20	20/7	14/10	21/20	20/30
31—40 лет	55/26	0/13	17/13	28/18	0/30
41—50 лет	38/25	21/9	14/16	17/25	25/10
51—60 лет	35/16	5/6	17/14	28/46	17/18
Старше 60 лет	25/7	14/7	11/11	43/36	14/32
Директора, заместители директора	50/50	0/10	17/30	33/10	0/0
Руководители подразделений	38/14	12/12	15/12	29/47	15/6
Научные сотрудники	33/17	10/11	14/12	29/31	14/29
Физики	43/24	16/4	20/10	27/25	16/15
Химики	24/9	7/8	20/7	30/43	19/33
Биологи	44/19	15/10	13/16	23/35	20/5
<i>В среднем по выборке</i>	<i>36/18</i>	<i>9/10</i>	<i>14/14</i>	<i>27/33</i>	<i>14/25</i>

Примечание. В числителе — 1998 г., в знаменателе — 1995 г.

казателей среди биологов. Тем не менее в полученных результатах просматриваются две сосуществующие тенденции. В некоторых случаях проявляется своеобразный «эффект Матфея» (более активные стали еще активнее, а менее активные — еще пассивнее), который усиливает дифференциацию сообщества. В других, напротив, отстававшие (например, руководители подразделений) догоняют и даже превосходят прежних лидеров.

Интересны сведения о географии контактов. Хотя наиболее популярными зарубежными адресатами остались США (67%) и ФРГ (42%), очень возросла доля ученых, отметивших переписку по электронной почте *с адресатами в России (58%) и СНГ (12%)*, в то время как в 1995/1996 гг. об адресатах из бывшего Советского Сою-

за (включая Россию) упоминали всего 24% респондентов. Изменилось и содержание переписки: центр тяжести сместился на научно-исследовательский аспект (65% против 43% в 1995/1996 гг.), а научно-организационный аспект отошел на второй план (48% против 70%). Например, переговоры по поводу зарубежных поездок, занимавшие ранее второе место в электронной переписке, отодвинулись на четвертую позицию.

В связи с упорно сохраняющимся мнением, что пользование электронными сетями (а теперь уже конкретно Интернетом) стимулирует научную эмиграцию, полезно привести данные об отношении к отъезду за границу ученых, в разной степени включенных в компьютерные сети. Из табл. 10 видно, что хотя о желании эмигрировать заявили всего 3% респондентов, абсолютно не имеют намерения уехать как те, кто не пользуется Интернетом (группа *O*), так и активные пользователи (группа *L*). В группе *K*, максимально вовлеченной в компьютерные телекоммуникации, доля ученых, стремящихся съездить за границу на время, ниже, чем в группах *L*, *M* и *N*. Здесь, по-видимому, можно предположить эффект «замещения» поездок сетевыми коммуникациями.

Нередко также высказываются опасения, что по международным электронным сетям «утекают» наши интеллектуальные богатства. В этом отношении интересна данная респондентами оценка баланса полученной и отправленной через сети существенной научной информации: 78% ученых отметили, что они больше черпают из мировой науки, и лишь 4% заявили, что больше в нее вносят.

Полученные результаты показывают, что за минувшие годы использование компьютерных телекоммуникаций в российской науке претерпело как количественные, так и качественные изменения, в значительной степени связанные не только с расширением контингента пользователей, но и с подключением их к системе Интернета. Информационно-коммуникационные технологии, составляющие основу этой системы, создают для ученых целый спектр ранее не существовавших возможностей. Но при этом их новизна настолько существенна, что может (и, как полагают некоторые специалисты, должна) серьезно изменить характер научного труда. Поэтому уместно задаться вопросом: привели ли современные компьютерные телекоммуникации к радикальным изменениям в научной деятельности отечественных пользователей или в нашей науке эта новация пока остается дополнительной коммуникационной технологией?

Отношение к отъезду за границу ученых, в разной мере включенных в компьютерные коммуникации, %

Группа	Отношение к отъезду за границу		
	«Не хочу ни при каких условиях»	«Хочу на определенный срок с возвратом»	«Хочу на постоянное место жительства»
К	42	54	4
L	30	70	0
M	35	57	8
N	38	57	4
O	67	33	0
<i>В среднем по выборке</i>	<i>42</i>	<i>55</i>	<i>3</i>

Роль новейших коммуникационных технологий в отечественной науке

Для обоснованного ответа на поставленный вопрос необходимо операционализировать понятие «радикальные изменения», чтобы можно было выявить соответствующие ему индикаторы, оцениваемые на основе эмпирических данных. О радикальных изменениях в научной деятельности можно говорить, когда изменяется ее организация, точнее — самоорганизация. В подобном случае следовало бы ожидать формирования так называемых групп по интересам [6, с. 36] и виртуальных коллективов (*collaboratory*), основанных на сетевом общении и сотрудничестве [5; 1]. Этот процесс с необходимостью должен проявить себя через перемену приоритетов научного общения и каналов получения информации. Однако эмпирические данные показали, что в обследованных научных коллективах значимость научного общения и информационного обеспечения, осуществляемых через электронные сети, минимальны или во всяком случае стоят на последнем месте. Так, среди приоритетов научного общения, выбирая три позиции из четырех, только 6% респондентов упомянули компьютерное общение:

институтские коллеги с близкими интересами — 83%;

авторитетные отечественные специалисты — 62%;
авторитетные зарубежные специалисты — 62%;
«группа по интересам» в компьютерных сетях — 6%.

Это означает, что 94% ученых считают такой вид общения наименее существенным. Данные о популярности каналов получения информации дают в принципе сходный результат: печатные издания — 88%, личное общение с коллегами — 60%, очные конференции и семинары — 50%, компьютерные телекоммуникации — 34%, т. е. для 66% ученых Интернет является наименее важным источником информации. Эти средние по всей выборке результаты интересно дополняются детализированным распределением приоритетов в подгруппах с различной сетевой активностью (табл. 11).

Здесь четко видна ожидавшаяся прямая зависимость между сетевой активностью ученых и их признанием Интернета как «не последнего» по значимости источника информации. В группе *K* его оценили даже выше очных конференций и, по-видимому, здесь он потеснил «священную корову» — печатные издания. Так, рейтинг печатных изданий тут заметно ниже, чем в группе *N*, хотя оценки информационной значимости личного общения с коллегами (65%) и очных конференций (54%) полностью совпадают. В целом модели предпочтений у всех, кроме группы *O*, сходные. Только группа *O* заметно замыкается в рамках формальных коммуникаций, что косвенно свидетельствует о дефиците научной информации, которая могла бы представлять интерес для других ученых.

Абсолютное большинство выявленных в последнем пилотаже корреляций между различными показателями профессиональной деятельности ученых и степенью их включенности в компьютерные телекоммуникации тоже не свидетельствует о радикальном воздействии последних. В российской науке они пока являются весьма ценной, но все же только дополнительной коммуникационной технологией, которая, однако, оценивается учеными-естественниками очень позитивно. По их мнению, она:

повышает эффективность деятельности ученых (84%, против 2%);

расширяет угол зрения исследователя (42%, против 0%);

расширяет круг интересов ученого (34%, против 0%).

Большинство пользователей (80%) отметили, что компьютерные телекоммуникации стали для них необходимой частью исследовательской деятельности, а 60% сочли их значимостью для своей работы высокой или очень высокой.

Рейтинг разных источников информации в группах с различной телекоммуникационной активностью, 1998 г., %

Группа	Печатные издания	Личное общение с коллегами	Очные конференции, семинары	Компьютерные коммуникации
K	77	65	54	58
L	88	54	54	42
M	97	57	40	31
N	85	65	54	8
O	100	33	67	0
<i>В среднем по выборке</i>	88	60	50	34

Здесь возникают одно предположение и один вопрос. Возможно, не внося пока радикальных изменений в характер научного труда, компьютерные телекоммуникации оказывают существенное влияние на профессиональную успешность пользователей? Может быть, степень включенности ученого в компьютерные телекоммуникации определяет его профессиональное лицо? Во всяком случае, в пилотаже 1995 г. было заметно, что некоторые респонденты завышали степень своего участия в компьютерных телекоммуникациях, по-видимому, считая это элементом профессионального престижа.

Эмпирические результаты 1998 г. показали, что степень участия в компьютерных телекоммуникациях не определяет профессиональную успешность ученых, даже активно использующих сетевые технологии. Тем не менее определенные взаимосвязи между ними, несомненно, имеются, причем общие закономерности, установленные в предыдущем пилотаже, не изменились. Как и раньше, профессиональная успешность явно коррелирует с активным использованием компьютерных телекоммуникаций: чем успешнее ученые, тем выше среди них доля пользователей. А обратная зависимость, как и раньше, не наблюдается: максимально активные пользователи электронных коммуникаций отнюдь не являются наиболее успешными учеными.

Так, если принять за показатель успешности наличие грантов (табл. 12), можно установить, что среди максимально успешных грантодержателей, располагающих одновременно и отечественны-

Таблица 12

Наличие грантов в корреляции с интенсивностью электронной переписки,
1998 г., %

Наличие грантов	Частота использования электронной почты				
	Высокая	Средняя	Небольшая	Низкая	Нулевая
Отечественные	44	11	12	27	6
Зарубежные	44	11	10	24	11
Отечественные плюс зарубежные	51	12	12	23	2
Нет	25	2	25	28	20
<i>В среднем по выборке</i>	<i>36</i>	<i>9</i>	<i>14</i>	<i>27</i>	<i>14</i>

Таблица 13

Наличие грантов в корреляции со временем, затрачиваемым на компьютерные
коммуникации, 1998 г., %

Наличие грантов	Время, уделяемое компьютерным коммуникациям				
	Несколько часов в день	Несколько часов в неделю	Несколько часов в месяц	Пользуются эпизодически	Не пользуются совсем
Отечественные	13	45	17	8	17
Зарубежные	10	43	14	10	24
Отечественные плюс зарубежные	12	53	16	6	13
Нет	20	32	12	15	22
<i>В среднем по выборке</i>	<i>14</i>	<i>38</i>	<i>14</i>	<i>11</i>	<i>23</i>

ми, и зарубежными грантами, компьютерные коммуникации (в виде электронной почты) используют 98%, причем более половины — с высокой частотой. Среди ученых, не имеющих грантов, и доля пользователей, и интенсивность пользования минимальны.

Интересно, что обладатели зарубежных грантов пользуются интернациональной электронной почтой в меньшей степени, чем обладатели отечественных грантов. Интегральный расход времени на все виды компьютерных телекоммуникаций у них тоже меньше (табл. 13). О чем это может свидетельствовать? Поскольку понятно и подтверждено эмпирически, что вовлеченность ученого в международное сотрудничество явно положительно коррелирует с использованием им компьютерных телекоммуникаций, остается сделать вывод, что исполнение зарубежных грантов отнюдь не всегда является актом международного сотрудничества и, соответственно, результаты подобных исследований не всегда отвечают мировому уровню.

Чтобы выявить «обратное» влияние, обусловленное воздействием компьютерных телекоммуникаций на профессиональную деятельность ученых, объектом следует взять пять групп ученых ($K-O$), обладающих различной степенью активности в этих коммуникациях. Поскольку современные информационно-коммуникационные технологии дают преимущества в научной работе, можно было ожидать, что более активные в сетевых коммуникациях ученые будут одновременно и более успешными. Однако по всем показателям профессиональной успешности, кроме одного, эта гипотеза не подтвердилась. Так, корреляции между телекоммуникационной активностью ученых и их участием в международных грантах (табл. 14) показывают, что наиболее успешна не группа K , а L — с высокой, но не максимальной сетевой активностью.

Особенно показательны данные о профессиональной продуктивности ученых, измеренной в количестве публикаций и докладов (табл. 15). По публикациям лучшую личную продуктивность показали ученые группы N , очень слабо использующей компьютерные телекоммуникации. На втором месте — группа M , на третьем — L , имеющая максимальную долю авторов, но, к сожалению, не самых продуктивных. Коммуникационный лидер группа K оказалась немногим лучше группы O , вообще не пользующейся телекоммуникациями. Нетрудно видеть, что в полной корреляции с мерой включенности в компьютерные телекоммуникации оказался единственный показатель научной деятельности — количество докладов, сделанных

Таблица 14

Корреляции между включенностью ученых в компьютерные телекоммуникации и участием в международных грантах, 1998 г., %

Группа	Руководители коллективных грантов	Участники коллективных грантов	Исполнители индивидуальных грантов	Не имеют грантов	Доля грантозаявителей
К	15	54	0	35	69
L	23	58	8	27	73
M	8	38	3	57	51
N	8	40	4	56	42
O	7	34	0	62	25
<i>В среднем по выборке</i>	<i>12</i>	<i>44</i>	<i>3</i>	<i>48</i>	<i>52</i>

Таблица 15

Профессиональная продуктивность ученых, в разной мере включенных в компьютерные телекоммуникации, 1998 г.

Группа	Публикации				Доклады на международных конференциях	
	Общее число за три года	% авторов	В зарубежных изданиях	% авторов	Общее число за три года	% докладчиков
К	7,6/6,4	85	5,2/4,3	81	4,6/3,6	78
L	9,3/8,9	96	5,5/4,9	89	3,7/2,6	70
M	9,8/9,0	92	5,1/4,3	84	3,5/2,2	63
N	9,5/7,3	77	7,1/6,4	58	3,5/2,3	65
O	6,6/5,0	77	4,9/1,6	33	4,3/1,1	27
<i>В среднем по выборке</i>	<i>8,6/7,5</i>	<i>86</i>	<i>6,1/4,2</i>	<i>70</i>	<i>3,9/2,3</i>	<i>60</i>

Примечание. В таблице приведено среднее число статей (докладов) за три последних года: в числителе — рассчитанное на одного автора, в знаменателе — на одного члена группы.

учеными на международных конференциях: те, кто интенсивнее использует электронные сети, делают больше докладов.

Между использованием учеными коммуникационно-информационных технологий и наличием у них дополнительных видов работы (и соответственно заработков) ожидавшихся корреляций тоже не оказалось (табл. 16). Так, группы *K* и *L*, не слишком различающиеся по интенсивности использования компьютерных телекоммуникаций, имеют совершенно несходные характеристики дополнительной работы: группа *L* явно ориентирована на сферу науки и минимально включена во внеученные заработки как реально, так и потенциально; группа *K*, напротив, максимально (по сравнению с другими группами) ориентирована на совместительство вне сферы науки². В то же время группы *L* и *N*, проявляющие совершенно различную активность в компьютерных телекоммуникациях, очень близки по объему и характеру осуществляемой дополнительной работы. Все эти результаты, фиксирующие такой вроде бы «второстепенный» индикатор, как совместительство, свидетельствуют преимущественно о различном «стиле жизни», предпочитаемом учеными из разных групп. Поэтому они являются дополнительным подтверждением того, что пока (во всяком случае, в 1998 г.) использование новейших коммуникационных технологий не определяло успешность профессиональной деятельности отечественных ученых и не трансформировало ее существенным образом.

Таблица 16

Корреляции между включенностью ученых в компьютерные телекоммуникации и наличием дополнительных заработков, 1998 г., %

Группа	Наличие дополнительных заработков			
	В науке	Вне науки		
		«Да»	«Нет, но хочу»	«Нет и не хочу»
K	85	36	36	28
L	93	4	33	63
M	78	18	29	53
N	96	16	24	60
O	90	17	35	48
<i>В среднем по выборке</i>	88	18	31	51

Новости 2001 г. (предварительные результаты)

Как уже было отмечено во вводной части статьи, исследование 2001 г. зафиксировало *завершение* процесса включения ведущих исследовательских коллективов элитных институтов РАН в международные компьютерные сети³.

Все три пилотажа содержали вопрос о стаже пользователей, т. е. о времени их вхождения в компьютерные телекоммуникации, что выявляло соотношение «старожилов» и «новичков» (рис. 4). Обычно доля респондентов, включившихся в компьютерные сети за годы между пилотажами, составляла около 30 %, но в исследовании 2001 г. за период с 1999 по 2001 гг. не оказалось ни одного нового пользователя. Процесс включения элитных институтов РАН в мировые компьютерные сети прошел в основном в 1992—1998 гг.

Таким образом, все ученые, стремившиеся обладать современными телекоммуникациями и доступом в Интернет, получили эти возможности. Интересно, что везде, даже в наиболее продвинутых подразделениях, сохраняется 10—20 % сотрудников, совершенно не пользующихся этими технологиями. Абсолютное большинство респондентов работают в Интернете с институтского компьютера (90 %), некоторые — и с институтского, и с домашнего (14 %), а только с домашнего — менее 10 %, хотя о наличии домашнего компьютера и

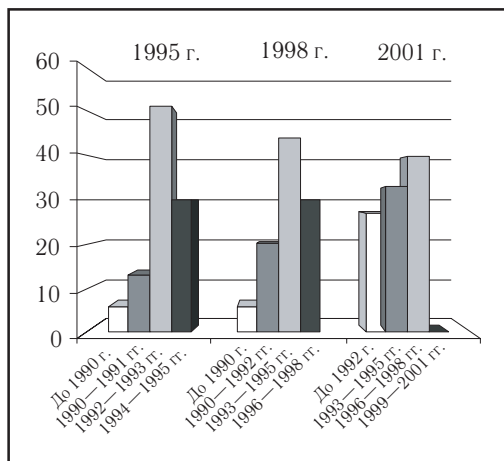

Рис. 4. Распределение пользователей по времени их присоединения к компьютерным телекоммуникациям

использовании его для научной работы заявили многие. По-видимому, пользование Интернетом из дома для большинства научных работников слишком дорого.

Обследование 2001 г. было связано с гипотезой, что с ростом «интернет-стажа» характер пользования интернет-технологиями может измениться. Однако если она справедлива, то, по-видимому, для ее реализации нужен больший промежуток времени. По предварительным результатам между пилотажами 1998 и 2001 гг. не произошло заметного роста не только количества пользователей, но и «качества» пользования. Как мы и предполагали, характеристики 1998 г. почти не изменились. Наиболее популярными остались электронная почта (99% против 97%) и интерактивный доступ к удаленным информационным базам (70% против 68%). Ресурсы более высокого уровня интерактивности — дистанционный эксперимент и запуск задач на удаленных компьютерах — используются только чуть больше, чем три года назад (5% против 4% и 15% против 13%). Эти на первый взгляд малосущественные данные свидетельствуют о том, что активное международное сотрудничество российских ученых развивается очень слабо. Основная их часть по-прежнему соединена с мировым научным сообществом «в пассивном режиме» — через использование информации, но не в реальном сотрудничестве. Однако в ситуации острого дефицита свежей информации, возникшего из-за отсутствия у институтов средств на приобретение зарубежной научной периодики, доступ к удаленным информационным ресурсам стал для российских исследователей жизненной необходимостью.

Важным нововведением в этом отношении явилась «Научная электронная библиотека» (<http://www.elibrary.ru>, <http://elibrary.ru>), созданная в конце 1998 г. Это первая и пока единственная некоммерческая электронная библиотека всероссийского масштаба. Цель ее создателя — Российского фонда фундаментальных исследований — обеспечить отечественных ученых оперативной информацией, необходимой для их профессиональной деятельности, и сделать максимально доступными для своих читателей лучшие достижения мировой научной мысли. Поскольку библиотечный сервер РФФИ находится в Москве, доступ к нему намного быстрее и надежнее, чем к зарубежным серверам. Фонд ежегодно вкладывает в этот проект 2,5 млн долл. и сейчас предоставляет бесплатный доступ к полнотекстовым электронным версиям более 2 тыс. журналов лучших научных издательств («Elsevier» — более 300 журналов, «Kluwer» — более 600, «Springer» — более 450, «Blackwell Science» — более

250, «Blackwell Publishing» — более 250, «Academic Press» — более 180 и т. д.). Популярность библиотеки РФФИ очень велика и непрерывно растет: в 2001 г. к ее материалам ежедневно обращались до 10 тыс. ученых, преподавателей, аспирантов и студентов. В нашем обследовании о регулярном пользовании ею заявили около 50 % ученых.

Тем не менее общим итогом нашего мониторинга следует признать вывод, что как до подключения отечественных академических институтов к Интернету, так и после него использование компьютерных телекоммуникаций остается скорее не причиной, а следствием активной и успешной научной деятельности, естественно, способствуя и ее активности, и успешности. При современном состоянии отечественной науки, еще сохраняющей высококачественные научные кадры с прежних времен, компьютерные телекоммуникации дают дополнительные возможности в основном тем, кто уже имеет продвинутую профессиональную позицию. В целом исследование показало усиление стратификации национального научного сообщества, связанное с расширением международных взаимодействий, в том числе на базе интернет-технологий, которые в принципе являются технологиями глобализации. Ученые, сочетающие высокий профессиональный уровень с активным использованием мировой информационно-коммуникационной сети, получили значительное преимущество по сравнению с коллегами, не обладающими этими качествами или имеющими только одно из них.

Проблемы и перспективы

Компьютерные телекоммуникации, используемые в мировой науке более десяти лет, оказывают все большее воздействие на характер ее функционирования и особенно на организацию научной деятельности. Немыслимые прежде информационно-коммуникационные технологии, предельно оптимизировавшие поиск информации и научное общение, дали людям науки возможность легко и просто удовлетворять эти крайне существенные профессиональные потребности. Таким образом, даже в рамках традиционно организованной научной деятельности пользователи интернет-технологий получили безусловное преимущество перед коллегами, обходящимися без компьютерных телекоммуникаций.

Однако компьютерные технологии, как и любое радикальное техническое нововведение, не останавливаются на удовлетворении уже

имеющихся и осознанных потребностей. Развиваясь по собственной логике, новейшие технологии предлагают научному сообществу такие радикальные новации, которые, становясь частью процесса научного исследования, могут привести к глубоким изменениям в организации научной деятельности и трансформации науки в целом. Об этом, конечно, начинают задумываться по прошествии некоторого времени, когда накопленный опыт пользования компьютерными телекоммуникациями позволяет судить о связанных с ними глубинных процессах и их перспективах.

Система научного, особенно естественно-научного знания интернациональна, что на первый взгляд делает науку органически предрасположенной к международной интеграции. Однако здесь есть немало проблем, так как наука является не только познавательным инструментом, но и социальным институтом. Наиболее серьезные трудности возникают на стыке новых технологических возможностей и старых политических установок. Новые технологии создали глобальную возможность для подлинного научного сотрудничества, не ограниченного ни расстояниями, ни границами и легко осуществляемого в режиме реального времени. Но в действительности *мировой* науки не существует, наука организована по национальному принципу, да и в национальных рамках она разделена ведомственными барьерами. Наука должна быть открытой, т. е. научное знание должно быть доступно всем. Но тот, кто расходует на нее деньги, естественно, хочет иметь какие-то преимущества. Демократическая идея открытой науки, т. е. интернационального использования фундаментального научного знания, наталкивается на реальность национальных расходов на получение нового знания и его хранение. Интернациональные научные проекты должны преодолевать различия, иногда очень существенные, национальных интересов их участников. Поскольку эти антиномии существуют на фоне очевидной тенденции глобализации мирового хозяйства, по-видимому, со временем трансформация науки в этом направлении неизбежна.

В связи с такой перспективой очень важны два вопроса. Могут ли компьютерные коммуникации послужить инструментом реструктурирования сегодняшней мозаики национальных фундаментальных исследований в интегрированную глобальную систему? И способно ли дальнейшее развитие компьютерных коммуникаций само по себе привести к интеграции национальных исследовательских систем в глобальную?

Полученные нами сведения об отношении ученых к компьютерным телекоммуникациям дают основание ответить на первый вопрос

положительно, ибо интернет-ресурсы, обеспечивающие технологическую основу глобализации науки, идеально соответствуют информационным и коммуникационным потребностям ученых и легко ассимилируются научным сообществом. Однако ответ на второй вопрос пока явно отрицательный. Развитие сетевых коммуникаций — необходимое, но не достаточное условие для реальной интеграции систем национальных исследований в единое целое. Пока компьютерные сети не станут сетями, с которыми связано финансирование, они будут оставаться очень удобным, эффективным, приоритетным средством научной коммуникации, но все же лишь одним средством из многих.

Возлагая столь большие надежды на компьютерные коммуникации, следует внимательнее отнестись и к некоторым латентным тенденциям, которые с течением времени могут оказаться опасными для науки. Эти опасности, как обычно, являются продолжением достоинств компьютерных коммуникаций и в основном связаны с долгосрочными перспективами. Так, предоставляя доступ к необычайно большому объему разнообразной информации и облегчая ее целенаправленный поиск, новые информационные технологии, как ни парадоксально, сужают угол зрения ученого, так как исключают спонтанное ознакомление с информацией по смежным проблемам, методам, подходам. К тому же интервью с многолетними пользователями компьютерных телекоммуникаций показали, что ученые, сосредоточенные на своей *научной* работе, по возможности избегают самостоятельного поиска информации в Интернете, который неизбежно включает просмотр и «ненужных» материалов. Экономя время, они зачастую обращаются не к поисковым системам, а к коллегам, уже знакомым с соответствующей информацией. Это еще больше сокращает долю «непредвиденной» информации, спонтанно попадающей к исследователю и расширяющей его кругозор. Здесь уместно также напомнить наши данные о том, что научные сотрудники, максимально использующие интернет-технологии, не слишком успешны в науке.

Виртуальные группы научного общения, легко формирующиеся на основании общности профессиональных интересов, объединяют все более гомогенизированные коллективы, явно менее разнообразные, чем невидимые колледжи⁴. Усиление фрагментации, «капсулирование» проблемных областей ослабляют и даже снимают возможность «перекрестного опыления», одного из основных стимуляторов развития научного знания. Сохранение разнообразия — крайне

важное условие устойчивой дееспособности и продуктивности интегрированной глобальной науки. Собственная жизнеспособность науки, как и биоценоза, обеспечивается разнообразием (на личном, групповом и национальном уровнях), поэтому его сохранение — одна из серьезных задач и проблем для исследования.

Следует задуматься и о том, что новый способ оперативного сбора исследователей для возникающей проблемной области — формирование сети из уже существующих и известных специалистов — эффективен в краткосрочной перспективе, но не стимулирует выращивания новых кадров и будет ограничен рамками наличных идей и подходов.

Все это совершенно не означает, что компьютерные сети и цифровые технологии не нужны российской науке. Несмотря на все проблемы, динамика развития мирового научного сообщества и общая тенденция глобализации достаточно быстро превратят всемирные информационно-коммуникационные сети в необходимую составляющую успешной деятельности на переднем крае науки. Живя в слабо компьютеризированной среде, мы успокоились тем, что приобрели компьютеры и получили доступ в Интернет (в основном в весьма убогом варианте), т. е. достигли «мирового уровня», забывая, что уровень этот непрерывно растет, новые технологии очень быстро заменяются на новейшие, радикально превосходящие прежние. Наши перспективы занять достойное место в мировой науке серьезнейшим образом связаны с тем вниманием, которое в ближайшее время будет уделено развитию и внедрению сетевых информационно-коммуникационных технологий.

Л и т е р а т у р а

1. *Мирская Е. З., Шапошник С. Б.* Компьютерные телекоммуникации в российской науке // Вестн. РАН. — 1998. — № 3.
2. *Мирская Е. З., Баяк Д. А.* Социологические аспекты формирования виртуальных сообществ, включающих российских ученых // Годичная научная конференция ИИЕТ'96. — М.: Янус-К, 1997.
3. *Atkins D. E.* Opportunities for Science Collaboration and Knowledge Networks: The report at the a forenamed workshop.
4. *Lerch I. A.* Organizing International Scientific Collaboration: a Simple Analysis of Telecommunication: The report at the same workshop.
5. *Mairisse J.* Towards Design of a Survey on Organizational Change and the Use of ICTs in Science: The report at the workshop «Digital collaboration technologies, the organization of scientific work and the economics of knowledge access», IIASA, Austria, 1999.

6. *Walsh J. P., Bayma T.* Computer Networks and Scientific Work // *Social Studies of Science.* — 1996. — Vol. 26. — P. 661—703.

П р и м е ч а н и я

- ¹ Исключение составили женщины и представители дирекции.
- ² Можно предположить, что сетевая суперактивность ученых из группы *K* связана не только с их научной работой.
- ³ Поскольку пилотаж 2001 г. ко времен написания статьи еще не был закончен, здесь использованы лишь предварительные результаты по институтам физического профиля.
- ⁴ Вариант профессионального объединения ученых, возникший в 60-х годах прошлого века в связи с появлением новых оперативных средств коммуникации — препринтов и репринтов публикаций научных трудов. Ускоренный обмен идеями и результатами давал преимущество исследователям, входившим в «круг рассылки» материалов, чем и способствовал сплочению профессиональных мини-сообществ. Это были своеобразные «виртуальные коллективы», чья связь осуществлялась через докомпьютерные «телеконференции» того времени.

Исследования Интернета в психологии

Александр Войскунский

Для представителей самых разнообразных областей научного и художественного знания Интернет выступает в качестве объекта профессиональных занятий. Это относится и к техническим (программированию, теории связи, информационному поиску и др.), и к связанным с искусством (художественной графике, анимации и др.), и к гуманитарным специальностям, на которых мы остановимся подробнее. Ограничимся при этом анализом основных направлений научных исследований (причем исключительно гуманитарного профиля), хотя нельзя не отметить, что Интернет — предмет далеко не только исследовательской активности специалистов. Ведь его привлекательность для большинства пользователей поддерживается повседневной и не связанной с исследованиями работой (и оригинальной, и вполне рутинной) администраторов разных уровней, составителей контента, работников множества представленных в Сети организаций.

Кроме того, Интернет почти с самого своего появления и оформления является предметом междисциплинарных исследований, в которых объединены усилия специалистов в таких областях преимущественно гуманитарного знания, как социология, культурология, философия, «взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction), лингвистика, этнография, психология, педагогика, политология, библиотековедение, а также (бесспорно, в первую очередь по объему исследований) «communication science» — научное направление,

для которого в русскоязычной номенклатуре ученых дисциплин нет ни соответствия, ни даже наименования, разве что относительно недавно предложенное название «коммуникативистика» [11]. Количество проведенных теоретических и эмпирических исследований весьма велико, по какому параметру ни судить: по числу наименований книг — монографий, учебников и сборников статей, по числу статей в научных журналах (причем не только в перечисленных областях, но и в медицинских, искусствоведческих, маркетинговых или технических), по количеству новых специализированных журналов, посвященных исследованиям в Интернете; однако наиболее показательным можно, пожалуй, считать число и разнообразие посвященных интернет-исследованиям публикаций, размещенных непосредственно в Сети. Среди такого рода исследований имеется множество и монодисциплинарных, и междисциплинарных работ.

Начало гуманитарным исследованиям в Интернете было положено в те годы, когда его прототип в виде взаимосвязанных компьютерных сетей уже существовал и развивался, однако наименование это еще не употреблялось. В 70-е годы речь обычно шла о локальных или глобальных компьютерных сетях и об общении, опосредствованном компьютерами (computer mediated communication, или СМС). На этом материале и в этой парадигме и проводились исследования, в том числе поначалу немногочисленные гуманитарные. Первыми монографиями, обозначившими новую предметную область, стали социально-психологическая книга [48] и в первую очередь формально социологический, а по сути междисциплинарный труд [38], во многом определивший последующие направления исследований в этой области (книга переиздана в 90-е годы).

В течение 80-х годов был опубликован ряд монографий и сборников [37; 40; 29; 50], не говоря уже о статьях, ориентированных на изучение коммуникативных применений компьютерных сетей и/или на анализ воздействия таких сетей на организационные структуры. В 90-е годы (и особенно во второй их половине) парадигма сменилась, и начались гуманитарные исследования собственно Интернета: модернизация наименования принесла закономерное расширение и обновление проблематики. В настоящее время исследования не ограничиваются лишь опосредствованным общением между людьми, активно изучается также игровая и познавательная деятельность, осуществляемая посредством Интернета. Что же касается сетевых организационных структур, то они все более признаются не внесенными извне и в какой-то мере навязанными инновациями, а скорее

базовым свойством организаций и социальных структур современного «сетевого общества» [13].

Итак, психологические задачи и исследования изначально фигурируют в качестве составной части единого фронта гуманитарных исследований Интернета. Однако впоследствии психологи несколько сбавили темп. Приходится признать, что к настоящему времени выполненные профессиональными психологами исследования составляют относительно небольшую долю всего объема гуманитарных работ в данной области. Количество профессионально психологических исследований, посвященных деятельности людей в Интернете, заметно уступает объему исследований, проведенных, к примеру, коммуникативистами или социологами; качественные же сравнения, как представляется, проводить пока преждевременно.

Надо, правда, отметить, что при изучении Интернета и непсихологи довольно широко и в целом достаточно квалифицированно применяют психологический инструментарий (например, разнообразные тесты), что позволяет им достигать результатов, имеющих определенное значение для психологической науки. Обращает на себя внимание, например, что авторами значительной части материалов (глав или статей), включенных в сравнительно недавно опубликованные сборники по психологическим аспектам работы в Интернете [46; 31; 49], являются непсихологи.

Тем не менее фронт собственно психологических исследований, которые можно было бы отнести к условной дисциплине «психология Интернета», в определенной степени сложился — в том числе, как отмечено, и за счет непсихологов, отчасти ставящих психологические задачи и использующих при этом психологический инструментарий. Персональный состав тех, кто зарекомендовал себя планомерными исследованиями в этой области, пока достаточно легко обозрим. Действительно, относительно нетрудно перечислить тех специалистов-психологов и те психологические коллективы, которые ведут систематические исследования деятельности человека, осуществляемой посредством Интернета. Приведем примерный перечень психологов, зарекомендовавших себя заметными и планомерными исследованиями деятельности человека в Интернете. Разумеется, следует иметь в виду, что перечень этот не вполне полон.

Заметим, что психологические исследования, связанные с применением Интернета, выполняются как в рамках традиционных областей психологии (социальной, медицинской, когнитивной, дифференциальной, педагогической, возрастной и др.), так и в рамках непривычных до

сих пор наименований («киберпсихология», «психология Интернета», «виртуальная психология», «психология киберпространства» и др.). Основной международный журнал, посвященный именно и только психологическим исследованиям в этой области, также называется нетрадиционно: «CyberPsychology & Behavior» (<http://www.liebertpub.com/CPB>). Он выходит шесть раз в год с 1999 г.

Если начать перечень с Западной Европы, то прежде всего следует назвать работающий уже более десяти лет интернациональный коллектив социальных психологов из университетов Манчестера и Амстердама под руководством англичан М. Ли (Martin Lea: <http://www.psy.man.uk/Staff/MLea>) и Р. Спирса (Russell Spears: <http://www.psy.uva.nl/ResEdu/SP/people/Spears>) — первый сборник их публикаций появился еще в 1992 г. [30]. Активно ведет педагогико-психологические исследования Ч. Крук (Charles Crook) из Университета Лафборо (Великобритания) — многие его публикации собраны на странице <http://devpsy.lboro.ac.uk/psy/cck/papers>, наряду с этим имеется русский перевод одной из статей [15].

Активные исследования социально-психологических особенностей общения посредством Интернета ведет в Германии Н. Деринг (<http://www.nicoladoering.de>), начинавшая исследования в Берлинском технологическом университете и в Гейдельбергском университете, а в настоящее время работающая в Тюрингии — в университете Эрфурта и в Техническом университете Ильменау [33]. Там же, в Тюрингии, на отделении психологии общения (<http://www.uni-jena.de/svw/compsy>) университета им. Фридриха Шиллера (Йена) осуществляют социально-психологические и педагогико-психологические исследования В. Фриндте и Т. Келер — наряду с публикациями на немецком языке [Frindte, Koehler, 1999] имеется также перевод на русский язык [25].

Значительную активность проявляют итальянские психологи (<http://www.psicologia.net>), среди которых следует выделить прежде всего Дж. Рива из Католического университета в Милане и Института аксиологии в г. Вербания, а также К. Галимберти из Католического университета дель Сакро Кьоре (Милан) и Дж. Мантовани из Университета Падуи — представление об их работе можно получить из книг [44; 32], а также из специализированного (тема: «Воздействие Интернета, мультимедиа и виртуальной реальности на поведение и на общество») выпуска журнала «CyberPsychology & Behavior» (2001. — Vol. 4. — № 1) — приглашенными редакторами выпуска являются Дж. Рива и К. Галимберти.

Наиболее заметными в рассматриваемой области исследователями-психологами следует признать американцев Ш. Текл (Sherry Turkle: <http://web.mit.edu/sturkle/www>) из Массачусетского технологического института, Дж. Сулера (<http://www.rider.edu/users/sulger/psycyber>) из Университета Райдер в Нью-Джерси и П. Уоллес (<http://www.rhsmith.umd.edu:8001/ckim/PatWallace>), директора Центра управления знаниями и информацией Школы бизнеса им. Р. Смита при Университете штата Мэриленд. Ш. Текл прославилась книгами «Второе Я» [51] и «Жизнь на экране» [52], в которых проведено систематическое изучение особенностей вхождения детей и взрослых в компьютерную культуру и в мир сетевых технологий. Дж. Сулер превратил свою страницу (home-page) в тщательно разработанную и постоянно пополняемую коллекцию взаимосвязанных (гипертекстовых) глав, посвященных самым разным аспектам «психологии киберпространства». П. Уоллес опубликовала первую в мире монографию, названную «Психология Интернета» [54] и переведенную на восемь языков.

К упомянутым авторам примыкают авторитетные специалисты из Университета Карнеги-Меллона в Питтсбурге, занимающиеся психологическими (а также частично выходящими за рамки психологии — например, в область культурологии, взаимодействия человека с компьютером или социологии) исследованиями деятельности человека в Интернете. Это прежде всего С. Кислер (<http://www.hcii.cmu.edu/People/Faculty/SaraKiesler>) — один из наиболее последовательных исследователей в области социальной психологии сетевых коммуникаций [49; 41; 36]. Вместе с Р. Краутом (<http://www-2.cs.cmu.edu/afs/cs/cmu.edu/user/kraut/www/kraut>) и группой коллег она участвует в осуществлении проекта «HomeNet», согласно предварительным итогам которого [39] в результате применения Интернета могут сужаться внутрисемейные и вообще социальные связи, а также может развиваться депрессия. Эти данные бурно обсуждаются в последние годы и во многом встретили критику со стороны других специалистов.

В числе психологов, выполняющих связанные с применением Интернета исследования, могут быть названы также психолингвист Л. Джеймс (<http://www.soc.hawaii.edu/leonj/leonj/leonpsy/leon/>) из Гавайского университета, социальный психолог Р. Шерман (<http://miavx1.muohio.edu/~shermarc>) из Университета штата Айова; специалист по возрастной и кросскультурной психологии М. Коул (http://communication.ucsd.edu/people/i_cole) из Калифорнийско-

го университета в Сан-Диего — ряд его публикаций доступны в русских переводах, в частности недавняя монография [14а]. Статьи клинических (преимущественно) психологов С. Кинга (<http://webpages.charter.net/stormking>), Дж. Грохола (<http://www.grohol.com> или <http://psychcentral.com>), Дж. Морейхен-Мартин (<http://web.bryant.edu/~psych/faculty/morahan>) из Брайант-колледжа (Смитфилд, Род-Айленд) и англичанина М. Гриффитса из Ноттингемского Трентского университета размещены и на указанных сайтах, и в печатных изданиях — например, в сборнике [43].

Целиком связали свою исследовательскую активность с проблематикой зависимости от Интернета, или интернет-аддикции (см. об этой тематике подробнее [25]) К. Янг [26а; 55] и Д. Гринфилд [34]. Международная команда психологов из США и Германии (вместе с отдельными представителями Канады, Швейцарии, Италии) интенсивно разрабатывает методологию и практику так называемых онлайн-исследований [45; 47]. Психологические аспекты применения Интернета для задач образования исследует группа психологов в недавно изданном под редакцией К. Волфе сборнике статей [43].

В других странах интенсивно работают клинический психолог А. Барак (<http://construct.haifa.ac.il/~azy>) из Университета Хайфы (Израиль) и специалист по педагогической психологии Дж. Мюллер (<http://mueller.educ.ucalgary.ca>) из Университета Калгари (Канада). Для соотечественницы последнего Дж. Гаккенбах редактирование сборника [46] представляет собой, похоже, дебют в данной проблематике: ранее она была известна скорее как специалист по психологии сновидений (см.: http://dreamtalk.hypermart.net/members/jayne_gackenbach).

Итак, фронт психологических исследований, связанных с Интернетом, вне всякого сомнения существует. При этом по числу активных исследователей (три-пять десятков человек) он уступает некоторым другим гуманитарным дисциплинам. Однако в отличие от многих направлений гуманитарных исследований — философских, исторических, политологических, этнографических и др. — психологические исследования деятельности людей в Интернете берут начало не в середине 90-х годов, а в конце 70-х и в 80-х годах: изучение опосредствованного компьютерами общения плавно перешло в 90-е годы в работу по изучению деятельности (уже не только коммуникативной) человека в Интернете.

В настоящее время исследователями Интернета, и психологами, и непсихологами, изучаются культурные, языковые и психоло-

гические особенности диадического и группового взаимодействия; регулирующие общение и отношения между удаленными партнерами правила (в частности, этикет); перспективы проведения психологических исследований (включая тестирование) и консультативной психотерапевтической работы посредством Интернета; закономерности формирования и характеристики функционирования складывающихся виртуальных общностей; особенности селективного восприятия размещаемых на электронных страницах объектов; принципы самовыражения личности и изменения сетевой идентичности; характеристики игрового поведения в ходе индивидуальных и групповых (в том числе ролевых) игр и степень соответствия этих характеристик психологическим особенностям игрового поведения детей, подростков и взрослых; парадигмы покупательского поведения пользователей Интернета и их «отзывчивость» к рекламным воздействиям; стереотипы созидания и восприятия социальных объектов в киберпространстве; стратегии осуществления познавательной деятельности в условиях оперирования гипертекстовыми структурами; перспективы переноса в реальную деятельность приобретенных в виртуальной реальности навыков и умений; специфику так называемой зависимости от Интернета и в частности от отдельных его сервисов (игровых, коммуникативных и т. п.); особенности проявлений конкурентных и кооперативных отношений в условиях групповой деятельности в Интернете; психологические основы принятия решений при навигации в Интернете и т. д. и т. п. Не все перечисленные задачи решаются в должной мере, однако утешает уже то, что постановке такого рода проблем посвящены статьи в десятках тематических сборников и журналов, в числе которых немало электронных публикаций.

Обрисовав (поневоле кратко) в историческом и современном аспектах развитие гуманитарных исследований опосредствованной Интернетом деятельности за рубежом, остановимся на соответствующих направлениях исследовательской работы в нашей стране. Как и другие постсоветские страны, Россия отстает от наиболее развитых в сфере информатизации регионов (Северной Америки, Западной Европы, Австралии, ряда азиатских государств). Это справедливо, по-видимому, даже для Эстонии, наиболее далеко из постсоветских стран продвинувшейся в развитии информатизации и телекоммуникаций. Отставание в развитии телекоммуникаций в целом распространяется и на объем гуманитарных исследований, связанных с Интернетом.

В России активность гуманитариев в соответствующих областях не набрала должного темпа. В сравнении с зарубежными исследованиями фронт ведущихся работ заметно ограничен. Ограниченность эта зачастую вынужденная: если исследование связано с анализом деятельности людей, оно не может быть проведено при отсутствии в русскоязычном Интернете «критической массы» занятых такой деятельностью пользователей. Тем не менее объем публикаций по гуманитарным аспектам деятельности человека в Интернете довольно быстро увеличивается, причем за счет самых разнообразных исследований — социологических, юридических, психологических, экономических, политологических, философских, культурологических, педагогических, искусствоведческих и др. Однако отдельные работы по большей части не складываются в полноценные исследовательские программы и широкомасштабные проекты, отсутствуют регулярно организуемые конференции и специализированные периодические издания, посвященные исключительно (или главным образом) гуманитарному изучению Интернета.

Примером отсутствия координации могут служить актуальные социологические проекты, в особенности наиболее масштабные из них. Ограничимся их перечнем. Более подробно о них говорится в статьях и пресс-релизах на приводимых ниже сайтах, а также в печатных изданиях [10; 19; 26]. Репрезентативные исследования актуальной аудитории Интернета (из числа жителей городов начиная с районных центров и вплоть до наиболее густонаселенных центров) в России начались в 1996 г., пионером выступила основанная в 1991 г. компания КОМКОН (<http://www.comcon-2.com>). Изучение интернет-аудитории проводится КОМКОНОм в рамках проекта «Web-вектор».

В настоящее время на рынке репрезентативных социологических опросов успешно работают еще несколько организаций. Среди них компании «Gallup Media» (<http://www.gallup.ru>) и «Gallup Ltd» (<http://www.gallup.spb.ru>), которые поначалу ограничивали свою активность анализом аудитории российского Интернета в Москве и в С.-Петербурге, однако начиная с 2000 г. компания «Gallup Media» приступила к реализации проекта «NRS-Россия», т. е. к изучению аудитории Интернета в России в целом. Заметное место среди ведущих практическую работу социологических центров занимает также «Группа monitoring.ru» — Агентство региональных политических исследований (АРПИ), работающее в содружестве с Национальным институтом социально-психологических исследований

(НИСПИ) и публикующее краткие отчеты о проведенных исследованиях на сайте <http://www.monitoring.ru>. Обширное репрезентативное исследование было реализовано в конце 2000 г. Фондом «Общественное мнение» (<http://www.fom.ru>); итоги его в виде отчета «Интернет в России / Россия в Интернете» опубликованы на сайте <http://internet.strana.ru>.

Ряд репрезентативных исследований осуществлен также компанией «GfK Market Research» (<http://www.gfk.ru>); периодически извещает о проведенных исследованиях исследовательский центр РОМИР (<http://www.romir.ru>). Кроме осуществляющих опросы социологических организаций обширную и регулярно обновляемую статистическую информацию об аудитории российского Интернета предоставляют компания «SpyLOG» на основании показаний одноименного сетевого счетчика и программного технологического комплекса (<http://www.spylog.ru>, <http://gs.spylog.com>, <http://gs.spylog.ru>) и компания RAMBLER, осуществляющая проект «Руметрика» (<http://rumetrica.rambler.ru>).

Ограничившись этим кратким перечнем, перейдем к основному для нас выводу. Активность всех названных организаций крайне слабо интегрирована; каждая из них, что вполне естественно, полностью самостоятельна в определении возрастных и географических характеристик интересующей их аудитории, в построении выборок для опроса респондентов, в формулировании вопросов в анкетах, вообще в осуществлении полевого этапа работы. Все это не вызывало бы нареканий, если бы некоторые публикуемые социологическими организациями количественные результаты исследований не различались «в разы». Подобная несогласованность, как кажется, мало кого тревожит.

Социологические исследования — масштабные и требующие значительных затрат — были упомянуты как достаточно наглядный пример отсутствия в России координации и интеграции ведущихся проектов в сфере гуманитарного изучения Интернета. Теперь обратимся к начальному периоду развертывания таких исследований, только уже не в мировом, а в российском (вернее, еще в советском) масштабе. В нашей стране безусловными пионерами в гуманитарном изучении деятельности человека в Интернете (а до того — в компьютерных сетях, как локальных, так и глобальных) выступили психологи. Тому есть ряд подтверждений. Исторический анализ раннего этапа психологических исследований представлен в публикации на английском языке [27]. Там же предложены некоторые сооб-

ражения об общественной ситуации в стране, которая не способствовала полноценному развитию такого рода исследований; мы не станем повторять эти очевидные для отечественного читателя соображения.

Для несколько более подробного и доказательного разговора обратимся к 80-м годам. В то время трудно было натолкнуться на посвященные гуманитарным аспектам применения компьютерных сетей эмпирические или даже аналитико-постановочные публикации. В имеющейся литературе были представлены некоторые работы технического характера (например, [3; 21]), отдельные переводы [2; 9; 20] и весьма немногочисленные информационные публикации [14; 18] нетехнического содержания. Исследовательских материалов на какие-либо гуманитарные темы встретить не удалось — за исключением, как было отмечено, психологических работ. В нашу задачу входит обоснование тенденции, что избавляет от необходимости подробного анализа самих публикаций.

В первой половине 80-х годов в Москве было начато развертывание двух исследовательских проектов, направленных на изучение особенностей человеческой деятельности, опосредствованной применением локальных и глобальных компьютерных сетей (см. также [8]). Один из этих проектов развивался и до сих пор развивается на факультете психологии Московского государственного университета. Он был выдвинут спонтанно как развитие некоторых исследований в области психологии компьютеризации и психологии общения и первоначально был связан исключительно с изучением психологической специфики реализации коммуникативных процессов посредством компьютерных сетей.

Опубликованные в рамках данного проекта в середине 80-х годов эмпирические данные основаны на анализе деятельности пользователей локальных сетей — анализ включал проведение бесед с пользователями и специализированных опросов [24]. Публикации опирались также на наблюдение деятельности экспертов (ученых-биохимиков), участвовавших в международных компьютерных телеконференциях, и на проведенные с ними беседы [5]. Еще одно направление исследований было основано на психологическом анализе особенностей электронной коммуникации [6; 53]. На основе этих ранних работ в дальнейшем были осуществлены проекты психологических и, шире, гуманитарных исследований применения Интернета, наиболее существенные результаты которых представлены в книге «Гуманитарные исследования в Интернете» [8].

В те же годы был развернут международный исследовательский проект VELHAM (название составлено из начальных слогов фамилий кураторов проекта соответственно в СССР и в США: Велихова и Хамбурга), посвященный изучению специфики психического развития в условиях применения компьютеров и компьютерных сетей. С американской стороны проект курировал его основной инициатор М. Коул (Калифорнийский университет в Сан-Диего), а с российской — А. Беляева (Институт психологии РАН). Результаты деятельности международного коллектива неоднократно публиковались (см., например, [8; 17; 35]). Результаты эти включают анализ опосредствованной компьютерами деятельности не только детей, но и взрослых (к примеру, ученых-гуманитариев, сотрудников РАН), впервые сталкивающихся с применением персональных компьютеров и компьютерных сетей; наряду с задачами психологии развития исследователи активно ставили и решали задачи кросскультурной и этнической психологии. Десятилетняя история этого проекта, который, к сожалению, был прекращен, подробно описана в отчете М. Коула [28].

Нет нужды более подробно останавливаться на анализе перечисленных психологических публикаций; думается, сказанного достаточно для обоснования положения, согласно которому в 80-е годы в нашей стране были проведены эмпирические исследования, которые в дальнейшем стали основой для работы в области «психологии Интернета». И характерно, что такого рода исследования были в советское время осуществлены лишь в рамках психологической науки. Отметим, что и в настоящее время развиваются соответствующие исследования, выдвинулось новое поколение систематически работающих в этой области ученых. Рассмотрим возможные причины, по которым именно в психологии, а не в какой-либо другой гуманитарной дисциплине, были выполнены эмпирические работы по изучению опосредствованной компьютерными сетями деятельности.

Дело в том, что для приверженцев культурно-исторической школы Л. Выготского, одной из ведущих в отечественной психологической науке, изучение деятельности человека в Интернете не выглядит случайной или надуманной темой. С психологической точки зрения Интернет представляется современным этапом знакового (семиотического) опосредствования деятельности. Согласно одному из краеугольных положений этой теории, существенным стимулом для психического развития является внешняя орудийная деятельность человека, опосредствованная все более совершенными инструментами и орудиями деятельности [7].

Еще в начале 30-х годов Л. Выготский в своих теоретических построениях развития человеческой психики и в практической деятельности прозорливо отводил наиболее значимое место именно семиотическим орудиям, или знакам, — притом что в те времена семиотика в ее современном виде только складывалась, а до появления наиболее совершенных (с сегодняшних позиций) знаковых орудий должны были пройти десятилетия. Следует принять во внимание, что основой Интернета являются сети, объединяющие компьютеры, а основой компьютеров — бинарные микрочипы и знаковые периферийные устройства. Интернет, понимаемый как социотехническая система, вместе с современными цифровыми технологиями опирается на традиционные знаковые системы и всемерно способствует их количественному усложнению и качественному преобразованию.

В соответствии с положениями культурно-исторической теории развития психики, постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и трансформации высших психических функций [7]. Проблематика развития и усложнения строения высших психических функций в результате освоения и применения человеком компьютеров была поднята А. Леонтьевым [16], О. Тихомировым [22; 23] и другими отечественными и зарубежными учеными, эмпирическому и экспериментальному исследованию особенностей этого процесса был посвящен ряд теоретических и экспериментальных трудов. Такие работы можно отнести к направлению, связанному с изучением особенностей преобразования психических процессов и функций под влиянием компьютеров (в том числе взаимосвязанных посредством сетей). Было справедливо отмечено, что в условиях информатизации структура высших психических функций развивается и обогащается, в частности, за счет необходимости не только работать со знаковыми системами, но и обучаться технологиям их применения [22; 23]. Современный этап связанных с «психологией Интернета» исследований можно обозначить как изучение психологических аспектов преобразования культуры в целом. Именно в таком разрезе ставится — и в теоретическом, и в эмпирическом плане — задача в настоящее время [1; 8; 12].

Таким образом, следует признать, что относительно ранние (80-х годов) психологические исследования опосредствованной Интернетом (в то время — просто компьютерными сетями) деятельности обусловлены следованием основополагающим теоретическим положениям отечественной психологической науки. Лишенные этой тео-

ретической опоры, специалисты в других отраслях гуманитарного знания не придали в те годы должного значения фактам появления и развития локальных и глобальных компьютерных сетей.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е.* Психологические последствия информатизации // Психол. журн. — 1998. — Т. 19 (1). — С. 89—100.
2. *Барни К.* Телеконференция между советскими и американскими специалистами в области ЭВМ // Электроника. — 1985. — № 23. — С. 30—31.
3. *Белобжеская Л. Л., Дедков А. Ф., Щерс А. Л.* Реализация телеконференций в сетях ЭВМ // Интерактивные системы. — Тбилиси: Мецниереба, 1981. — Кн. 2. — С. 105—108.
4. *Беляева А. В., Коул М.* Компьютерно-опосредствованная совместная деятельность и проблема психического развития // Психол. журн. — 1991. — Т. 12. — № 2. — С. 145—152.
5. *Войскунский А. Е.* Научная коммуникация в условиях автоматизации // Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ / Под ред. М. Г. Ярошевского и О. К. Тихомирова. — М.: Наука, 1987. — С. 139—158.
6. *Войскунский А. Е.* Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопр. психологии. — 1991. — № 6. — С. 142—147.
7. *Выготский Л. С.* Собр. соч. в 6 т. — М.: Педагогика, 1982—1984.
8. Гуманитарные исследования в Интернете / А. Е. Войскунский (ред.). — М.: Терра-Можайск, 2000.
9. *Джойнер Р., Танстэлл К.* Коллективное решение задач с помощью ЭВМ // Вопросы анализа и процедуры принятия решений. — М.: Мир, 1976. — С. 146—171.
10. *Залесский П., Спектор М.* Сколько нас? Какие мы? Портрет российской интернет-аудитории // Мир Internet. — 1999. — № 7—8. — С. 42—44.
11. *Землянова Л. М.* Современная американская коммуникативистика. — М.: Изд-во МГУ, 1995.
12. *Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся: Очерки российской психологии. — М.: Тривола, 1994.
13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
14. *Клесов А. А.* Телеконференции — новая форма научных коммуникаций // Вестн. АН СССР. — 1986. — № 10. — С. 56—62.
- 14а. *Коул М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего. — М.: Когито-Центр, 1997.
15. *Крук Ч.* Школы будущего // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. — М.: Терра-Можайск, 2000. — С. 314—332.
16. *Леонтьев А. Н.* Автоматизация и человек // Психол. исслед. — 1970. — Вып. 2.

17. Познавание и общение / Под ред. Б. Ф. Ломова, А. В. Беляевой, М. Коула. — М.: Наука, 1988.
18. Полат Е. С. Проблемы использования компьютеров в системе образования развитых капиталистических стран // Информатика и образование. — 1987. — № 4. — С. 106—113.
19. Российский Интернет в цифрах и фактах / В. А. Садовничий, В. А. Васенин, А. А. Мокроусов, А. В. Тутубалин. — М., 1999.
20. Сеппянен Й. Систематика автоматизированных информационных и коммуникационных систем // Проблемы информ. систем. — 1983. — № 1. — С. 8—16.
21. Соколов Д. П. Построение системы «электронная почта» для узла Национального центра автоматизированного обмена информацией // Системы автоматизированного обмена информацией. — М.: ВНИИПАС, 1982. — Вып. 2. — С. 23—26.
22. Тихомиров О. К. Информационный век и теория Л. С. Выготского // Психол. журн. — 1993. — № 1.
23. Тихомиров О. К. Л. С. Выготский и современная психология // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов Всесоюз. конф. — М, 1981. — С. 151—154.
24. Тихомиров О. К., Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Общение, опосредствованное компьютером // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14: Психология. — 1986. — № 3. — С. 31—42.
25. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. — М.: Терра-Можайск, 2000. — С. 40—54.
26. Чугунов А. В. Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. — СПб., 2000.
- 26а. Янг К. Диагноз — интернет-зависимость // Мир Интернет. — 2000. — № 2. — С. 24—29.
27. Arestova O., Babanin L., Voiskounsky A. Psychological research of computer-mediated communication in Russia // Behaviour and Information Technology. — 1999. — Vol. 18 (2). — P. 141—147.
28. Cole M. An experiment in computer-mediated cooperation between nations in conflict. The Velikhov-Hamburg project. 1985—1994: Report, The Laboratory of Comparative Human Cognition. University of California, San Diego. — La Jolla, California, 1996.
29. Competing visions, complex realities: Social aspects of the information society / J. Schement, L. Lievrouw (eds.). — Norwood, NJ: Ablex, 1987.
30. Contexts of computer-mediated communication / M. Lea (ed.). — Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1992.
31. Cyberpsychology / F. J. Gordo-Lopez, I. Parker (eds.). — New York: Routledge, 1999.
32. Cyberpsychology: Mind, cognition and society in the Internet age / G. Riva, C. Galimberti (eds.). — Amsterdam: IOS Press, 2001.

33. *Döring N.* Sozialpsychologie des Internet. — Göttingen et al.: Hogrefe, 1999.
34. *Greenfield D. N.* Virtual Addiction: Help for Netheads, Cyberfreaks, and Those Who Love Them. — Oakland: New Harbinger Publ., 1999.
35. *Griffin P, Belyaeva A. V., Soldatova G. U.* Socio-historical concepts applied to observations of computer use // *European J. of Psychology of Education*. — 1992. — Vol. 7. — P. 269—286.
36. Group processes in computer-mediated communication / J. Siegel, V. Dubrovsky, S. Kiesler, T. W. McGuire // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. — 1986. — Vol. 37. — P. 157—187.
37. *Hiltz S. R.* Online communities: A case study of the office of the future. — Norwood, NJ: Ablex, 1983.
38. *Hiltz S. R., Turoff M.* The Network Nation: Human Communication via Computer. — Reading, Mass., et al.: Addison-Wesley, 1978.
39. Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? / R. Kraut, V. Lundmark, M. Patterson, S. Kiesler, T. Mukopadhyay, W. Scherlis // *American Psychologist*. — 1998. — Vol. 53 (9). — P. 1017—1031.
40. *Kerr E., Hiltz S. R.* Computer-mediated communication systems. — New York: Academic Press, 1982.
41. *Kiesler S., Siegel J., McGuire T. W.* Social psychological aspects of computer-mediated communication // *American Psychologist*. — 1984. — Vol. 39. — № 10. — P. 1123—1134.
42. Kommunikation im Internet / W. Frindte, T. Koehler (eds.). — Frankfurt a/M e. a.: Peter Lang, 1999.
43. Learning and teaching on the World Wide Web / C. Wolfe (ed.). — San Diego et al.: Academic Press, 2001.
44. *Mantovani G.* New communication environments: from everyday to virtual. — London: Taylor & Francis, 1996.
45. Online Research: Methoden, Anwendungen und Ergebnisse / B. Batinić, A. Werner, L. Graef, W. Bandilla (eds.). — Göttingen et al.: Hogrefe, 1999.
46. Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal, and Transpersonal Implications / G. Gackenbach (ed.). — San Diego et al.: Academic Press, 1998.
47. Psychological Experiments on the Internet / M. H. Birnbaum (ed.). — San Diego et al.: Academic Press, 2000.
48. *Short J., Williams E., Christie B.* The social psychology of telecommunications. — New York: Wiley, 1976.
49. Social Psychology of the Internet / S. Kiesler (ed.). — Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996.
50. *Spruill L., Kiesler S.* Connections: New ways of working in the networked organization. — S. l.: The MIT Press, 1991.
51. *Turkle Sh.* The Second Self. — New York, NY: Simon and Schuster, 1984.
52. *Turkle Sh.* Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. — New York: A Touchstone Book, 1995.
53. *Voiskounsky A. E.* Telelogue Speech // *Network and Netplay: Virtual Groups on the Internet* / Ed. by F. Sudweeks, M. McLaughlin, Sh. Rafaeli. — Menlo Park,

Calif.; Cambridge, Mass.; London, England: AAAI Press/The MIT Press, 1998. — P. 27—40.

54. *Wallace P.* The Psychology of the Internet. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
55. *Young K. S.* Caught in the Net: How to Recognize the Signs if Internet Addiction — and a Winning Strategy for Recovery. — New York e. a.: John Wiley & Sons, 1998.

Интернет-публикации классического и современного искусства и формирование новой культурной среды в российской провинции

Людмила Сукина

Культурная среда русской провинции всегда имела определенную специфику. Значительная удаленность даже крупных областных городов от центра, бедность провинциальных художественных собраний, более чем скромная выставочная деятельность на местах и традиционная проблема транспортных коммуникаций создали ситуацию, когда достижения мирового и отечественного искусства доходили до периферии в опосредованном виде. Еще несколько лет назад информацию о классических художественных шедеврах и новых явлениях искусства провинция получала из средств массовой информации и книг, которые в условиях тотального дефицита тоже относились к числу малодоступных источников. В этих условиях даже наиболее образованная часть местной творческой интеллигенции значительно запаздывала в своем культурном развитии по отношению к тому же социальному слою Москвы и С.-Петербурга. Эстетические же взгляды большей части населения на изобразительное искусство формировались в основном репродукциями из журналов «Огонек» и «Работница», пропагандировавшими исключительно реалистический стиль.

В 90-е годы ситуация, казалось бы, значительно улучшилась. Были сняты лимиты на подписку культовых жур-

налов российской интеллигенции «Декоративное искусство», «Художник», «Наше наследие», «Мир музея», «Музеум / Museum». Появились новые СМИ, рассчитанные на творческих людей, любителей искусства и коллекционеров: «Арт Хроника / ART Chronika», «Мир дизайна», «Новый мир искусства», «Художественный журнал», «Пинакотека» и др. Эти журналы ориентированы не только на историческое наследие и пропаганду творчества «живых классиков» отечественного искусства, как было раньше, но и дают достаточно широкое представление о современном мировом и российском художественном процессе.

Но либерализация экономики и вызванный ею резкий рост цен на бумагу и типографские услуги тут же сделали эти издания малодоступными для большей части населения. Согласно данным объединенного каталога «Пресса России» на 2002 г., например, полугодовая подписка на «Новый мир искусства» стоит 302 руб., а любимый школьниками с гуманитарными наклонностями «Юный художник» — 424 руб. (и то, и другое — без стоимости почтовой доставки). Особенно впечатляюще эти цены выглядят при сравнении со средней зарплатой работника культуры, которая, по данным Министерства культуры, на 1 сентября 2001 г. составляла около 400 руб. в месяц.

От подписки на эти издания в последние годы было вынуждено отказаться даже большинство провинциальных библиотек, в том числе специализированные библиотеки музеев и учебных заведений. В свободной продаже в провинции они тоже отсутствуют, так как не находят сбыта в связи с низкой покупательной способностью населения (те, кто может позволить себе приобретать дорогие специальные журналы и книги, как правило, в них не нуждаются).

Отметим также неоперативность предоставляемой художественными журналами информации. При периодичности от двух до четырех номеров в полугодие большинство из них не в состоянии вовремя информировать читателей о текущих событиях в мире искусства.

То же можно сказать и о книгах по искусству. Их много, но они дороги (средняя цена — около 200 руб. за том). Переиздается в основном искусствоведческая классика 50—80-х годов, так как рынок до сих пор не насыщен академическими трудами. Современные исследования до сих пор редки и не могут удовлетворить спрос. Актуальная искусствоведческая и культурологическая литература в провинцию почти не попадает, что связано с кризисом книготорговой сети, о котором много писали СМИ (например, «Ex Libris») в

связи с Московской международной книжной ярмаркой, прошедшей на ВВЦ в сентябре 2001 г., и отсутствием в провинциальных городах больших фирм, способных поддерживать достойный ассортимент, в том числе и некоммерческих изданий¹. Местные издательства специализируются, как правило, на литературе массового спроса и книгах краеведческого характера, издающихся за счет бюджетной или спонсорской поддержки.

В какой-то степени призваны ликвидировать эти пробелы специализированные еженедельники, такие, как газета «Культура», а также приложения и рубрики по культуре и искусству в «Независимой газете», «Коммерсанте», «Итогах» и других изданиях. Однако подписка на них тоже стоит недешево. К тому же остро публицистическая манера подачи информации и тяга газетных журналистов к сенсационности и эпатажу устраивают далеко не всех. Например, такие статьи трудно использовать в педагогической практике. Уважаемый провинциальной интеллигенцией телевизионный канал «Культура» также страдает определенной тенденциозностью. Кроме того, большая часть передач, посвященных проблемам изобразительного искусства, идет в неудобное время, а прайм-тайм занят сериалами и фильмами не всегда высокого качества.

Таким образом, продолжает существовать проблема получения провинциальной публикой современной, объективной и оперативной информации по изобразительному искусству. Решить эту проблему в ближайшем будущем с помощью традиционных средств информации не представляется возможным. В качестве одного из выходов видится использование новых информационных технологий, которые в начале XXI в. становятся мощным фактором, влияющим на изменения социокультурной ситуации в России.

С середины 90-х годов русская провинция получила новый источник информации о культуре и искусстве в виде Интернета. Немалая заслуга в его распространении, в первую очередь в университетских центрах, принадлежит иностранным благотворительным организациям, в частности Институту «Открытое общество» (Фонд Сороса) и образовательным программам Госдепартамента США. Их усилиями около 30 областных городов России получили возможность предоставлять бесплатные интернет-услуги преподавателям, студентам, работникам сферы культуры и искусства. Наибольшей известностью среди гуманитарной интеллигенции пользуются интернет-центры, существующие под эгидой Фонда Сороса в Нижнем Новгороде и Ярославле. Своей деятельностью они охватывают весь Вол-

го-Окский регион и привлекают к сотрудничеству другие заинтересованные организации. Отметим, например, совместные проекты Ярославского интернет-центра и Ярославского областного художественного музея.

В последнее время Интернет стал доступен не только жителям крупных городов, но и небольших населенных пунктов, в том числе в сельской местности. И здесь уже ведущая роль в процессе интернетизации принадлежит муниципальным властям и местным спонсорам. В последнее время этот процесс получил поддержку президента России, и уже на федеральном уровне начала реализовываться программа компьютеризации и интернетизации сельских школ. Осуществление этой программы значительно расширит возможности сельского населения в получении современной оперативной информации, в том числе и в сфере художественной культуры. Это особенно важно, так как именно сельские библиотеки всегда отличались скромностью фондов как в количественном, так и в качественном отношении. Десять лет назад село получало почти всю информацию об искусстве из публицистических журналов и лекций общества «Знание». А сейчас преподаватели изобразительного искусства и мировой художественной культуры все чаще обращаются за информационной поддержкой своих курсов к интернет-ресурсам.

Большинство специалистов считают, что Интернет в России все же внедряется в повседневную практику медленнее, чем нужно. И его влияние на формирование духовной сферы не соответствует представлениям о развитом информационном обществе. Согласно данным исследований российского представительства «Gallup Media» потребителями услуг Интернета в нашей стране является пока только около 5% населения (для сравнения указывается, что в США этот показатель составляет 50%), и большая часть пользователей проживает в столичных городах ². Но за последние три года отмечены рост российской аудитории Сети в шесть раз и тенденция к ее дальнейшему увеличению ³. Но если сравнить эти данные со сведениями о традиционных СМИ, становится очевидно, что в российских условиях темпы роста аудитории Интернета не столь уж плохи. По крайней мере, предварительные итоги подписной компании 2002 г. выглядят более удручающими. Так, в Ярославской области, по сведениям областной прессы, количество выписываемых газет и журналов сократилось почти вдвое по сравнению с предыдущим подписным периодом. Часть населения при решении вопроса, подписываться или нет, останавливает не только все время растущая цена пе-

чатных СМИ, но и тот факт, что даже в центральной России московские газеты и журналы, особенно специализированные, приходят с опозданием на несколько дней, что резко снижает их информационную ценность. Большинство подписчиков перешло на более дешевые и регулярно доставляемые местные СМИ, что сжимает их информационное поле до размеров отдельной области или муниципального округа. При отсутствии точных данных о реальном количестве пользователей Интернета и читателей центральной прессы в провинции трудно сопоставить динамику развития той и другой аудитории. Но что касается людей, нуждающихся в информации по искусству, среди них пользователей сети, на наш взгляд, ничуть не меньше (если не больше), чем подписчиков и покупателей специальной литературы и профильных журналов. В основном это одна и та же аудитория. А по оперативности предоставления новостей по искусству с Интернетом могут конкурировать только телевидение и радио, но там получение информации строго ограничено жесткой сеткой вещания, а интерактивные возможности просто отсутствуют. По нашему мнению, сейчас Интернет — наиболее динамично развивающееся и удобное для пользователя, живущего в провинции, средство получения оперативной информации о новостях в мире искусства.

Следует учитывать и такой важный для российского социума факт, что у нас, особенно в провинции, пользователями Интернета становятся не только и не столько представители бизнеса (не считая крупные компании), сколько техническая и гуманитарная интеллигенция, студенты и школьники. В провинции крупнейшие центры Интернета, наиболее известные местные порталы и серверы, интернет-клубы и интернет-кафе находятся в учебных и научных учреждениях, библиотеках и музеях. Для постоянных пользователей, студентов, школьников и преподавателей существует гибкая система скидок, что позволяет даже небогатой провинциальной интеллигенции и студенчеству при необходимости воспользоваться услугами этих организаций. Особенностью собственных провинциальных интернет-ресурсов некоммерческого характера является, как правило, их доступность и бесплатность для местных пользователей (например, образовательные и культурные ресурсы портала «Botik», который поддерживает Институт программных систем РАН, абсолютно открыты и бесплатны для всех жителей Переславля-Залеского и Переславского муниципального округа). Бесплатную информацию по культуре и искусству предлагают и более 20 соросовских интернет-центров, расположенных в провинциальных городах.

Таким образом, Интернет уже сейчас может считаться серьезным фактором, формирующим новую культурную среду информационно «продвинутой» части населения российской глубинки. Для провинции он имеет по крайней мере не меньшее значение, чем традиционные электронные и печатные СМИ.

Особенно важно, что Интернет постепенно становится неотъемлемым элементом российского образования, о чем свидетельствуют последние решения федерального правительства ⁴. Новая генерация преподавателей и учащихся привыкает существовать в сфере «экранной» культуры. Интернет и компакт-диски постепенно вытесняют из образовательного процесса традиционные аудиовизуальные средства и наглядные пособия, привлекая более высоким качеством воспроизведения памятников искусства и компактностью хранения необходимых материалов. Так, на базе лаборатории «Учком» Института программных систем РАН уже несколько лет успешно действует проект приобщения школьников Переславля-Залесского к изучению памятников искусства, архитектуры и природы их края с помощью современных интернет-технологий (<http://uchcom.botik.ru>).

В самостоятельной учебной и творческой работе студентов и школьников в провинции Интернет часто становится единственным источником информации об изобразительном и прикладном искусстве, архитектуре, дизайне, так как, несмотря на относительную дороговизну, он все же дешевле, чем качественные альбомы репродукций, не говоря уже об оперативности доступа и отсутствии различного рода ограничений.

В настоящее время Сеть предоставляет довольно широкие возможности получения разнообразной текстовой и визуальной информации по классическому и современному искусству. Пользователь, владеющий английским языком, пусть даже на среднем уровне, может обратиться к ресурсам ЮНЕСКО, крупнейших западных музеев и частных галерей. Кроме того, существуют неплохие каталоги ресурсов по современному искусству, например, известный английский каталог «Adam» (<http://www.adam.ac.uk>), объединяющий информацию о более чем двух тысячах сайтах по искусству, архитектуре, дизайну, в том числе и о бесплатных ресурсах.

Многие международные арт-проекты также имеют интернет-версии. Не выходя из дома, можно ознакомиться с событиями крупнейших выставок и фестивалей актуального и классического искусства. Так, лишь единицы жителей русской провинции могли позво-

лить себе роскошь побывать на экспозициях выставки работ классика поп-арта Энди Уорхола в Эрмитаже или Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, зато вход на сайт американского музея Уорхола был открыт для всех, и по нему можно составить представление о том, что показывали в крупнейших музеях России.

Относительно неплохо представлено сейчас в Интернете и российское художественное наследие. Здесь вновь следует отметить усилия крупнейших музеев, а также некоммерческой организации «Российская сеть культурного наследия» (<http://www.rchn.org.ru>) и спонсорскую поддержку сетевых проектов по культуре и искусству Фондом Сороса. Уже около двух лет существует интернет-проект «Картина недели», который выставил в сети более 100 шедевров мирового искусства (http://www.centre.smr.ru/win/pics/main_pics.htm). Большое значение для профессионалов имеют известные проекты «Ветер с Востока» и «3 рубля 62 копейки», представляющие собой базы данных по современному искусству России, Молдавии и Украины — частная некоммерческая инициатива московского искусствоведа Т. Могилевской и французского художника Ж. Мореля (<http://services.worldnet.net/~coronado>).

Основные отечественные культурные ресурсы представляет портал «Музеи России» (<http://www.museum.ru>), содержащий информацию о более чем 3 тыс. музеях и галереях, а также имеющий каталог нескольких сотен музейных сайтов и CD. Регистрация для авторов и владельцев сайтов по искусству и культуре в каталоге «Музеев России» осуществляется на благотворительной основе. Портал входит в число наиболее известных российских интернет-порталов, и доступ ко всему массиву его информации бесплатен и неограничен. По данным администраторов портала, с момента его открытия в 1996 г. его ресурсами воспользовались более 1 млн человек.

Информационная служба «Музеев России» (<http://www.news.museum.ru>) с 1997 г. рассылает еженедельники «МР-Лист» и «МР-Проф.», подписка на которые свободна и бесплатна. Рассылка осуществляется по электронной почте, что позволяет пользоваться ее услугами даже тем, кто имеет строго ограниченный трафик в Интернете. Названные интернет-издания содержат информацию о крупнейших культурных событиях, проходящих и планирующихся в Москве, С.-Петербурге и провинции, постоянно расширяется их корреспондентская сеть в регионах. Из рассылки можно узнать также о вновь зарегистрированных ресурсах каталога «Музеев России» со ссылкой на каталожный адрес.

В процесс формирования художественной среды в Рунете активно включились и провинциальные музеи. Большинство из них быстро оценили удобство сетевой пропаганды своих коллекций и привлечения посетителей с помощью Интернета (так, в настоящее время Рыбинский музей-заповедник осуществляет проект полного представления своего художественного собрания в Сети). Некоторые музеи пошли на создание интернет-сообществ по региональному признаку, что способствует более полноценному и системному представлению в Сети культуры исторических областей и территорий России (см., например, объединенный сайт 12 музеев Подмосковья — <http://www.museum.ru/museum/MscReg>). В качестве удачных можно привести также примеры создания общих интернет-ресурсов музеев Омской, Тамбовской и некоторых других областей (<http://www.tstu.ru>, <http://museum.omскеlecom.ru>). В конце 90-х годов существовал проект объединенного сайта музеев Ярославской области «Вместе», к сожалению, так и не осуществленный.

Правда, массовый оптимизм музейщиков по поводу «безграничных» возможностей Интернета, существовавший еще два-три года назад, сейчас сменился более спокойным и прагматичным отношением к Сети как к одному из инструментов в работе. Были здраво оценены и реальные препятствия в виде высокой стоимости хостинга вновь создаваемых музеями ресурсов, недостатка специалистов по веб-дизайну и технической поддержке проектов и т. д. Тем не менее начатая работа довольно активно продвигается. Об этом свидетельствуют еженедельно публикуемые обширные списки вновь зарегистрированных ресурсов в каталоге «Музеев России». А наличие собственного сайта в сети для большинства музеев стало уже своего рода правилом хорошего тона, хотя никаких официальных требований со стороны государственных органов в этом отношении не существует.

В конце октября 2001 г. «Российская сеть культурного наследия» совместно с автономной некоммерческой организацией культуры «Музей будущего» (http://www.future.museum.ru/m_future.htm) объявила подписку на новый электронный журнал «Музей и новые технологии», который должен помочь провинциальным музеям осваивать сетевое пространство.

Региональные университеты и научно-исследовательские фирмы также активно включаются в создание местной художественной медиасреды. Так, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова занимается интернет-публикациями памятников древнерусского

искусства Ярославской области (<http://cnit2.uniyar.ac.ru>). А ярославская фирма «Gerschwin» готовит мультимедийную энциклопедию по истории искусства Ярославской губернии XVII—XIX вв.

Интернет предоставляет информацию и о выходящих в свет новых книгах и журналах по искусству. Имеют свои веб-версии книжные каталоги, распространяющие новинки по Сети или по почте, большая часть издающихся типографским способом газет и журналов, что делает их более доступными читателям в отдаленной провинции и даже в тех местах, где уже несколько лет не существует ни книжных магазинов, ни киосков «Роспечати».

Развитие и наполнение ресурсов по искусству в Рунете находится в русле мировой общественно значимой тенденции укрепления «домашней культуры», в процессе развития которой происходит так называемая духовная «приватизация» отдельной личностью общечеловеческих культурных ценностей. Отечественный исследователь этой проблемы Т. Майстрович считает, что компьютер создает предпосылки креативного, созидательного мышления и участия каждого человека в формировании мировой культурной среды, причем творческой лабораторией и центром общения должна стать отдельная квартира ⁵. Эта тенденция особенно важна в социокультурном контексте российской провинции, где домашний очаг традиционно является средоточием духовной жизни личности, нередко заменяя собой все формы культурного существования. Перенос центра культурного общения в частную квартиру в маленьких провинциальных городках, где уже десять лет не работают кинотеатры, недостает хороших музеев, выставочных залов и библиотек, произошел давно. И задача Интернета — соединить этот центр в единую систему с другими ему подобными. А для людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности такая форма культурного творчества в провинции является сейчас оптимальной, если не единственно доступной. Создания в провинциальных городах, а тем более в селах условий для культурного и творческого досуга инвалидов придется ждать, вероятно, еще не один десяток лет. Поэтому подобное направление работы становится актуальным для региональных интернет-сообществ, где постепенно накапливается положительный опыт. Например, в Нижегородском музейном центре создан виртуальный проект школы искусств и ремесел для детей с ограничениями в жизнедеятельности, им предоставлен бесплатный доступ к базам данных культурного наследия Нижегородской области (<http://www.museum.nnov.ru>).

В связи с указанными тенденциями специалистов в области изобразительного искусства и преподавателей культурологических и искусствоведческих дисциплин не может не волновать проблема качества интернет-ресурсов. Подавляющее большинство из них — это или рекламно-информационные сайты с минимумом полезных сведений и небрежно обработанными визуальными материалами, или так называемые «рефераты». Такое хаотическое состояние культурных ресурсов объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, многие из «серьезных» искусствоведов и арт-критиков так и не смогли пока преодолеть недоверчивое отношение к размещению своих публикаций в Сети. Среди ученых и публицистов до сих пор широко распространено мнение, что издания на бумажных носителях лучше защищены от интеллектуального пиратства, чем тексты, вывешенные в Интернете.

Во-вторых, специалисты неоднократно отмечали полную безответственность авторов и держателей существующих профессиональных, полупрофессиональных и любительских культурных и арт-ресурсов, преобладание в их среде рекламно-развлекательной и презентационной мотивации. Никаких эстетических и этических канонов и традиций в этой сфере не существует. Многие качественные по содержанию ресурсы небрежно и примитивно оформлены, а иногда виртуозное дизайнерское оформление скрывает бессодержательность.

В-третьих, в Интернете сейчас процветают дилетантизм и плагиат, когда любой случайный человек может легко удовлетворить свои «творческие» амбиции, пусть даже и нарушая чьи-то авторские права и правила научной и издательской этики.

Распространение устаревшей, некачественной, неточной или даже заведомо ложной информации о памятниках и явлениях мирового и отечественного искусства в русской провинции может иметь самые негативные последствия. Известный консерватизм и доверие к печатному слову, в том числе и воспроизведенному на экране монитора, присущи в нашей глубинке даже большей части высокообразованных людей. Положение усугубляется сложностью или невозможностью проверки полученных сведений, о чем мы уже упоминали.

У студентов и школьников постепенно укореняется привычка не искать информацию по культуре и искусству в книгах и журналах, а бездумно скачивать ее из Сети. Чаще всего используются самые примитивные способы обнаружения нужных ресурсов с помощью наиболее известных поисковых машин (которые отсылают пользователя не всегда к самой качественной и профессиональной продукции)

или консультируясь во время общения в чатах. При этом также утрачиваются навыки аналитического чтения и оценки полученных сведений, формирования собственного мнения о явлениях искусства, художниках и коллекциях. Отпадает необходимость и в посещении музеев, выставок, воспитании вкуса, умении производить эстетический отбор, общаться с другими зрителями, художниками и консультантами-искусствоведами, обсуждать увиденное и прочитанное с товарищами и педагогами, да и просто учиться письменно выражать эмоции и оформлять свои мысли по поводу произведений искусства. Эта проблема не является специфической для русской провинции. Перспектива вырастить поколения полуграмотных специалистов и духовно неразвитых людей беспокоит и сотрудников университетских библиотек США, где студенты значительную часть времени проводят у экранов компьютеров, а не у книжных полок ⁶.

К сожалению, в российской глубинке преподаватель не всегда может рекомендовать студентам и школьникам обратиться за необходимыми сведениями и материалами к изданиям на бумажных носителях. Большинство современных книг по искусству до провинции просто не доходит. Как уже упоминалось, высокая подписная и розничная цена становится непреодолимым барьером для проникновения в школьные и вузовские библиотеки даже таких классических журналов, как «Наше наследие», не говоря уже об авангардной и концептуальной периодике.

Поездки в столичные города с их крупными музейными и выставочными центрами тоже стали исключением, а не правилом. Причины — и высокая стоимость железнодорожного и автомобильного транспорта, и резкое падение престижа гуманитарных знаний и общей эстетической культуры, особенно на периферии, где главным способом повышения жизненного уровня населения считается торговый бизнес. И если столичные школьники по-прежнему активно ездят на экскурсии, о чем свидетельствует статистика посещений музеев Золотого кольца, то учащиеся провинциальных школ, студенты периферийных вузов, а также их родители такой метод образования и воспитания не считают необходимым. При этом к арт-событиям, происходящим в собственном регионе, у значительной части даже просвещенной общественности сложилось безразличное отношение как к чему-то не заслуживающему внимания или пустой трате времени.

В этой ситуации компьютер, подключенный к Интернету, становится для молодого провинциала единственным окном в мир боль-

шого искусства, особенно искусства современного, одновременно другом и врагом учебного и воспитательного процесса.

Современная компьютерная техника, следует отметить, в силу объективных ограничений технических возможностей, не позволяет также передать верные представления о визуальных объектах. Порой даже репродукции в старых журналах точнее воспроизводят подлинник, чем самые качественные электронные копии. Произведения изобразительного искусства на экране монитора выглядят более четкими в деталях, яркими по цвету, приобретают не свойственные им в натуре выразительные качества. Нередко это приводит к тому, что человек, воспитанный в новой «экранной» культуре, не может, а часто и не хочет общаться с «живой» живописью, графикой, прикладным искусством. При встрече с ними он испытывает даже некоторое разочарование, своего рода культурный шок.

Автор на своем педагогическом опыте неоднократно убеждался в том, что современные студенты с гораздо большим восторгом воспринимают «кислотные» цвета компьютерного монитора, нежели благородные оттенки подлинных шедевров живописи. Так, на экране компьютера древнерусские иконы кажутся им более привлекательными, чем в музейном зале. Беседа со старшекурсниками, посетившими Третьяковскую галерею, выявила амбивалентность впечатлений большинства из них. С одной стороны, их поразила неодинаковость размеров картин, разнообразие стилей и техник, а с другой — им не понравился темный (скучный, невыразительный) колорит знаменитых полотен классиков русского искусства.

Важно также отметить, что при общении с произведением искусства на веб-сайте возникает иллюзия «близости», невозможная в музее или на выставке, когда зритель находится среди других людей. Однако этот кажущийся комфорт восприятия может обернуться появлением суррогатного видения искусства, рождением имитационной художественной культуры целого поколения жителей российской провинции, не бывающих в больших национальных музеях, зато активно просиживающих ночи перед экраном компьютера. И разрушить этот стереотип представления о «настоящем» искусстве будет почти невозможно, так как у большинства его носителей в течение жизни может так и не случиться встреча с подлинником.

Этот новый мир «большого» искусства, всемирной глобальной культуры для провинциального жителя может оказаться не менее, а даже более искусственным, чем мир, созданный плохонькими репродукциями старого «Огонька», так как затрагивает не только содер-

жательную сторону произведений, но и переворачивает с ног на голову все категории художественной выразительности. Интернет ставит новые задачи перед педагогами и деятелями культуры, использующими его ресурсы в образовательном и творческом процессе. Им необходимо думать над разработкой методик, устанавливающих разумный баланс между реальным и компьютерным мирами существования изобразительного искусства. В противном случае эстетический идеал нового поколения провинциальной интеллигенции рискует стать излишне «виртуализированным».

Второй большой группой потребителей интернет-публикаций по искусству в провинции являются художники-профессионалы. Наиболее «продвинутые» из них получают информацию о современных тенденциях в искусстве благодаря существованию системы ежегодных фестивалей российских арт-ресурсов в Интернете под эгидой Центра современного искусства Сороса (<http://www.da-da-net.ru>), проектам мультимедийного издательства «Артифо» (<http://www.artinfo.ru>) и функционированию периодических сетевых мероприятий выставочно-фестивального проекта «ФоКом» В. и М. Опара (<http://focom.www.ru>, <http://www.museum2020.ru>). Названные ресурсы отличаются хорошим качеством арт-информации, их проекты вполне коррелируют с аналогичными западными сетевыми проектами и нередко содержат ссылки на них, очень полезные художникам, не имеющим достаточно времени и опыта для самостоятельного поиска в Сети.

В последнее время появилось немало и региональных коллективных веб-проектов, представляющих современное искусство. Отметим Виртуальную арт-галерею в С.-Петербурге (<http://www.museum.ru/w940>) и галерею «Art of Siberia» (<http://www.museum.ru/w946>), представляющую живописцев и графиков крупнейших западно-сибирских городов (Томска, Омска, Новосибирска, Кемерово и др.).

Следует также отметить свободу доступа для художников к участию в сетевых фестивалях Рунета. Представить свое произведение в Сети для провинциального, особенно молодого и не имеющего авторитета и спонсоров художника значительно легче и дешевле, чем обеспечить место на выставке в крупной галерее или выставочном комплексе, не говоря уже о широте зрительской аудитории. Выставившись в Сети, провинциальный художник получает выход в международное художественное пространство, что в реальности в настоящий момент почти недостижимо, так как из-за отсутствия солидной

спонсорской поддержки художественные галереи даже крупных областных центров не могут показать своих постоянных экспонентов на зарубежных выставках-ярмарках и найти для них покупателей и заказчиков среди западных собирателей и маршанов (например, на осенней международной художественной выставке 2001 г. в Берлине была представлена только одна частная галерея из Владивостока).

Услуги по оформлению презентационного сайта отдельным художникам и творческим коллективам готовы предоставить как крупные профессионально работающие веб-дизайнерские фирмы, например, уже упоминавшаяся «Артифо», так и частные галереи, художественные и выставочные центры, дизайнеры-профессионалы и любители, обладающие навыками создания веб-ресурсов. Средняя цена сайта — около 500 долл. плюс оплата услуг владельца сервера, на котором размещается сайт. Сумма вполне подъемная для активно работающего мастера, чьи работы хотя бы время от времени продаются у него на родине. Конечно, стесненный в средствах молодой художник может создать собственный сайт и самостоятельно, так как в специализированной литературе по веб-дизайну сейчас недостатка нет.

Наконец, новая медиасреда сама является особым пространством существования искусства. Пространством, не предъявляющим никаких претензий к реальному месту жительства, не требующим мастерской (получение или покупка помещения, специально приспособленного для творчества художника, — еще одна извечная проблема провинциального города), а также не нуждающимся в дорогих материалах, местах хранения готовых работ и выставочных площадях. Современное сетевое искусство (Net Art), применяющее для создания произведений различные интернет-технологии, казалось бы, специально придумано для художника, работающего в провинциальном городе или поселке. Для создания полноценного нетартовского объекта необходимы компьютер с подключением к сети и владение одной из специализированных программ, в том числе и на базе программы, позволяющей создавать html-объекты. Помощь в освоении новой художественной среды начинающим сетевым художникам сейчас предлагают различные организации. Среди недавно появившихся следует особо отметить зарегистрированный «Музеями России» сайт «Web Art», в рамках которого работает постоянно действующий форум по сетевому искусству (<http://www.museum.ru/w949>).

Но провинция пока не слишком активно участвует в создании отечественного сетевого искусства. Причинами такового положения

вещей могут служить среди прочего и традиционный подход к профессиональному образованию в периферийных художественных вузах и училищах, и пресловутая «леность гуманитарного менталитета» в освоении передовых технологий⁷. Именно российское провинциальное сознание с его сложившимся на протяжении последних пятидесяти лет отставанием от столицы склонно стремиться «от Интернета к Гутенбергу»⁸. Поэтому в провинции нетартом и рисованием с применением программы «Photoshop» увлекаются в основном не чуждые прекрасного студенты технических вузов и колледжей, что для будущего сетевого искусства представляет весьма сомнительную пользу.

Тем не менее существование сетевых проектов нового искусства в Рунете способно постепенно осовременить взгляды художников, работающих в глубинке и получивших провинциальное художественное образование, опирающееся на традиции передвижников и соцреализма 50—70-х годов. Недаром М. Гельман назвал художников, включенных в Интернет, «посланниками будущего в стране прошлого»⁹. Нетарт открывает возможности как для профессионалов в сфере искусства, так и для сетевой «художественной самодеятельности», так как не требует обязательной академической подготовки. Под влиянием интернет-публикаций, выставок и форумов понемногу формируется иное представление о сегодняшних тенденциях и будущем искусства, меняются эстетические вкусы и критерии. При внешней анонимности интернет-проектов начинающему художнику легче заявить о себе, не имея ни связей в мире искусства, ни, как это часто бывает в провинции, крепкой школы, наличие которой уже само по себе может обеспечить признание и благосклонность критики.

Но эта новая волна распространяется только среди творческой молодежи, свободно общающейся с компьютером. Поколение зрелых мастеров, как правило, настроено к подобной художественной практике по крайней мере настороженно. Также как у критиков и искусствоведов, здесь присутствует и страх потерять контроль над соблюдением авторских прав при репродуцировании и других способах использования произведений. Причем настороженность и даже неприятие новых тенденций проявляются не только в отношении к сетевым арт-проектам, но и к другим непривычным и нетрадиционным художественным акциям. Этому способствует нередко завышенная оценка собственного творчества и старых традиций, гипертрофированные представления о материальной и культурной ценности

своих произведений и отсутствие привычки использовать технические достижения современной цивилизации, к чему, например, западные художники были приучены долгой практикой модернизма и постмодернизма. В провинции гораздо сильнее, чем в столичных городах, укоренена система преклонения перед авторитетом «мэтров» и признанных «корифеев» региональной культуры, воспитанных комплиментарной критикой, которая долгие годы зависела от хороших отношений с официальными структурами — областными и краевыми отделениями Союза художников и художественных фондов. «Корифеи», привыкшие к положению местных классиков, воспринимают интернет-публикации и сетевые выставки более молодых коллег как попытки выйти из-под контроля «большого искусства», как желание дискредитировать «настоящее» творчество. Многим неприемлемой кажется и идея сетевой критики, так как другие местные СМИ, как правило, находятся под давлением авторитета определенного круга лиц и вынуждены оглядываться на их мнение при публикации критических материалов о явлениях и процессах в искусстве региона.

Чаще всего неприятие нового, в том числе сетевого искусства и интернет-фестивалей цифровых репродукций «живой» живописи и графики, существует в форме пассивного сопротивления: неучастия, непосещения, отказа от обсуждения новых видов творчества. Но иногда оно выливается в активный протест. Примером может служить выступление группы ярославских художников «с именем» в газете «Культура» за 7—13 июня 2001 г. против новаций в экспозиционной и выставочной деятельности областного художественного музея, кстати, хорошо известного и своими сетевыми просветительскими акциями.

Изменить мировоззрение представителей старой школы с помощью Интернета вряд ли удастся, так как Сеть они воспринимают не иначе как средство разрушения русской культуры. Поэтому в среде провинциальной художественной интеллигенции влияние интернет-публикаций современного искусства будет заметно выражено лет через десять-двадцать, когда среди региональных творческих авторитетов произойдет очередная смена лидеров, и облик искусства, а также содержание художественной критики и выставочные процессы будут определять те, для кого обращение за информацией к сетевым ресурсам станет привычным и естественным делом.

Вместе с тем надо отметить, что даже такой прогрессивный и яркий критик современного отечественного искусства, как А. Кова-

лев, считает сетевые технологии саморазрушительными для ключевых художественных институций и малопродуктивными для развития художественного творчества как такового. Интернет-среда, по его мнению, является лишь «великой информационной помойкой», чье будущее зависит от финансового благополучия и благорасположения ее таинственных владельцев. А романтизм по поводу новых технологий «сам по себе крайне архаичен еще со времен футуризма»¹⁰. В контексте наших рассуждений следует признать, что для провинциальной культуры романтический взгляд на сетевое искусство таит еще ббльшую опасность. Опять же невозможность сравнения может породить ощущение, что это и есть самое современное и актуальное из всех современных и актуальных искусств и что путь в будущее для периферийных художников лежит только через Сеть. А такая опасность существует, пока цена подержанного компьютера и подключения к Интернету почти равны стоимости авиабилета.

То, что Интернет по мере развития и распространения будет оказывать все более серьезное влияние на формирование новой культурной среды русской провинции, несомненно. Это влияние, как мы определили, имеет две тенденции: положительную и отрицательную.

С одной стороны, распространение Интернета и его насыщение разнообразными артресурсами должно способствовать выравниванию культурного уровня населения страны. Это будет иметь серьезные последствия для либерализации не только эстетических, культурных, социальных, но также и идеологических и политических взглядов людей.

С другой стороны, существует опасность формирования превратного представления о художественном процессе, суррогатного «экранного» эстетического идеала, препятствующего нормальному общению с художественными памятниками и ведущего к изменению индивидуального и массового сознания. В результате может появиться новая «виртуализированная» провинциальная культура, не менее оторванная от столичной, чем прежняя. В ней старые недостатки, отсталость и стереотипность, будут замещены новыми, еще более распространенными и укорененными, чем прежние. А современность и «продвинутость» этой культуры будут иллюзией, поддерживаемой верой в глобальное могущество сетевых технологий.

Развитию социокультурных процессов в этой сфере по пессимистическому сценарию может способствовать наблюдающаяся тенденция удешевления компьютерной техники, которая к тому же относится к «товарам длительного пользования» и статусным престиж-

ным предметам быта, в сочетании с прямо противоположной тенденцией к росту цен на услуги транспорта, книги, печатные СМИ и входные билеты в музеи и выставочные залы. В то же время оздоровление экономики и ее сбалансированность будут способствовать утверждению более прагматичного отношения населения провинции к Интернету как одному из многих источников художественной информации и одной из многих технологических возможностей творчества в современном мире.

Примечания

- ¹ *Вознесенский А.* Ярмарка понтов // *Ex Libris*. — 2001. — 13 сент.
- ² Данные конца 2000 г. — российская часть международного проекта «National Readership Survey». Подробнее см.: *Райбман М.* Аудитория Интернета в России // Прогресс технологий радиовещания: Материалы международного конгресса НАТ. — М., 2001. — С. 136—137.
- ³ *Залесский П.* Российская аудитория Интернета: количество и качество // Прогресс технологий телерадиовещания: Материалы международного конгресса НАТ. — М., 2001. — С. 139.
- ⁴ Решение Правительства РФ «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002—2004 гг.)» от 10 июля 2001 г. № 910-р. В некоторых российских регионах местные власти также стремятся способствовать массовой компьютеризации образования. См., например, постановление губернатора Ярославской области «Об образовании комиссии по созданию и развитию региональной образовательной информационной среды» от 24 апреля 2001 г. № 259.
- ⁵ *Майстрович Т. В.* Библиотеки и музеи в контексте «личных институтов культуры» // *EVA'2000*. — М., 2000. — С. 7²1—7²2.
- ⁶ *Синицына О.* Проблема поиска качественных электронных ресурсов по искусству в Интернет // *EVA'99*. — М., 1999. — С. 7⁸1.
- ⁷ О похожих проблемах в писательской среде см.: *Куталов-Постоль К.* Сойти с «гуманитарного ума» // *Независимая газ.* — 2001. — 18 окт.
- ⁸ *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу (<http://www.nlo.magazine.ru/philosoph/inos-tr/10.html>).
- ⁹ *Гельман М.* Художник и Интернет — посланники будущего в стране прошлого // *EVA'99*. — М., 1999. — С. 8¹1—8¹2.
- ¹⁰ *Ковалев А.* К вопросу о невозможности цифрового искусства // *EVA'99*. — М., 1999. — С. 8²1—8²2.

Summary

This book was prepared on the basis of the reports delivered at workshops hosted by the Carnegie Moscow Center in 2001-2002 as part of the working group "The Internet and Russian Society." The collection it represents is the result of joint efforts by researchers from various disciplines and theoretical-methodological schools. Though their areas of expertise vary greatly, these researchers are bound by a scholarly interest in the Internet as the compendium of technologies that most fully, completely, and broadly reflect the general trends and challenges of the information revolution. As this book makes clear, an analysis of such trends in the context of the social transformation of Russian society allows one to comprehend not only the specifics of Russia's new Internet age, but developments in the use of cyberspace on a global scale as well.

The range of topics encompassed by this volume is very broad, covering everything from descriptions and analyses of the territorial organization of Russia's cyberspace to studies of the processes by which technology has created a new cultural environment in Russia's regions. As the authors of *The Internet and Russian Society* have described it, this new cultural environment includes: changes in the expression of collective identity as they are affected by new information and communications technologies, developments in the political segment of Russia's Internet, use of information technologies to help improve social institutions, development of the role of Russia's Internet in attracting foreign investment, development of electronic libraries, use of the Internet as a field for the Russian Orthodox Church's missionary activity, the Internet's role in science, and the possibilities of using the Internet for public administration.

Summary

The book's introduction, written by editor Ilya Semenov, describes on a global scale the growing influence of information and communications technologies on society. It then goes on to outline a number of technological trends specific to the post-Soviet states in general and to Russia in particular. The author identifies two powerful impulses that have set the tone for the social transformations of the past decade: the disintegration of the Soviet Union and the revolution in information and communications technologies.

In Semenov's opinion, the Internet is an outstanding example of this technological revolution which, as he sees it, has advanced in two stages. The first stage has been marked by progress in the area of technology itself while the second has been characterized by changes in the role and significance of information and knowledge in society. If symptoms of the first stage were to a certain degree noticeable in Russia quite long time ago, evidence of the second became visible only after 1991. Nevertheless, the global processes that have affected Russia over the last decade attracted the attention of scholars much earlier than the 1990s. Semenov observes that the problems discussed in this collection are of a global nature and that they have quite a long scientific history. In many of the articles in *The Internet and Russian Society*, postulates and principles derived from earlier technology scholars such as Daniel Bell, Edward Tureen, and Alvin Toffler can be found.

Semenov then goes on to discuss the ways in which the Internet in particular (as the "show piece" of the current information and technology revolution) has played a role in contemporary Russian society. Concentrating on the Russian-language segment of the Internet (the segment most looked-at by this volume's researchers) he notes the profound transformation that communications technologies have wrought on the new Russia. This transformation results not only from the accessibility of new information provided by the Internet, but from the very nature of the environment making such accessibility possible. It is the examination of this complex nature that makes up the body of this volume.

Yuri Perfiliev's article, "The Territorial Organization of Russia's Cyberspace" examines two foundations of Russia's Internet—the social base and the telecommunications base—and outlines the three main factors hindering the development of the Internet in Russia's regions: (1) the underdeveloped nature of the telecommunications network; (2) the population's low income level; and (3) the low level of investment in developing the Internet's infrastructure. Perfiliev also discusses the status of different companies on the inter-regional com-

Summary

munications market as well as development of Internet access services, and the problem of monopolization in the regions.

Territorially, writes Perfiliev, the development of the Internet matches the development of information resources as a whole. All the largest Internet projects (like all the most important information systems) have originated in Moscow and in St. Petersburg. This centralized system is projected to the regional level as well; most regional sites are created in their regions' administrative centers. As far as development in Russia's Internet services industry is concerned, the author traces two main trends: the industry's general diversification and specialization, and the penetration of large Moscow and St. Petersburg companies into regional markets (which has been spurred by the saturation of the market in the two capitals).

Today, the process of rapid growth in the number of the Internet users in the two capitals is over, though the level of "internetization" in Moscow and St. Petersburg still remains lower than in the U.S. and in Scandinavia. The reason for this is the generally low income level of the Russian population. Nevertheless, the Russian Internet's current level of development is considered attractive by a number of large Western IT companies. In the regions, a full-fledged Internet services market is already taking shape. There, alongside penetration by the two capitals' providers, "home networks" are developing and new corporate networks offering Internet access are appearing on the market. This latter development, notes Perfiliev, virtually signals an end to the monopoly once held by Moscow and St. Petersburg providers and presents a more varied market to potential foreign investors.

Later in his article, Perfiliev describes how, despite the unevenness of the Internet's spread and use around the world, there have appeared common strategies for realizing the opportunities it offers in both technologically advanced nations and in those that are still developing. In many instances, these strategies have involved the use of the Internet as a powerful tool in resisting the homogenizing influence of Western "symbolic capital." Ironically, many technologies that initially served as channels for the proliferation of such "global" trends have come to be used by forces resisting these trends. The worldwide growth of local, national, religious, etc. movements making use of the Internet attests to this fact.

One result of the intertwining of globalization and its opposing trends is the appearance of new forms and dimensions of identity expression that are intended to overcome globalization's inherent contra-

Summary

dictions and to resolve its individual and social conflicts. Ilya Semenov's article "The Longing for Identity: Resistance and the Information Technologies" is devoted to analyzing this phenomenon. Using a constructivist approach to understanding identity, the author clearly demonstrates the shift in emphasis of identification toward "resistance." "Resistance" expresses not the position of the centers of power, but the essence of the prevailing method for building identities. In contrast to the concept of "extremism," "resistance" is described as the foundation for neutral assessment, for self-evaluation, and for classification. Information and communications technologies create an environment that, on the one hand, presents new forms of imagination to such "real" communities as nations, but, on the other hand, provides a foundation for new "virtual" forms of imaginary communities built around the identity of "resistance."

The great variety of content of the Internet's resources does not exclude the possibility of their classification and segmentation; on the contrary, it both presupposes and requires such a possibility. Grigory Belonuchkin and Yekaterina Mikhailova's joint article "The Political Segment of Russia's Internet: Its Development and Prospects" points out that Russia's cyberspace and Runet ("the Russian Internet") are intersecting concepts, but they are still different in content and scope. The former is defined by political borders and by relationships between individuals and technical apparati, as well as by informational resources. The latter is defined by both the boundaries of the language and by those of the ".ru" domain. Belonuchkin and Mikhailova's article examines the political component of Runet in particular, which is understood here as an aggregation of Russian-language sites in the worldwide web. Along with the presentation of a detailed and precise classification of Runet, the authors consider the vital question of the legislative regulation of this segment of Russia's cyberspace. The authors draw attention to several important trends in the development of Runet's political aspects, among which are the increased opportunities for manipulating information and for monopolization afforded by the Internet medium. The development of such trends has evoked serious fears about the freedom and security of Russia's information cyberspace. Such fears have forced many to examine more carefully the concept of "information society" as well as to propose ways to materialize this concept that will take into account the specifics of the Russian society.

Artyom Shadrin's article "Information Technologies and Raising the Effectiveness of Social Institutions" is also dedicated to this task. De-

Summary

spite the fact that an official "information society" program has yet to be adopted in Russia, a "Concept for the Creation of Information Society in Russia" does exist, as does a special Federal program known as "Electronic Russia." As far as the "Concept" is concerned, it appears as yet to be merely an empty declaration. The Federal program, however, despite a certain vagueness, looks more hopeful. Nevertheless, Shadrin warns, in order for these hopes to be realized one must think carefully about new areas of application for information technologies as well as about possibilities for the necessary funding of such applications. What should the government and public organizations do so that realistic strategies for using information technologies do not remain mere prospects and that these technologies are not limited to simply installing computer equipment, connecting it to the information networks, and learning how to operate it?

Beyond these questions, Shadrin notes that it is of equal importance for the so-called "information society" not to experience any further mythologization and ideologization. To this end, it is necessary to realistically outline the possibilities for effective qualitative and quantitative effects from the information and communications technologies currently available. Special attention is given to the possibilities of network organizations guaranteeing greater efficiency in interpersonal communication (as compared to the Internet's usual mechanisms of interaction).

Raising the efficiency of information technologies' operation must be one of Russia's priorities. Technical efficiency, however, is not a goal in and of itself but rather a means to an end. The main goal in developing Internet technologies should not be its technical excellence, but rather social effectiveness. More rational and functional management is one manifestation of this type of effectiveness, which is the central theme of Valentin Ivanov's article "On the Particulars of Realizing the Functions of Social Management on the Internet." The main aim of Ivanov's research is to seek the optimal means of fulfilling the functions of social management and communications within the network of the Internet. To achieve this goal, the author analyzes the existing models of social management.

One such existing model is the website www.e-government.ru which aims at raising the efficiency of the above-mentioned type of social management. The creation and operation of this website falls within the framework of a wider set of tasks that are commonly referred to as the "e-government." Ivanov's article gives one an idea of the website's struc-

Summary

ture and content, and analyzes and evaluates how it operates as an information resource and as an arena for communication. To this end, one of the site's communicative strategies—the creation of a representative expert group—is examined in particular detail. The description and analysis of this, and other aspects of the website's work leads the author to the conclusion that for the government's use of information and communications technologies to be effective, it will be necessary to master new methods of social diagnosis and social planning. Ivanov also notes that the Internet can and ought to be used to establish a real dialogue between the government and the citizens which will bring certain social benefit.

Also undoubtedly beneficial is the development of Internet resources offering reliable information about the investment climate in Russia to the representatives of various fields of business (both in the Russian Federation and abroad). Ludmila Budnikova's article "The Role of Russia's Internet in Attracting Foreign Investment" is dedicated to describing and analyzing such Internet resources. As the foreign mass media mainly broadcast negative information on Russia's economy, the development of portal websites clarifying the economic situation inside the country is an important factor in stimulating interest in economic cooperation, and in the development of investment activity in Russia.

The author divides Internet resources designed to attracting foreign investment into two groups: pure Internet companies (the bulk of whose income comes from services offered on-line) and consulting, financial, and legal establishments that place their own information on corporate websites. Alongside a detailed analysis of the Internet resources in Russia now offering high-quality economic information, Budnikova examines the further need for Internet portals aimed directly at attracting foreign investment. She also evaluates the relative importance of Internet companies in Russia and examines the role of official information on the Internet aimed at attracting investment. Budnikova's clarification of these and many other issues, as well as her analysis of information resources, reveals the information sector's weaknesses and provides solutions offered for the elimination of such flaws.

As Yevgenii Gorny and Konstantin Vigursky note in their article, "The Development of Electronic Libraries: Russia and the World's Experience, Problems, and Outlook," the effective use of any information resource coupled with the timely and full presentation and dissemination of that resource's data requires extensive storage, search, and inventory. The sheer volume of information makes working efficiently with

Summary

these stores difficult. The solution to this problem lies—according to the article’s authors—in using contemporary means of computer and information technologies to transfer information into electronic form. As part of their study of such informational transfers, Gorny and Vigursky looked in particular at the so-called “e-library,” examining a number of key issues relating to the creation and development of electronic storage sites and offering a holistic concept of their functional structure.

Nikolai Mitrokhin in his article “The Internet: A Hunting Ground for Missionaries, or a Zone for Interfaith Conflict?” analyzes Internet resources of the Russian Orthodox Church. The Russian-language Orthodox Internet, notes Mitrokhin, is varied in form and rich in content, and in recent years has represented an increasingly large segment of the Russian Internet. Quite often, Orthodox websites act as multi-purpose and multi-functional portals that offer both informational and communicative resources. One such resource spotlights the official line of the Russian Orthodox Church and covers its news. Others provide access to full-fledged, highly professional libraries. Still others offer information for pilgrims, and report on the Church’s missionary activities in formats accessible to believers and non-believers alike.

In the author’s opinion, while the Church’s official website has been successful in its efforts to disseminate information, real missionary and catechizing work (i.e., spreading the faith among non-believers, and teaching the basics of its dogmas and rituals) remains outside the internet’s sphere of influence. The absence of systematic and large-scale missionary work on the Internet by the official Church’s websites forces “ordinary, accidental visitors” to turn to the “Orthodox public’s” sites (i.e. unofficial religious sites), which frequently post quite radical views. Examining such websites, Mitrokhin discusses the xenophobia and extremism that such sites often express and comes to the conclusion that the current lack of official missionary activities on the Internet serves as a foundation for religious radicalism. Therefore, he suggests that a more attentive and deliberate approach to resolving the issue of official Church missionary activities on the Internet is required. Quoting a speech given by His Holiness Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia at the Russian Orthodox Church’s Jubilee Hierarchical Conference of August 13-16, 2000, Mitrokhin adds that the importance of missionary work on the Internet, and of the “inter-Church exchange of information using modern communications technologies” is unquestionable.

Summary

As the Church's missionary activities depend on the widespread dissemination of theological information, so too does the scientific community depend on the efficiency and rapid functioning of scientific communications. However, writes contributor Elena Mirskaya, along with today's acceleration of information exchange, new technologies have created a new information and communications environment. To accommodate this, a systematic study is needed of the process of assimilating new information and communications technologies and of the results of this process' effects on the scientific community. It is to this study that Mirskaya's article "The Internet and Science: The Technologies of Globalization and Russia's Reality" is dedicated.

In her article, Mirskaya sets out to answer the following questions: Do new technologies influence the traditional indicators of scientific success? Does the productivity of scientists' professional activity depend on the active use of modern information and communications technologies? Is there any real proof of radical change in the mechanisms for the production of scientific knowledge? The author answers these questions using specific data from three empirical studies. These studies confirm the existence of the so-called "digital divide" problem—that is, the accelerating stratification of Russia's scientific community. As Mirskaya observes, those scholars who are able to combine a high degree of professionalism with active use of the world information and communications network acquire a significant advantage over their colleagues who are not able to achieve this combination of skill and technology.

This observation of Russia's "digital divide" leads scientists and technology scholars to ask two important questions: First, would the use of information and communications technologies instruments help to integrate the nation's fundamental research into the world system? And second, is the further development of computer communications *by itself* capable of leading to the integration of the nation's scientific research systems into the global scientific system? The data obtained by the author allows her to answer the first question positively, and the second negatively. She concludes that the possibility of Russia occupying a place in world science worthy of its intellectual and scientific resources is linked not as much to the introduction of new technologies into the Russian scientific community as it is to the maximum realization of that community's current information and communications potential.

Aleksandr Voiskunsky's "Internet Research in Psychology" shows that the problems of the Internet are of great interest not only to scien-

Summary

tists, but to scholars of the humanities as well. In his article, Voiskunsky sets out to examine the nature of psychological research studies connected with the Internet. The author concludes that as far as Russia's "Internet psychology" is concerned, its emergence and development as a separate discipline will depend less on the Internet itself than on the basic postulates of Russian domestic psychological science.

As this collection's closing author Ludmila Sukina reminds us, the Internet has created a complex system of relationships forming a new socio-technical environment in Russia. Under the influence of new communications technologies, Russian high culture has necessarily evolved as new dimensions of identity have appeared alongside traditional forms of expression. Sukina also notes that the increased availability of works of art on the Internet as well as the growth of Internet resources for studying the arts have created a new cultural environment that eliminates former differences between "the provinces" and "the capital." It is this Internet-inspired cultural evolution that Sukina's "Internet Publications of Classical and Modern Art and the Creation of a New Cultural Environment in Russia's Regions" sets out to examine.

Through the combination of their various efforts, the authors of this book have set out to examine one of the most intriguing developments in the new Russia: the socio-technological transformation of Russian society that has occurred in the face of today's revolution in information and communications technologies. Describing the effects of the Internet on Russian business, culture, religion, or science, the articles contained in *The Internet and Russian Society* seek to shed light on the current technological revolution in Russia. It is hoped that through the presented research work, this revolution will be better understood not only as it relates to the Russian case, but on a more global scale as well.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Московский Центр Карнеги создан в 1993 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». В рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-

экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, внутренней и внешней политики России, по вопросам безопасности, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Avenue, NW

Washington, DC 20036, USA

Tel.: (202) 483-76-00

Fax: (202) 483-18-40

E-mail: info@ceip.org

<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва,

Тверская ул., 16/2

Тел.: (095) 935-89-04

Факс: (095) 935-89-06

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>